

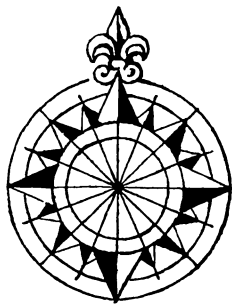

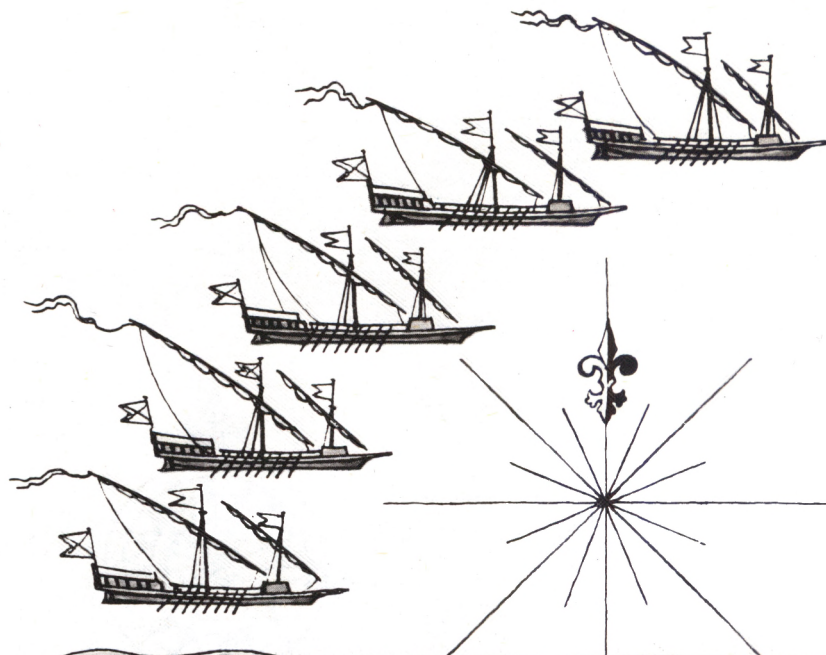
Е. ОЗЕРЕЦКАЯ • ДОБЛЕСТЬ РУССКОГО ФЛОТА

Е. ОЗЕРГІШКАЯ • ДОБЛЕСТЬ РУССКОГО ФЛОТА

ДОБЛЕСТЬ РУС

ИЗДАТЕЛЬСТВО

**« ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА »**

ЛЕНИНГРАД

1972

ТЕКСТ

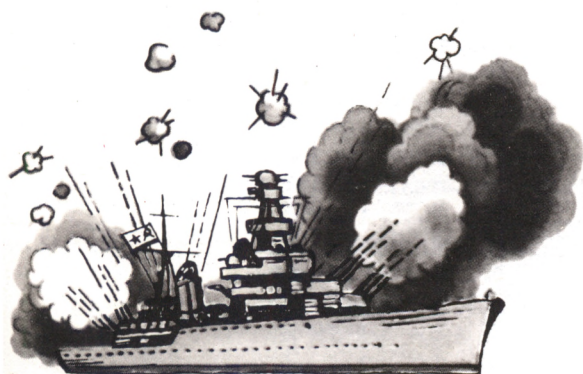
Е. ОЗЕРЕЦКОЙ

ХУДОЖНИКИ

Е. ВОЙШВИЛО,

Ю. КИСЕЛЁВ

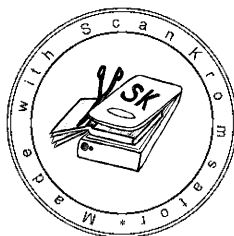
СКОГО ФЛОТА

Мы любим наш Военно-Морской Флот, мы гордимся его славной историей, помним имена прославленных флотоводцев. Но далеко не все из вас знают, как и когда создавался русский флот.

Как выросли наши корабли от маленького петровского ботика до могучих гигантов, бороздящих на воде и под водой все моря и океаны Земли? Какие выдающиеся географические открытия и подвиги совершены русскими моряками? Они сражались с беззаветной храбростью и побеждали в тяжёлых боях. Они открыли пролив между Россией и Америкой, обследовали множество неизвестных ранее островов и земель, первыми подошли к ледяным берегам таинственной Антарктиды. И случилось, что удивительные открытия стоили жизни отважным исследователям.

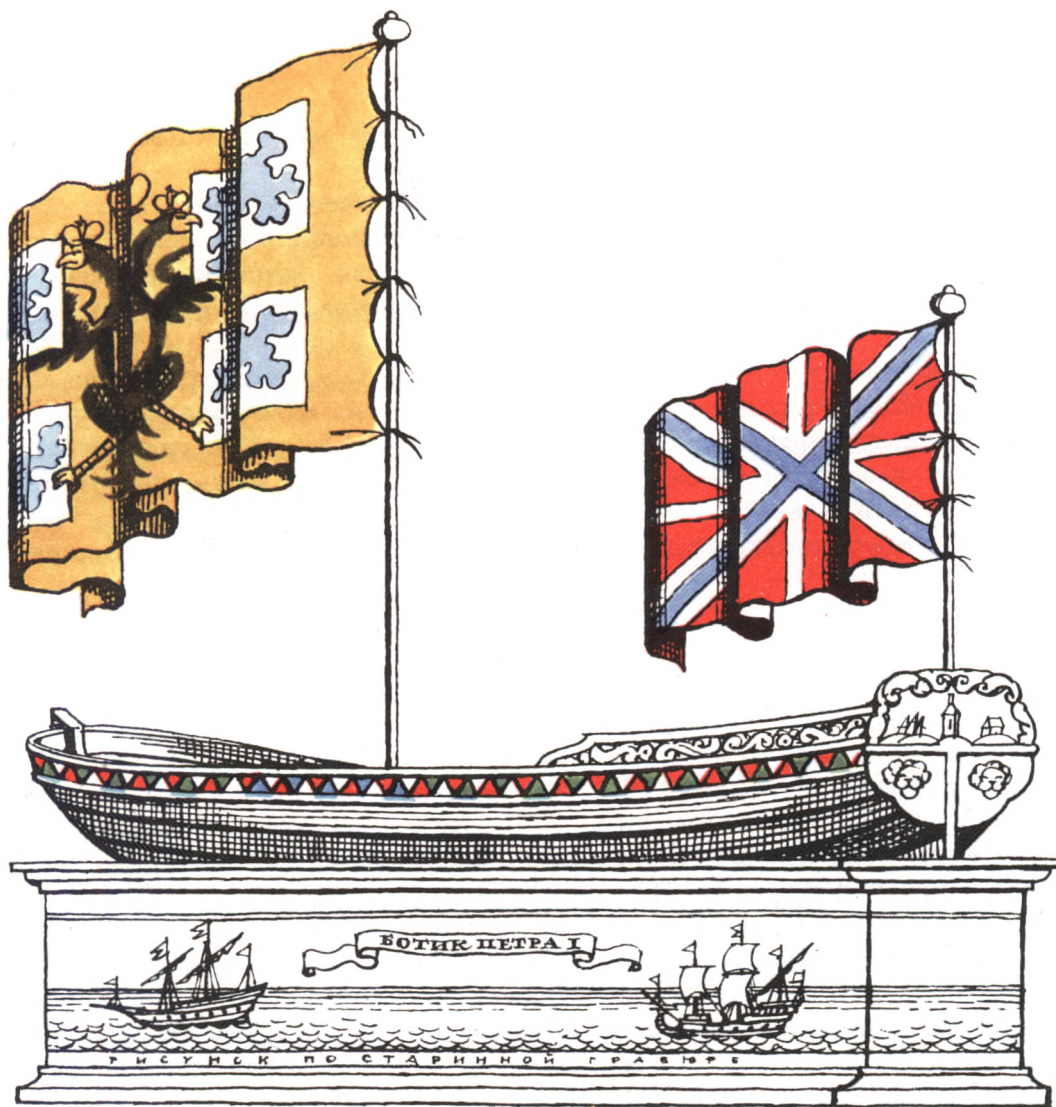
О самых знаменитых битвах, о самых необычайных научных экспедициях расскажет вам эта небольшая книжка.

Scan AAW

СОДЕРЖАНИЕ

Начало. Год 1688	7
Дедушка русского флота	8
В Архангельск! Год 1693	9
Боевое крещение. Год 1696	11
Окно в Европу	12
Великая северная. Годы 1733—1746	24
«Был». Год 1770	30
Невероятное стремление. Годы 1787—1788	36
Впервые вокруг света. Годы 1803—1806	42
Приключения «Дианы». Годы 1807—1814	48
Под тенью Фудзиямы	49
Шестой материк. Годы 1819—1821	53
«Терра Аустралис инкогнита»	53
На юг!	53
Остров с отоплением	54
«Ужасающего вида страна»	55
Колумбы Антарктиды	58
«Наваринский дым». Год 1827	59
На море и на суше. Годы 1853—1855	63
На море	63
На суше	66
Гордый «Варяг». Год 1904	71
9 февраля 1904 года	72
Мятежный броненосец. Год 1905	76
Корабли революции (ледовый поход). Год 1918	83
На море — фронт	86
История продолжается	94
Бороться и искать, найти и не сдаваться!	100
Заяц	100
Серьёзный разговор	100
Кухня погоды	104
До свидания	105
Послесловие	106
Словарь морских терминов	110

Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек.

А. Пушкин

НАЧАЛО

ГОД 1688

Мальчик никогда не видел моря. Он даже толком не знал — какое оно? В городе, где он жил, текла только река, небольшая, с грязными берегами. Вечерами с громким мычанием по глинистым откосам спускались коровы.

Учили мальчика мало и плохо, оттого что его учителя сами были не слишком учёными. Но читать он всё-таки научился и полюбил перелистывать сказания древних летописцев. Особенно интересными оказались рассказы о славных морских походах. За восемьсот лет до рождения мальчика ходили князья Аскольд и Дир за море воевать Константинополь. Через сто лет после них ходил на Византию

князь Игорь. А князь Александр Ярославич победил на реке Неве шведов и финнов и стал с тех пор называться Невским...

Узорные строчки и красные большие буквы-заставки летописей оживали при слабом свете, проходившем через маленькое слюдяное оконце. Они превращались в бурные седые волны, вздымались и падали с рёвом, грозя затопить низкую, душную, жарко натопленную светлицу. Сердце мальчика сладко замирало и тоже падало куда-то в пучину.

В одной из комнат большого дома, в котором жил мальчик, хранились старые модели кораблей. И часто тайком, чтобы никто не увидел, мальчик утаскивал их к себе. Когда он разглядывал крутые, просмолённые бока, запылённую ткань парусов и путаницу снастей, ему казалось, что он стоит на палубе и глядит через длинную подзорную трубу в бурную даль океана...

...Звали мальчика Петрушей, и был он русским царевичем, сыном царя Алексея Михайловича...

ДЕДУШКА РУССКОГО ФЛОТА

- Слышь-ка, что это там?
- Где, батюшка?
- Да в чулане, гляди, блестит?
- И верно. Лодка никак? И позолоту ещё видать!
- Давай разбирай всё. Тащи её сюда!

Стоял в селе Измайлове на льняном дворе старый амбар. Всякий ненужный хлам туда сваливали. Вот в этом амбаре и нашёл Петруша удивительную вещь. И не случись той находки, кто знает, как повернулась бы жизнь мальчика...

А нашёлся под хламом старый английский ботик. Его починили, поставили паруса, и впервые в жизни Пётр почувствовал под ногами зыбкое покачивание досок на воде, хотя вода-то была не очень важная — всего только речка Яуза.

Старый ботик обладал удивительной способностью — он мог ходить под боковым парусом против ветра. Но никто не знал, как же с ним обращаться? И тогда вызвали из немецкой слободы старика Карстена Брандта, пушкаря. Карстен Брандт плавал ещё на «Орле», при царе Алексее Михайловиче, и морское дело понимал хорошо. Он и научил Петра обращаться с парусами. Он же взялся и построить новые суда. Для этого заложили потешную верфь на Переяславском озере, в ста двадцати верстах от Москвы. Через много лет, уже немолодым человеком, Пётр I написал о своих плаваниях по Яузе: «Не многого авантажу сыскал, а охота стала от часу быть более».

И действительно, уже ничто другое не могло захватить его с такой силой. Корабли стали первой и самой сильной любовью в его жизни. А старому ботику он сам дал гордое имя «Дедушка русского флота».

Много радости принёс Петру «дедушка». Многим обязана «дедушке» Россия. Быть может, мечты мальчика о море так и остались бы мечтами, если бы не встал на его пути старый, маленький, всеми забытый ботик. Но они встретились, и встреча эта изменила судьбу обоих.

В АРХАНГЕЛЬСК!

ГОД 1693

— Нет, господа корабельщики, ничего доброго вы не сделали. Ты, Карстен Брандт, можешь ли настоящие корабли построить?

— Стар уж я, Пётр Алексеевич. Надо тебе хороших мастеров за границей искать. Там корабельщиков много. А у нас — что ж, у нас разве найдёшь кого?

— Вот и врёшь. Есть и у нас мастера преизрядные, истинно морским художествам от них поучиться можно.

— Где же такие сыскались?

— Далеко. В городе Архангельском. Там нашли морского дела старателей, потомков славных новгородцев. Послал уж я за ними.

Из Архангельска приехали корабельные мастера, Кочнев Тимофей да Трескин Ефим. Поглядели, что на озере понастроено, не похвалили. Велели всё ломать и приниматься заново. Кочнев положил в избе на пол деревянный щит, сел перед ним на корточки и принялся мелом выводить чертёж будущим кораблям. Четыре их заложили. На корме у каждого деревянная морда, на носу — золочёная морская девка. На берегу озера сделали пристань для судов, батарею для торжественной пальбы и небольшой дворец. Но Пётр был невесел.

— Ну, построили корабли, — мрачно сказал он своему другу Францу Лефорту, — а плавать где? В нашем озере одни мели, ветра стоящего не дождёшься. Нет, надобно к Белому морю ехать, в Архангельск.

Весной 1693 года полетели по Вологодскому тракту конные подставы — чтобы ехать без задержки. И Пётр с небольшой свитой отправился в путь. До Вологды ехали лошаадьми. А дальше — на семи карбасах по Сухони до Устьяга Великого, от Устьяга же Северной Двиной на Архангельск.

— Гляди, мин херц! Заря-то какая! — кричал Алексашка Меншиков на рассвете, когда подошли к Архангельску. Никто из москвичей не бывал раньше на севере, никто не видел его сказочных белых ночей.

Но Пётр не смотрел на небо. Нахмуясь, он не сводил глаз с медленно подплывающего берега. Над иноземным двором, выстроенным иностранными купцами, приезжавшими за товарами в Московию, словно над крепостью, возвышалось шесть башен, с валов грозно смотрели на царя единороги и мортиры, а у причальной стенки стояли океанские корабли под английскими, голландскими, гамбургскими флагами. Паутина снастей на мачтах переплетала, казалось, всё небо, а из открытых люков выглядывали тупорылые пушки.

«Ишь понаставили на нашей земле, — думал Пётр. — А у меня что? Шутейные кораблики при потешном дворце... Нет, господа иноземцы, будет и у нас флот настоящий!»

Оглушительным салютом встретили царя чужие корабли, и Петру показалось, будто ожили старые картины его детства...

— Вот такие нам нужно! — закричал он, больно хлопнув Алексашку по плечу. — Сам плотничать буду, всех бояр заставлю гвозди вбивать!

С этого дня всё время Пётр проводил на верфи, с нанятыми им мастерами и рабочими.

Стучали топоры, визжали пилы, пахло дёгтем, табаком, морскими канатами. Перепачканный смолой, загорелый, обветренный Пётр работал вместе со всеми. Свежий ветер трепал его кудрявые спутанные волосы, и впервые он был по-настоящему счастлив. А на стапелях поднимались шпангоуты нового корабля...

Шестого августа 1693 года судно вышло в Белое море. Это была двенадцати-пушечная яхта «Святой Пётр», и молодой, совсем не святой, но бесконечно счастливый царь Пётр I стоял у борта корабля, глядя в длинную подзорную трубу на холодную, бурную, северную водную даль.

За два года к яхте прибавилось ещё несколько кораблей, да два купили у голландцев.

— Сами будем товары возить! — сказал Пётр Лефорту.

— Это очень хорошо, Петер, — задумчиво ответил Лефорт, — но один портовый город — очень мало для такой большой страны. Воевать надо...

— С кем? С Крымом? Уж пробовали. А что вышло? Срам один!

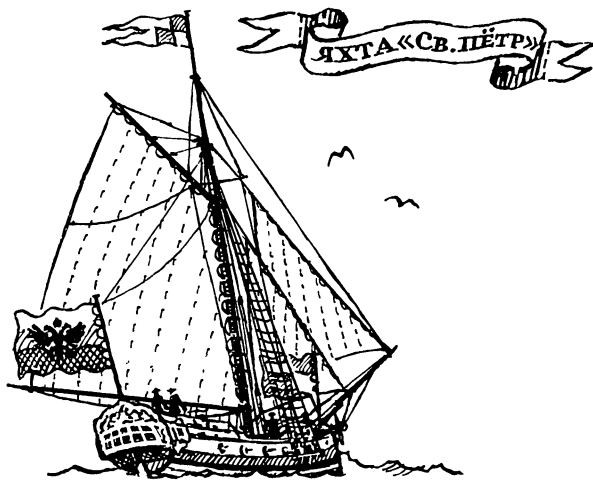
— Нельзя тебе без Чёрного и Азовского морей. Нельзя и без Балтийского. Вон голландские купцы говорят, что, будь у тебя гавани в Балтийском море, они бы в десять раз больше стали вывозить товару.

— Нет, Франц. Балтику шведы держат, не знаешь, что ли? Их никто одолеть не может.

— Там видно будет. А начинать надо с юга...

В феврале 1695 года стали собирать войско — воевать у турок город Азов.

Пётр приказал себя именовать бомбардиром Петром Алексеевым и отправился вместе с полками Преображенским, Семёновским и Лефортовым. Поплыли водой по Москве-реке, потом в Оку и дальше Волгой. Что за крепость Азов и как её воевать — толком не знали. Решили с божьей помощью взять штурмом.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

ГОД 1696

После долгой осады пошли, как было решено, на штурм. Множество русских солдат и офицеров погибло, но город взять не удалось. Турки преспокойно подвозили морем и свежие войска, и продовольствие. Первый азовский поход кончился бесславно.

Пётр тяжело переживал неудачу, ходил мрачный, ни с кем не хотел разговаривать, но об отступлении не думал.

— Без военного флота приморскую крепость не возьмёшь, — резко сказал он, когда генералы собрались на военный совет. — Зимой надобно строить большой флот в Воронеже, а через год попытаем ещё раз!

Со всей России начали сгонять в Воронеж десятки тысяч людей, мастеров и плотников, на строительство верфей, на заготовку и перевозку леса, на производство канатов, парусов и пушек.

Выстроили верфи, амбары, бараки. Заложили на стапелях два тридцатишести-пушечных корабля, двадцать четыре галеры и четыре брандера. К весне всё было готово. В мае на новой галере «Принкипиум» Пётр появился под Азовом во главе флота, а сухопутные войска, пополненные и отдохнувшие, снова обложили крепость с суши и построили в устье Дона форты.

— Не ходил бы ты так беспечно, государь, — сказал Петру главнокомандующий сухопутной армией Шеин, — или не видишь? Пулями да ядрами садят турки из крепости непрестанно!

— Вот-вот! — засмеялся Пётр. — Ты точь-в-точь, как сестрица моя, Наталья Алексеевна. Пишет она мне, чтобы я пулек остерегался!

— Что ж ты отвечал Наталье Алексеевне?

— А написал я ей: «По письму твоему, я к ядрам и пулям близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтобы не ходили!» Ну, давай-ка осмотрим, где лучше орудия поставить, да собери генералов — посоветуемся.

На сей раз туркам отбиться не удалось, хотя оборонялись они отчаянно. Но ведь турецкие корабли ничего не могли больше подвезти к осаждённому Азову — мешал русский флот. И когда кончились боеприпасы и продовольствие, туркам пришлось сдаться.

Впервые в истории России была одержана блестящая победа с помощью флота.

Произошло это 19 июля 1699 года. С этого дня и открылся свободный выход в Азовское море.

«Политическая пословица сказует о государях, морского флота не имущих, что те токмо одну руку имеют, а имеющие флот — обе», — написал позднее Пётр I в предисловии к морскому уставу.

Отныне Россия имела две руки!

ОКНО В ЕВРОПУ

— Ладно-то ладно, да не всё, — хмуро сказал Пётр Алексашке Меншикову летом 1700 года.

— А что тебе неладно, мин херц? — удивился Алексашка. — Что в Чёрное море выхода не дали? Так флот-то есть теперь. Добьёмся.

— За четыре года не добились ведь? А теперь договор подписали такой зловредный, чтоб в Чёрное море не выходить!

— Англичане да голландцы тому виной. Не могут они перенести, что у нас свои корабли завелись. Боятся, чтоб от этого в ихней морской торговле какой помехи не вышло. Вот и заступаются за турок, помогают им. . .

— Ладно, — сердито проворчал Петр, — прав был Лефорт. Надо на Балтику выходить, со шведом померяться. Да и встать там надо поближе. Будем новый город ставить на Ладоге. На Неве. . .

Болота, болота, кочки да леса, речки, ручьи, острова в дельте Невы. . . Неважное было место. Да зато уж очень подходящее. И вот в мае 1703 года заложили на берегу Невы, на острове Янни-Саари, крепость в шесть бастионов. Имя ей дали Петропавловская.

Нелёгкое это было дело. Тысячи мужиков, свезённых со всей России, стоя по пояс в воде, дубовыми кувалдами забивали сваи в топкий берег. Всех воров-колодников по приказу Петра тоже пригоняли сюда на работу. И сотнями ложились люди в мокрую землю на краю света — не выдерживали трудов, да и хлеба не хватало. «Зело здесь болеют, а многие и померли», — писал Пётр в Москву, требуя прислать ещё людей.

Так начался Санкт-Петербург — новая столица России. И её надо было защитить от шведов. . .

Недалеко от устья Невы лежал остров Котлин, заросший густым сосновым лесом

И лежал он так, что только мимо него можно было пройти в реку — в других местах мешали отмели.

Осенью 1703 года к нему подошли два небольших судёнышка. На берег выскочил высокий, кудрявый человек и почти бегом отправился осматривать остров. Спутники еле поспевали за ним.

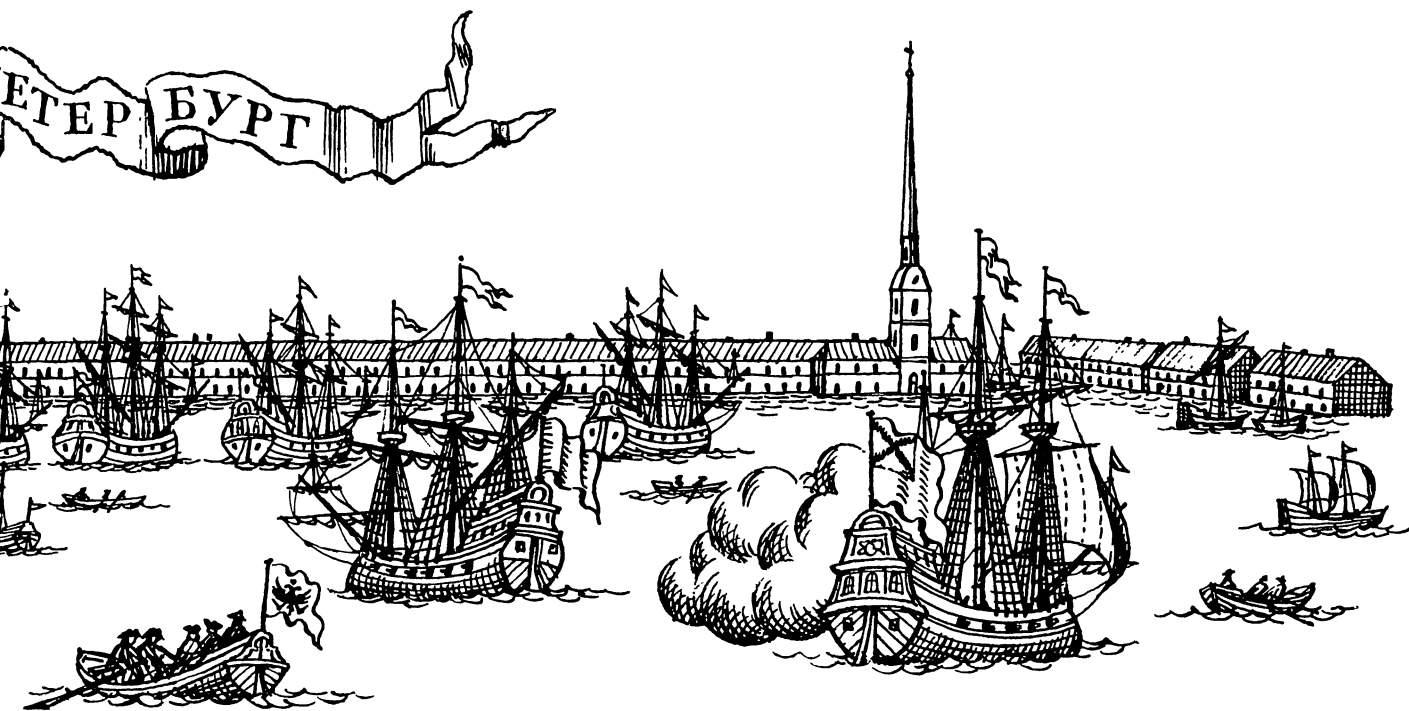
— По всему подходит! — весело крикнул он. — Сделаем мы здесь передовой форт, чтобы Питербурху нашему была охрана с моря. По промерам видать: глубина кругом подходящая!

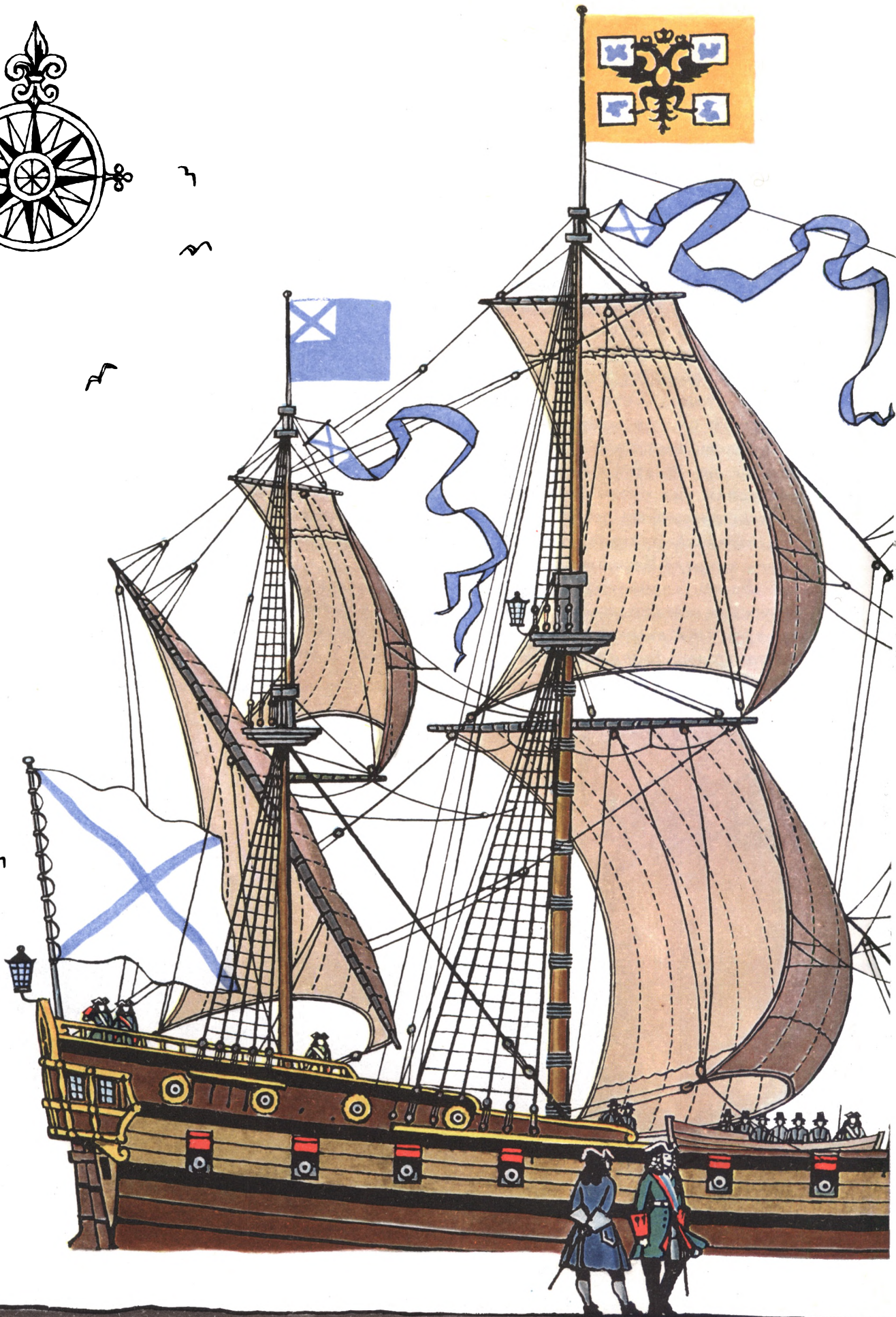
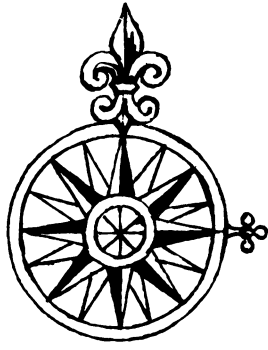
Скоро на отмели к югу от острова Котлин началась стройка нового русского форта Кроншлот — части будущей морской крепости Кронштадт. В инструкции коменданту крепости говорилось: «Содержать сию цитадель с божьей помощью ащо случится хотя до последнего человека».

Конечно, шведам всё это — и Петербург, и Кроншлот — особого удовольствия не доставило. Уже через год начали они нападать на новую крепость, да и на побережье тоже. Хотя все нападения были отбиты, но без кораблей надёжно защитить Петербург было всё-таки невозможно.

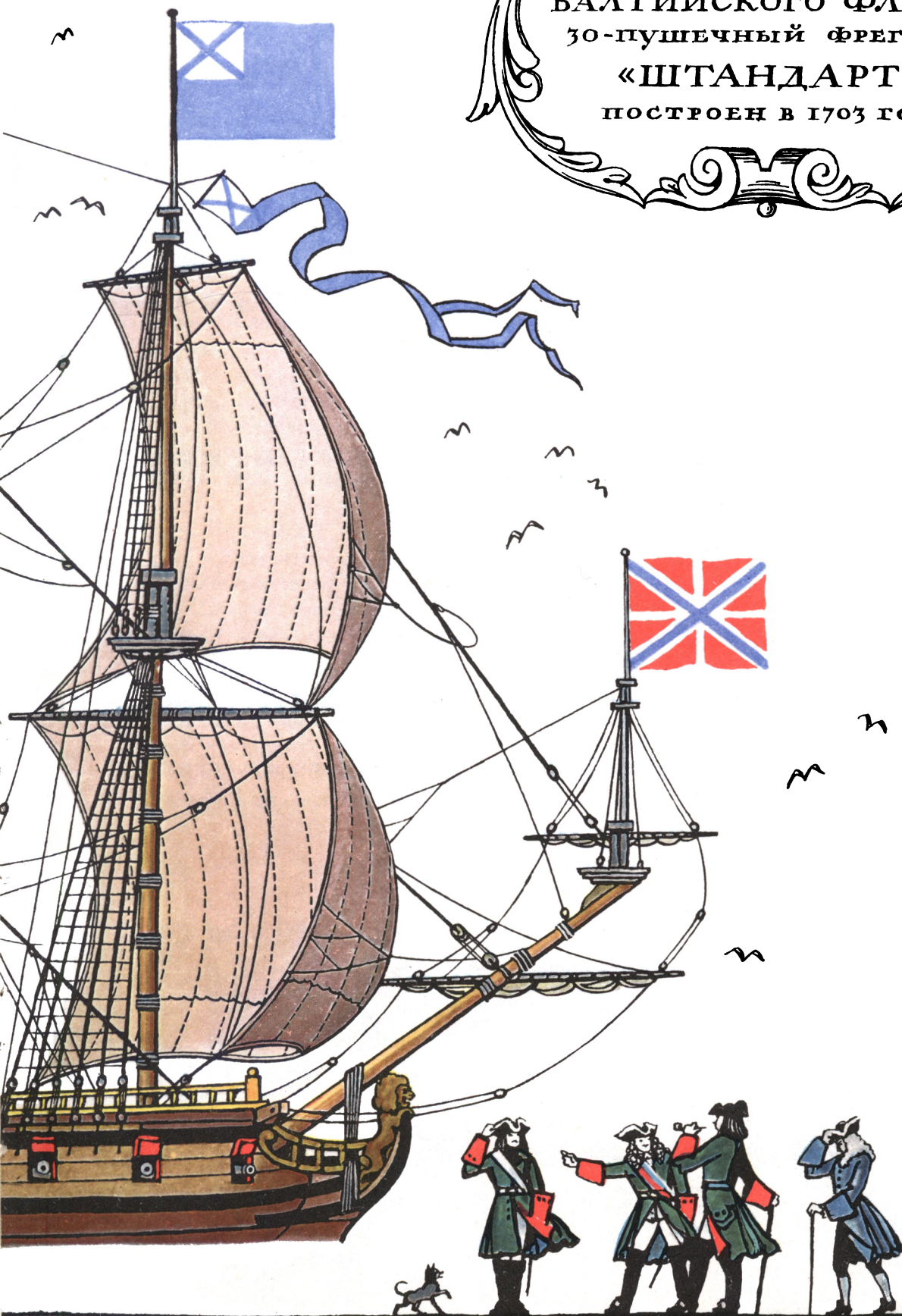
Снова застучали топоры, завизжали пилы. В трёх местах одновременно: на Ладоге да на реках Сяси и Свири — рос молодой Балтийский флот. К маю 1705 года выстроили уже около двух десятков судов. Триста орудий стояло на их палубах, ещё пахнувших свежим лесом, и две тысячи двести человек экипажей, матросов и пушкарей, ожидали приказа, чтобы тронуться в путь. Командующим флотом Пётр назначил вице-адмирала Корнелия Крюйса.

Борьба продолжалась долго — почти десять лет, и не всегда с успехом. Хотя у русских становилось всё больше и больше кораблей, но до шведского флота им было всё-таки ещё далеко. Однако мало-помалу отбили у шведов Выборг, Ригу, Ревель и много других городов, потом и Гельсингфорс. У шведов не осталось в Финском заливе ни одного опорного пункта.

ПЕРВЫЙ КОРАБЛЬ
БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА,
30-ПУШЕЧНЫЙ ФРЕГАТ
«ШТАНДАРТ».
ПОСТРОЕН В 1703 ГОДУ

Правду сказать, в Швеции уже не очень-то хотели продолжать войну. Слишком много страна понесла потерь, да и стоило всё это очень дорого. Сенаторы пробовали уговаривать своего короля Карла XII, чтобы он заключил мир с Россией. Однако Карл и слушать ничего не хотел. «Хотя бы вся Швеция пропала, — заявил он, — а миру не быть!»

Пришлось опять объявлять новую мобилизацию по всей Швеции — и солдат, и денег.

Чтобы русский флот не пошёл прямо на Швецию, решили его запереть в Финском заливе, а для этого собрать все основные силы шведского флота в самом удобном месте — у полуострова Гангут, который далеко выдаётся в море.

В предыдущих схватках русские чаще применяли небольшие гребные суда. В шхерах между островами было мелко, тяжёлые, с большой осадкой шведские корабли там пройти не могли, а маленькие, не глубоко сидящие русские судёнышки легко проскользывали и таким образом обходили шведов.

— А теперь как будем, господин вице-адмирал? — обратился Пётр к Крюйсу.

— М-да... — нерешительно проворчал тот.

— Ты не мычи. Диспозицию делать надо.

— Подумаем, Пётр Алексеевич.

— Думать долго уже некогда. Швед ждать не станет.

— Обходного-то пути, вишь ты, нет.

— Нету. Поглядеть — никоими мерами от больших кораблей пройти, кажись, невозможно. Так?

— Будто и так.

— Так ли?

— Я и говорю — подумать надо.

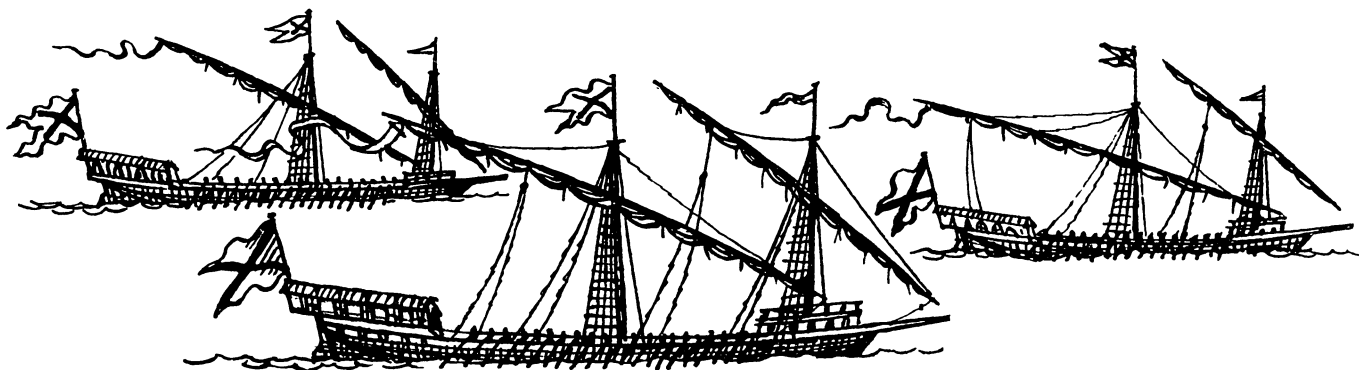
— А я уж подумал.

— Ох, скор ты, Пётр Алексеевич...

— Будешь скор, коли прижмёт.

— Как же действовать располагаешь?

— А вот как: спехом будем новые корабли строить — это раз. Из Архангельска приведём «Рафаила» и «Гавриила» — это два. Им там сейчас особого делу нету, так стоят, а здесь нам каждый парус ох как дорог. За границей сколько-нибудь купим — это три. На этакой предмет никаких денег не жалко, без кораблей много больше того потеряем. И с божьей помощью попробуем. Всё равно, пока шведа не одолеем, — не

жить Питербурху, да и вся торговля российская в чужих руках по-прежнему будет. А уж это — ах, оставьте. Хватит, побаловались. — И Пётр сердито прикусил свою чёрную, обкуренную трубку.

Нелегко всё это далось. Однако ж к весне 1714 года было в русском флоте 16 линейных кораблей, а гребных около сотни.

— Начнём, господа адмиралы, — сказал Пётр, — диспозиция будет такая: Апраксину Фёдору Матвеевичу вести гребной флот в Гельсингфорс и туда десант доставить. С кораблями же я сам пойду. Стану гребной флот прикрывать и силы шведа на себя отвлекать. А как к Гангуту придём, то, коли понадобится, в самой узкой части перешейка построим переволоку и перебросим суда по суше. Быть по сему!

— Быть по сему, Пётр Алексеевич! Обманем шведа! — согласились члены военного совета.

Однако «обмануть шведа» удалось не вполне. О переволоке они догадались и перебазировали часть своих кораблей туда, где её выстроили.

В восемь часов утра шестого августа 1714 года, прячась сперва между шхерами, а потом выйдя на открытое место, двадцать галер помчались вперёд и обогнули Гангутский мыс. На море стоял штиль, и паруса на больших шведских кораблях уныло и неподвижно висели. Гнаться за маленькими, вёрткими галерами, чтобы разгромить их артиллерийским огнём, шведы не могли.

— Взять корабли на буксир шлюпками и шхерботами! — приказал шведский адмирал Ватранг.

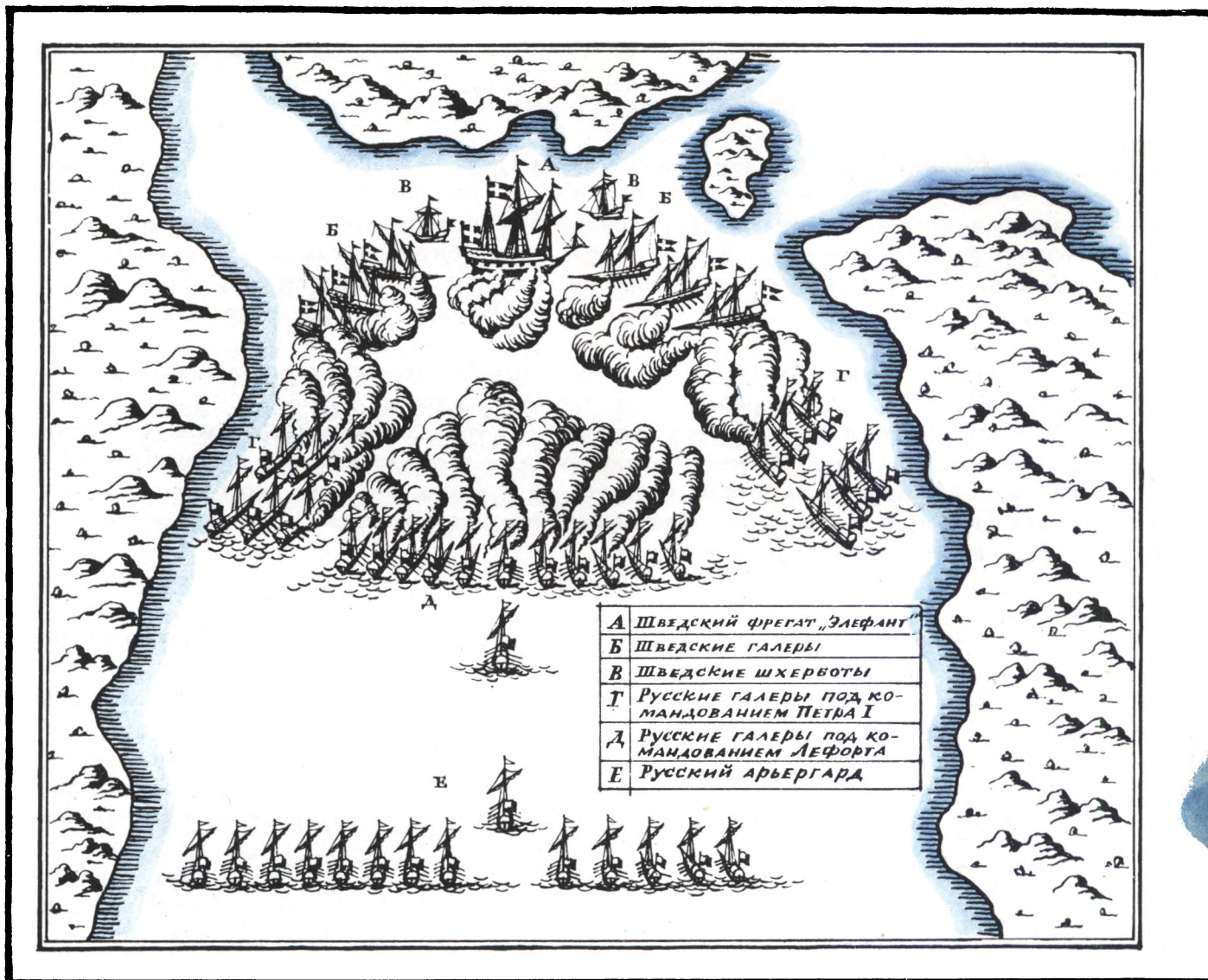
Это было исполнено, но, конечно, тяжёлые суда шли всё-таки слишком медленно.

— Проклятие! — выругался Ватранг. — Чем ближе мы к ним подходим, тем дальше они уходят в море! А снаряды наши падают с недолётом!

К десяти часам галеры обогнули полуостров, и Апраксин сразу же выслал второй отряд. Теперь корабли шведов находились не у самого берега, а стояли несколько дальше в море, куда их отбуксировали шлюпки в погоне за галерами. Этим и воспользовались русские.

Утром седьмого августа в предрассветном тумане весь гребной флот пошёл по фарватеру между шведскими кораблями и берегом. Когда шведы спохватились и начали обстрел, было уже поздно. Несмотря на сотни ядер, летевших в русские суда, те отважно продолжали мчаться вперёд и, прорвавшись через блокаду, обогнули Гангутский мыс.

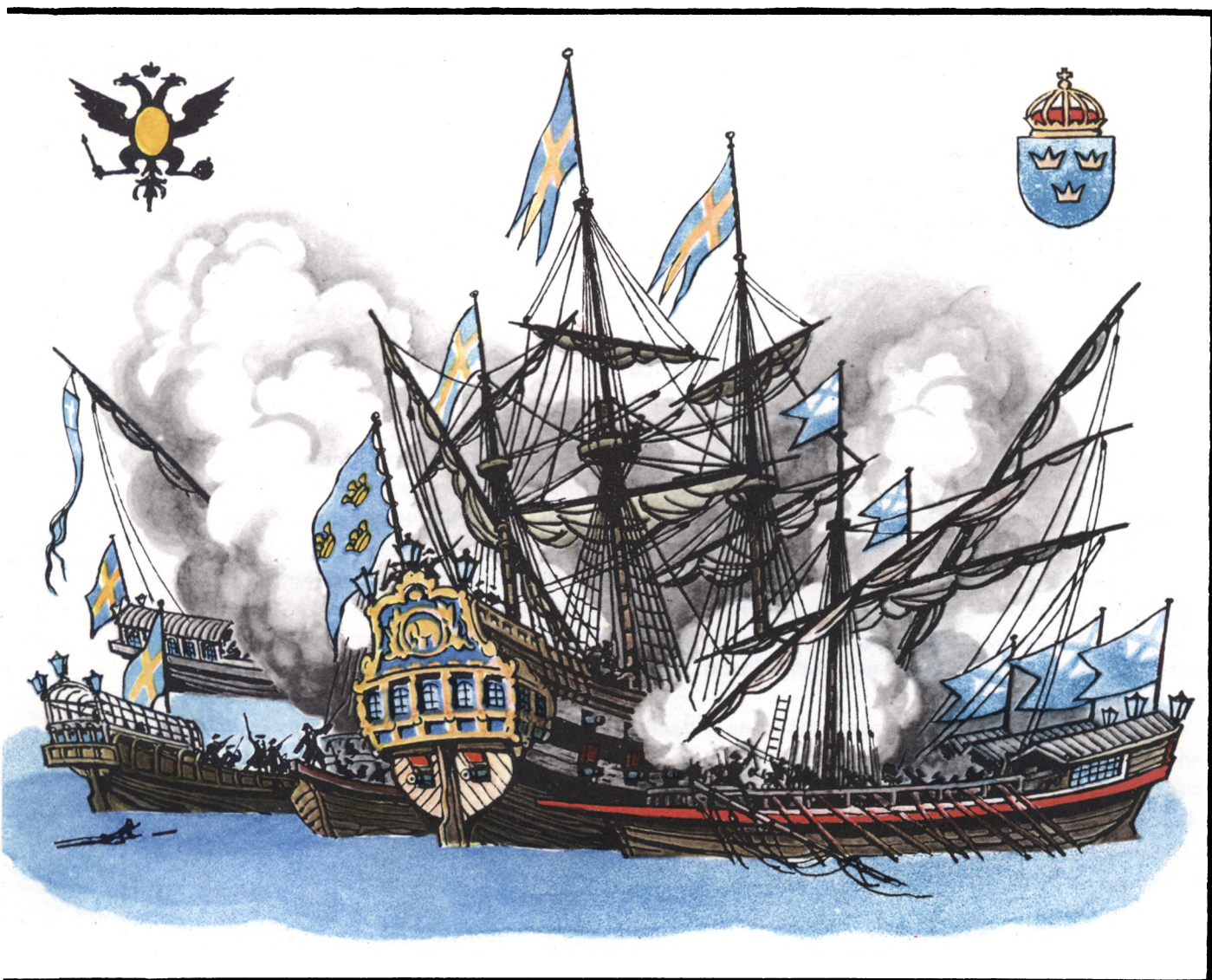
ПЕРВАЯ ПОБЕДА РУССКОГО ВОЕННО
В ГАНГУТСКОМ

27 ИЮЛЯ

В БОЮ БЫЛ РАЗГРО
 ОТРЯД ШВЕДСКИХ КОРАБЛ

ВО ГА
 С 18-ПУШЕЧНЫ

«ЭЛЕ

-МОРСКОГО ФЛОТА НАД ШВЕДАМИ
МОРСКОМ БОЮ

1714 ГОДА.

ПЛЕН И ВЗЯТ В ПЛЕН

ЕЙ АДМИРАЛА ЭРЕНШЕЛЬДА

АВЕ

М ФРЕГАТОМ

ФАНТ»

— Вот же! — закричал Пётр. — Сквозь весь авантажно стоявший неприятельский флот, несмотря на жестоко учинённый от неприятеля огонь, пробились! Виват наш гребной флот!

— Виват! Виват! — кричали все: матросы, офицеры и десантные солдаты, покрытые пороховой копотью и кровью.

Да и было чему радоваться! 98 галер и 15 000 десантников, с полными запасами боеприпасов и продовольствия вышли, разорвав блокаду, из Финского залива на запад.

Теперь предстоял жестокий, последний бой с противником, который сторожил перволоку. Шведские суда построились полукругом, имея в центре самый сильный корабль — восемнадцатипушечный флагманский фрегат «Элефант», на борту которого находился контр-адмирал Эреншельд.

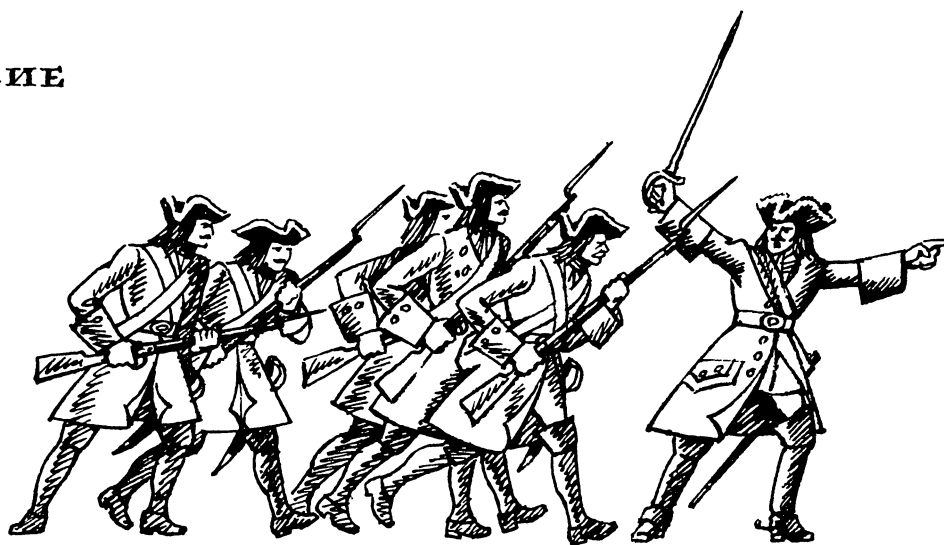
В два часа дня по сигналу русские галеры, разделившись на три части, бросились к шведским кораблям. Начальники отрядов, со шпагами в руках, стоя во весь рост, шли на шлюпках впереди галер.

Шведы подпустили русских на полтора кабельтова, а затем начали в упор расстреливать их. Падали убитые и раненые, кровь заливала палубы. Первую атаку шведам удалось отбить, но через полчаса началась вторая, а около четырёх часов дня — третья. Теперь русские изменили тактику: они ударили по флангам вражеской эскадры. Загрохотали орудия. Пехотные солдаты обрушили на шведов ураганный ружейный огонь. Наконец подошли вплотную, и цепкие крючья впились в борта вражеских кораблей. На чужих палубах закипел рукопашный бой. Вскоре, не выдержав стремительного натиска, сдался один из шведских кораблей, вслед за ним захватили ещё пять. С исключительным героизмом дрались матросы и десантные солдаты. Более ста человек пали смертью храбрых.

Все шведские суда, прикрывавшие «Элефант», были захвачены. Однако флагман продолжал стойко сражаться. Лишь после того, как на нём начался пожар, удалось взять его на бордаж. Израненный, покрытый кровью Эреншельд сражался, не опуская шпаги, пока не упал за борт. Русский капитан Бакеев спас его и взял в плен.

Стихли выстрелы. Умолкли воинственные крики. Шведская эскадра была разгромлена полностью.

РУССКИЕ

Когда, возвращаясь домой, победоносные русские корабли шли по Неве, ведя захваченные вражеские суда, тысячи жителей приветствовали их с берегов, а над Петербургом гремели залпы артиллерийских салютов.

— Ну вот, Франц, старый друг, всё вышло, как мы мечтали... — сказал Пётр.

— Когда маленький русский царевич впервые приплыл к нам в немецкую слободу, — тихо ответил Лефорт, — он был всего лишь упрямым ребёнком. Теперь я приветствую его как истинно великого государя и завоевателя. Ты приведёшь свою страну к всемирной славе, Питер!

На мосту Петропавловской крепости в честь победителей возвышались триумфальные ворота с разными картинами. На одной из них был нарисован орёл, напавший на слона, и написано: «Орёл не мух ловит»; ведь «Элефант» — значит «слон».

А вечером на торжественном обеде Пётр посадил около себя Эреншельда и был к нему очень внимателен, потому что и в противнике умел уважать храбрость.

Ещё много побед над шведами одержал молодой Балтийский флот, и в 1721 году шведы были вынуждены подписать Ништадтский мирный договор. К России навечно отошли: Лифляндия, Эстляндия, Ингрия, часть Карелии, Рига, Ревель, Выборг, Кексгольм и множество островов.

В честь Ништадтского мира тоже устроили большие празднества и в Петербурге, и в Москве. По московским улицам прошла необыкновенная процессия: множество разных кораблей, поставленных на полозья, с музыкой и пушечной пальбой двигалось к Кремлю, и сам Пётр командовал на флагмане. А в Кремле его встретил старый друг; на пьедестале, украшенном картинами и надписями, стоял «Дедушка русского флота», и все корабли отдавали ему честь. Вот какого почёта дождался старый ботик от своего доблестного потомства!

А через два года в честь родоначальника флота Российского Пётр устроил особое торжество. Ботик перевезли из Москвы в Петербург, пышно встретили барабанным боем, звуками труб, криками «ура» и пушечной пальбой. Все корабли, мимо которых он проходил, приспускали флаг и вымпел, кланяясь «деду». Потом его поставили в Петропавловской крепости. А теперь он стоит в Военно-Морском музее, и каждый может пойти с ним повидаться...

ШВЕДЫ

РУССКИЙ ФЛОТ

1	ФРЕГАТ 74-ПУШЕЧНЫЙ
2	ФРЕГАТ 32-ПУШЕЧНЫЙ
3	ФРЕГАТ 28-ПУШЕЧНЫЙ
4	ФРЕГАТ 24-ПУШЕЧНЫЙ
5	ШНЯВА 12-ПУШЕЧНАЯ

9

1

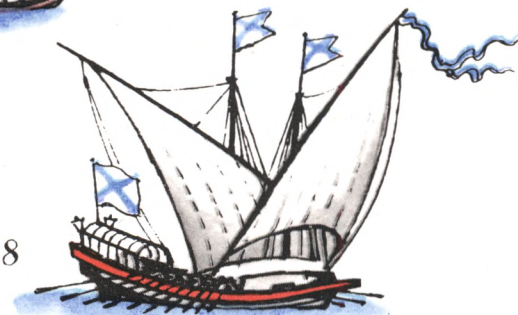
2

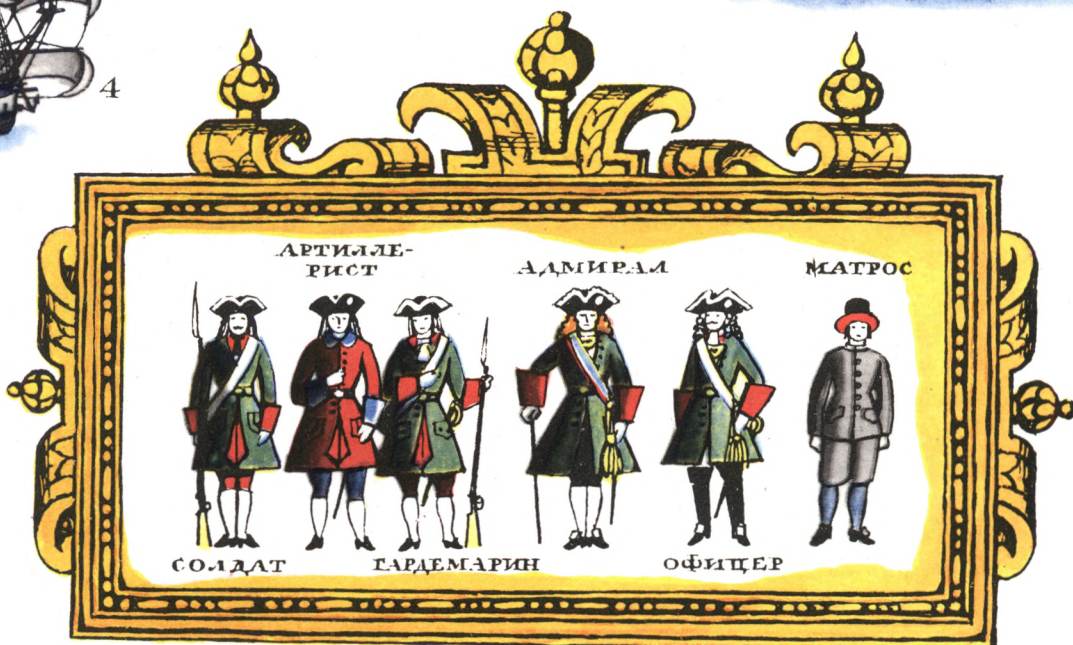
3

при ПЕТРЕ ПЕРВОМ

6	БРИГАНТИНА 16-ПУШЕЧНАЯ
7	ГАЛЕРА, ИДУЩАЯ НА ВЁСЛАХ
8	ГАЛЕРА, ИДУЩАЯ ПОД ПАРУСАМИ
9	БОТ
10	ЯХТА

10

ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ

ГОДЫ 1733—1746

— Витус, Витус! — кричали мальчишки. — Пойдём скорее! К тётушке Анне сын приехал!

В маленьком домике на окраине датского города Выборга собралось много народу. Все пришли послушать бравого бородатого матроса, который рассказывал чудеса.

— А к югу от земли Камчатки лежит Земля Гамы, — говорил он, — и кто доплывёт до неё, найдёт бесчисленные богатства. Клады и всякие сокровища лежат там на каждом шагу. Их стерегут огнедышащие драконы, но они пропустят того, кто понравится королеве острова.

Витус слушал затаив дыхание. Он так мечтал о дальних плаваниях, о таинственных островах, о неведомых землях и морях!

— Пойду в море, как только вырасту! — решил мальчик.

Много морей пересёк Витус Ионссен Беринг. Вся его юность прошла в океанских плаваниях на кораблях Ост-Индской компании. Но ни разу не довелось даже близко подойти к тем местам, где скрывалась загадочная Земля Гамы.

Постепенно детская мечта потускнела и забылась. Потом судьба забросила его в Россию. Он ходил с Петром на Азов, воевал с ним на Балтике, и Пётр ценил Беринга, как знатока морского дела, как честного, исполнительного моряка.

Во время Северной войны, выполняя специальное поручение Петра, Беринг провёл из Копенгагена в Кронштадт корабль «Перл», а из Белого моря, вокруг Скандинавии, корабль «Селафаил», построенный на архангельской верфи. Пётр сам включил Беринга в число тех капитанов, которые должны были вести первые корабли под русским флагом вокруг Европы из портов Азовского моря на Балтику.

В декабре 1724 года, уже тяжело больной, Пётр сказал генерал-адмиралу Апраксину:

— Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил то, о чём мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. Голландцы да англичане много раз её искали, да не нашли. Не будем ли мы счастливее? А начальником поставить Витуса Беринга, помощником же его Алексея Чирикова.

Через пять недель Пётр умер. Но его предсмертная воля была выполнена. Первая камчатская экспедиция продолжалась целых пять лет, хотя морской поход в поисках пролива длился всего только полтора месяца. Так много времени ушло на строительство кораблей, заготовку провианта, а главное — на путешествие из Петербурга до Камчатки и обратно. В этот раз экспедиция успехом не увенчалась.

28 декабря 1732 года по специальному указу Адмиралтейств-коллегии, что «действительно к славе Российской империи отправлена быть может», начала своё существование новая, Великая северная экспедиция. Один из её отрядов возглавил Беринг и Чириков. Поручено им было найти морской путь из Камчатки в Америку.

Четыре года добирались через таёжные дебри из Петербурга до Охотска. Ещё четыре года строили корабли — пакетботы, годные для плавания по океану. Флагманским «Святым Петром» командовал Беринг, «Святым Павлом» — Чириков. Наконец, перезимовав на Камчатке, в Авачинской губе, и положив начало будущему Петропавловскому порту, вышли на двух пакетботах в море.

В мае 1741 года в каюте Беринга шло совещание офицеров обоих кораблей:

— Так вот, господа офицеры, надобно нам решить — каким курсом идти, — сказал Беринг.

— Что же обсуждать? — удивился Чириков. — Нам точно указано: курс от Камчатки через океан к Америке.

— Прошу прощения, — сказал вдруг кто-то, — можно и не совсем так.

Чириков обернулся. Это говорил Людовик Делиль де ла Кройер — невежественный авантюрист, попавший в экспедицию по протекции. Он развернул старую карту Восточного океана и продолжал:

— Взгляните: совсем недалеко отсюда, к югу от Камчатки, лежит Земля Гамы.

Беринг вздрогнул. Его глаза заблестели, он повернулся всем корпусом к Делилю.

— Подумайте, — продолжал тот, — найдя эту землю, мы станем обладателями несметных сокровищ!

— Что за пустяки, — засмеялся Чириков, — этой земли не существует. Вот уже сто лет, как её ищут легковерные. А пойдя в сей фантастический поиск, мы только потеряем навигационное время. Нет. Должно нам идти по инструкции, на северо-восток, пока не найдём северо-западного берега американского материка!

Беринг молчал. Старая детская мечта снова охватила его с необычайной силой. Земля Гамы... Сказочные сокровища... Таинственный остров...

«Я уже старик, — думал он, — если не теперь, значит — никогда. И ведь мы так близко от цели...»

Он медленно встал. Чириков выжидательно глядел на командора, остальные шумели и спорили.

— Пойдем сперва на юг, до сорок шестого градуса северной широты, — сказал Беринг, и все замолчали, — а если не найдём Землю Гамы, повернём на северо-восток.

Три недели из короткой летней навигации пропали зря. Беринг держал курс даже ещё южнее того, который сам же он назвал во время совещания. Неудержимо, фатально стремился он к сказке своего детства, к фантастической «Земле Гамы». Чириков же вёл «Святого Павла», как решили, и скоро понял, что флагман уходит с курса. Он тотчас просигналил: «Необходимы переговоры», и «Святой Пётр» подошёл на расстояние голоса.

— Ежели так пойдём, — закричал в рупор Чириков, — то, хотя малый туман найдёт, можем скоро разлучиться и потом в искании друг друга упустить немало удобного времени!

Скоро его слова сбылись. Хотя Беринг согласился наконец изменить курс и идти на северо-восток, но в тумане корабли друг друга потеряли. Сутки искал своего командора Чириков, но мог ли он предполагать, что тот снова повернул к «острову сокровищ»?

Корабли никогда больше не встретились. «Землю Гамы» Беринг, конечно, не нашёл, но зато открыл пролив между Азией и Северной Америкой. 26 июля Беринг привёл «Святого Петра» на рейд острова Каяк, но, простояв там всего десять часов, приказал сниматься с якоря.

— Берег нам не знакомый, чужой, — сказал Беринг, — провианта на прозимовку не хватит. А до дому ещё далеко...

Недели три шли вдоль американского побережья, но не на север, где встретили бы верного курсу Чирикова, а на юго-запад. «Остров сокровищ» по-прежнему властно манил старого командора и заставил его, опытного, знающего морехода, забывать обо всём. Приближалась осень — пора непогод. В течение первого месяца обратного пути

Берингу удалось сделать несколько важных географических открытий в восточной части Алеутской гряды: Евдокеевские острова, остров Стефана и остров Шумагина. Никита Шумагин, матрос, в честь которого Беринг дал это название, остался на своём острове навсегда: здесь его, умершего от цинги, похоронили.

Жестокие осенние штормы два месяца носили корабль по океану. Протухшая солонина и недостаток пресной воды сделали своё дело. Двенадцать человек умерли от цинги, тридцать четыре были безнадежны.

На третий месяц, во время стоянки у безлюдного острова, волны сорвали «Святого Петра» с якоря и перебросили через рифы в лагуну. Выхода в море для корабля больше не было...

На носилках, сделанных из двух шестов, четыре человека вынесли на берег большого капитан-командора.

Шторм продолжал бушевать. Стали рыть землянки, чтобы хоть как-нибудь укрыться от дождя и ветра. Измученным, ослабевшим людям понадобилось для этой работы много времени. Песок не держался, обваливался, засыпал уже сделанное, приходилось бесчисленное множество раз начинать сначала. Даже для здоровых людей задача оказалась бы нелёгкой, а в команде «Святого Петра» здоровых не осталось. Те, кого ещё не скосила цинга, с трудом держались на ногах, из последних сил сопротивляясь болезни. Матросы падали от истощения, с трудом поднимались, копали и снова падали, задыхаясь.

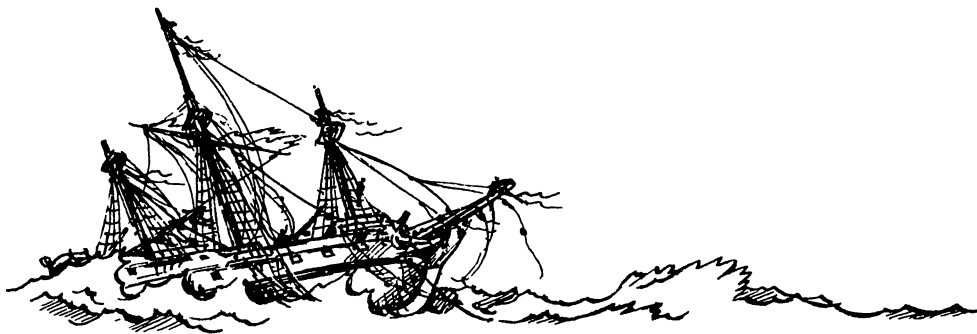
— Могилки себе рою, — пробормотал один матрос.

— Хоть помрём в покое да не в сырости, — небесело усмехнулся другой.

В похожей на яму землянке 8 декабря 1741 года, после долгих, мучительных страданий, скончался Витус Беринг — «Иван Иванович», как звали его русские.

За пленительную мечту детства, за сказку об острове сокровищ он заплатил своей жизнью и жизнями многих своих спутников.

Несмотря на все ошибки, жизнь его была поистине величественной. Это он впервые прошёл между Чукотским полуостровом и Аляской по проливу, который теперь носит его имя. Возглавленная им экспедиция достигла берегов Северной Америки. Открытые им острова нанесены на карту там, где прежде изображались лишь водные просторы. А северная часть Тихого океана, расположенная между северо-восточной Азией, Аляской, Алеутскими и Командорскими островами, где проходит теперь трасса Великого Северного Морского пути, называется Беринговым морем. Географические карты на всех языках мира увековечили имя старого мечтателя.

**ГИБЕЛЬ
ПАКЕТБОТА
«СВ. ПЁТР»**

Совсем недавно на берегу бухты Командора учёные-краеведы нашли части таке-лажа старинного парусного судна — всё, что осталось от «Святого Петра». Невдалеке лежали замки кремневых ружей и железные топоры. В жёлтом сыпучем песке поблёскивали стеклянные бусы и разноцветными огоньками вспыхивали бисеринки. Их вёз с собой Беринг для подарков жителям неоткрытых стран.

Может быть, покупая эти пёстрые сокровища, задумчиво пересыпая их между пальцами, Витус Беринг представлял себе, как он почтительно преподнесёт их прекрасной и таинственной властительнице?

— Благодарю тебя, рыцарь, — скажет она, — теперь проси о чём хочешь!

— Разреши, прекрасная королева, взять немного от твоих богатств?

— Ну что ж, бери. У меня их много.

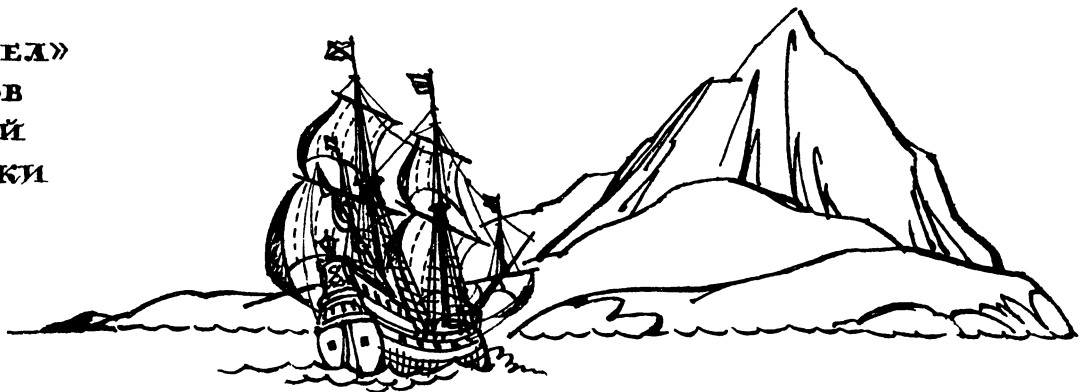
— А мне так нужно вознаградить своих людей за далёкий и трудный путь. Много дней мы боролись с волнами и бурями, пока, наконец, достигли берегов твоего царства.

— Ты заслужил награду, и твои люди также...

Нелегко пришлось и морякам «Святого Павла». Но Чириков был совсем другим человеком, чем Беринг. Недаром Адмиралтейств-Коллегия назвала его «тщательным и исправным, как надлежит искусному морскому офицеру», недаром считался он одним из лучших среди людей тогдашнего флота, среди славной плеяды «птенцов гнезда Петрова». Ещё при выпуске из Морской академии Пётр, присутствовавший на экзаменах, приказал произвести Чирикова сразу в унтер-лейтенанты, то есть дать ему второй офицерский чин тогдашнего флота. А после трёхлетнего практического плавания он вернулся в академию уже преподавателем.

Наверное, он, как и Беринг, умел мечтать. Но на первом месте у него всегда стоял долг. Он ни разу не отклонился от курса и на пять суток раньше Беринга высадился на Американском материке, только на 11° севернее. Провёл он там десять дней, чтобы всё тщательно осмотреть, потом прошёл вдоль материка больше 200 миль к северу. И тут случилась беда — пропали без вести обе шлюпки с людьми, посланными на берег, и нельзя было даже выяснить, что с ними случилось, потому что подойти к берегу «Святой Павел» не мог, а шлюпок больше не было. Вместе со шлюпками пропала и возможность пополнить запасы пресной воды. Чириков полагал, что их захватили кочевавшие в этих местах индейцы племени тлинкитов, но это было лишь предположение. Кто и как смог бы его проверить?

**«Св. Павел»
у берегов
Северной
Америки**

ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

НА КОРАБЛЕ
«Св. Гавриил»
(1-я КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ)

И

НА КОРАБЛЯХ
«Св. Пётр» и «Св. Павел»
(2-я КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ)

ПОД НАЧАЛЬСТВОМ
КАПИТАНА-КОМАНДОРА
ВИТУСА БЕРИНГА

В

1725—1745 г.

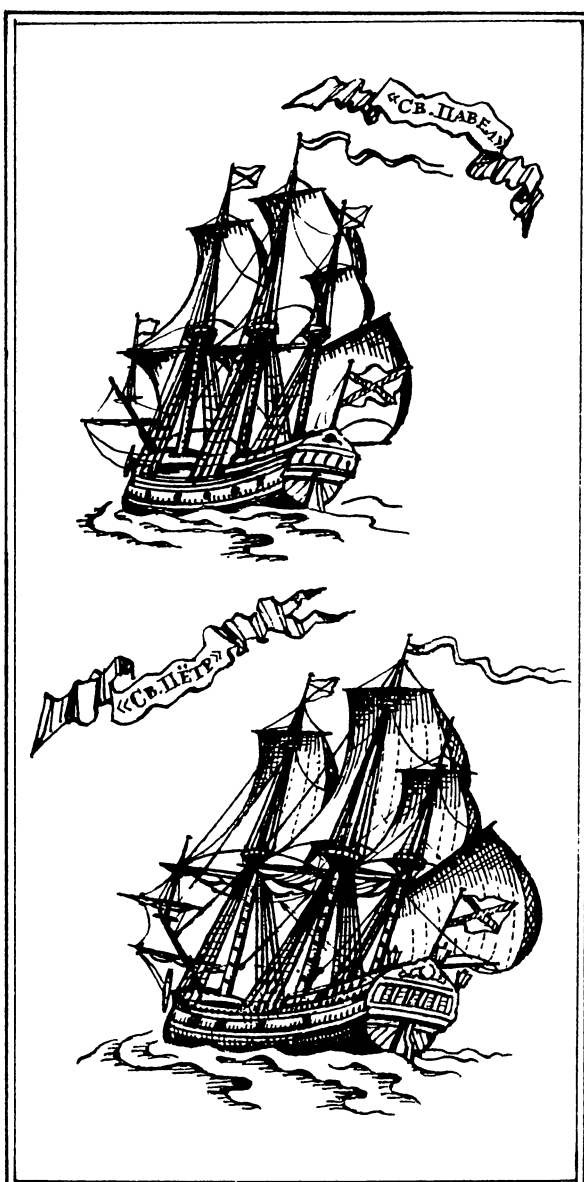

Составив подробную карту побережья, Чириков повёл корабль обратно в Петропавловск новым путём, надеясь встретить ещё не известные земли. И он встретил их. На карте появился ряд новых островов Алеутской гряды — Умна́х, Ада́х и другие.

Кончалась вода, её выдавали крошечными порциями. Кончались запасы провианта. Среди экипажа свирепствовала цинга. Многие умерли, другие лежали полумёртвыми. Слёг и сам Чириков и другие офицеры. На вахте бесшумно стоял один штурман Иван Елагин, тоже больной. В октябре обезлюдевший, словно корабль-призрак, «Святой Павел» пришёл в Петропавловск.

«Господин капитан-командор и по нижеподписанное число ещё не возвратился», — написал в донесении Чириков. Мог ли он знать, что днём позже, чем были написаны эти слова, капитан-командор закончит свои дни на безлюдном острове?

Но такой человек, как Чириков, не мог, конечно, бросить Беринга на произвол

судьбы. Он не уехал из Петропавловска. Перезимовав там, Чириков, совершенно больной, измученный цингой и чахоткой, с одним офицером и половинным числом матросов вышел на поиски своего капитан-командора. Снова дошёл «Святой Павел» до самой Алеутской гряды, но Чириков так и не узнал, что на одном из Командорских островов, мимо которых он проплыл, ещё бедствовали моряки флагманского корабля.

Только на несколько лет пережил Беринга Чириков. В 1748 году он скончался «по крайней слабости здоровья своего, расстроенного чахоткою и цинготною болезнью».

Грандиозное предприятие, осуществлённое русскими мореплавателями и учёными, навсегда прославило их имена. Недаром сказал о Чирикове участник экспедиции историограф Миллер:

«Память его у всех... в забвение не придёт».

— Дяденька, дяденька!

Белобрысый курносый паренёк робко дёргал за рукав высокого немолодого моряка. Тот неторопливо отмахнулся, продолжая разговор с другим матросом, помоложе.

— Вот, стало быть, — говорил он, — идём в чужие края, и ты, Василий, помни, кто ты есть. Ты теперь русский матрос и этого звания не посрами. Хотя я на флагманском «Евстафии» иду, а ты на «Ростиславе», но я всё про тебя знать буду!

— Не посрамлю, батюшка, не бойся! — с улыбкой ответил Василий.

— Дяденька! — опять зашептал белобрысый паренёк.

— Ну что тебе? — обернулся наконец пожилой матрос.

— Скажи ты мне, что это у нас в Кронштадте делается?

А делалось действительно что-то небывалое. Стояла суровая зима, весь залив был подо льдом, а в порту и на кораблях шла горячая работа. Сновали люди, стучали топоры, с берега вносили на палубы множество тюков и ящиков.

— Это, милый, эскадру готовят к походу. Семь линейных да восемь других. А командовать будет Спиридов, Григорий Андреевич. Он ещё при царе Петре морскую службу начинал. И пойдём мы в самое Среднее земное море — турок бить.

— Отчего же так: на турок — и с Кронштадта?

— А оттого, что на Чёрном море флота у нас нету. Вот и приходится кругом света плавать!

— Кругом света?

— Ну, не света, а уж кругом Европы — это точно!

— А мне с вами можно?

— Тебе-то? — засмеялся матрос. — А как же без тебя? Да ты кто таков?

— Иванка я, Никитин по прозвищу.

— Ступай-ка ты, Иванка, к маменьке!

— Нет у меня никого. Сирота я, матросский сын. Батя давно утоп. . .

— Батюшка, — вмешался молодой матрос, — вроде нашему коку подручный нужен. Тебе сколько годов-то, парень?

— Шестнадцать минуло.

— Ну, приходи уже к вечеру сюда, матросский сын. Поговорю про тебя! . .

В июле, когда волны Финского залива весело шумели, освободившись от ледяного покрова, корабли эскадры Спиридова один за другим стали сниматься с якоря. Народу на каждом было множество, потому что, кроме экипажа, взяли ещё и сухопутный десант. Сияющий Иванка в старой матросской робе стоял на палубе «Ростислава» и смотрел на уплывающий вдаль Кронштадт. Хотя паренёку доставалось немало тычков и ругани, но он был всё-таки очень счастлив: больно интересным всё казалось, да и дома, у тётки, всё равно жилось не сладко.

— Иванка! — закричал сердито кок, выглянув из камбуза. — Где тебя черти носят? Иди посуду мыть!

Только в сентябре добралась эскадра до Копенгагена, потом двинулась в английский порт Гульв. Погода испортилась. По морю ходили громадные волны, ураганы и штормы обрушивались на русские корабли. Серые валы окатывали палубы, смывали за борт шлюпки, а иногда и людей.

Из-за сплошных туманов не видны были ориентиры. Приходилось идти медленно, словно ощупью. Один корабль налетел на риф и погиб. Людей спасли, перебрали на другие суда.

На камбузе всё летело кувырком. Иванка не раз ошпаривался кипящими щами, и руки у него были замотаны тряпками.

Нелегко давалась морская наука. Кок ворчал, бранился и чаще обычного угощал Иванку подзатыльником, а матросы подшучивали над новичком. Вот и сегодня ещё — велел молодой канонир позвать боцмана...

— Сейчас же беги, очень надо.

— А где он? — спросил Иванка.

— Да где-то на клотике чай пьёт!

— Есть! — лихо отозвался Иванка. — Дяденька Николай Петрович, где у нас клотик? — тихонько обратился он к коку.

— Зачем тебе?

— Да там, говорят, боцман чай пьёт!

— Вовсе ты ещё глупый, Иванка! Вон, видишь, на мачте, смотреть — и то шапка падает, а ты — чай пьёт...

Только к концу сентября пришли в Гуль. Там стали на ремонт — приводить в порядок изрядно потрёпанные штормами корабли.

— Ну и народу в этой Англии! — удивлялся Иванка, глядя на берег. — И все чего-то на нас смотрят! Не видали, что ли?

— Не видали и есть! — засмеялся Василий. — Отродясь такого не случилось, чтобы русская эскадра сюда пришла. В первый раз это. Вот и сбежались отовсюду!

Две недели простояли в Гулле и работали от зари до зари, пока всё не починили да не подлатали. Однако ж кухонный припас остался прежний, что из дому взяли. На покупку свежего распоряжения не было. С чем пришли, с тем и плыли дальше, в Атлантику.

— Ну что я с этого сделаю? — ворчал кок, швыряя куски потемневшей солонины. — Который день сидим на этом добре да на сухарях!

— Дяденька Николай Петрович, — робко сказал Иванка, — а почему же доброго провианта на корабль не взяли?

— Почему, почему... так уж заботливо поход готовили. Кому до матроса дело? Жри да помалкивай. Вот воды свежей и той нет. В цистернах перетухла вся — с души воротит.

— Эй, кухари! — раздался весёлый голос, и в камбуз заглянул Василий. — Чего это вы удумали: воды по кружке в день выдавать?

— Мы удумали, как же. Мы, что ли, командуем? Ты почему мокрый весь?

— Так нет сменки-то, и посушить негде. Уж сколько больных валяется, а кто и помер. Говорят, с мёртвых одежду выдавать будут. Так как, Иванка, привыкаешь?

— Привыкаю, дяденька Василий. Спасибо тебе!

Около месяца шли от берега Англии до Гибралтара и ни в одном порту не отдыхали. Мимо кораблей проплывали скалистые берега Испании, маячили вдали горные хребты.

В редкие свободные минуты Иванка во все глаза глядел на незнакомую южную природу, на непривычно яркое небо. Всё его изумляло. Он никогда раньше ни о чём таком не слышал.

Однажды он увидел, как матросы встречного английского корабля равнодушно швыряли за борт несколько мёртвых тел. Иванка похолодел от ужаса.

— Дяденька, дяденька! — закричал он, бросаясь к проходившему Василию. — Англичане людей в воду кидают!

— Видал, — хмуро отвечал Василий, — это негрер.

— Кто?

— Негрер. Такие корабли. Они чёрными людьми торгуют. Везут их из Африки да в Америку и продают. А есть дают мало и держат в великой тесноте и в оковах. Которые помрут — за борт, и вся недолга.

— И у нас то ж самое, — грустно сказал Иванка, — любой барин может крепостных холопов купить аль продать, хоть они и не чёрные, а такие же, как он сам...

В середине февраля 1770 года подошли к южному побережью Греции. В первых стычках с турецким флотом эскадре не повезло. Пришлось опять отойти в море.

— Вот и прекрасно, — говорил турецкий адмирал, — больше русские ничего сделать не смогут. У них нет ни одного приморского порта, ни одного острова. Откуда им получать продовольствие?

Однако русские корабли не только не ушли, но принялись гоняться за турецкой эскадрой, которая скрылась между островами и ушла к берегам Малой Азии. Турецкие адмиралы решили где-нибудь в неприступном месте выждать и посмотреть, — что будет делать русская эскадра.

В июне 1770 года недалеко от острова Хиос «Ростислав» получил приказание идти в разведку.

Иванка драил бачки после обеда, когда услышал необычный шум. Выбежав на палубу со шваброй в руках, он увидел, что матросы стоят у борта и смотрят вверх. Там полоскались сигнальные флажки.

— Чего это? — спросил Иванка.

— Не умеешь ещё сигналы читать? «Вижу неприятельские корабли», вот чего!

Неприятельских кораблей оказалось куда больше, чем предполагало русское командование. Одних линейных кораблей насчитали 16, фрегатов — 6, а всяких судов помельче не меньше сотни. В русской же эскадре было всего 9 линейных кораблей, 3 фрегата да 18 других...

Казалось бы, никак нельзя драться. Но русские моряки рассудили иначе. И в Хиосском проливе 24 июня 1770 года состоялся кровопролитный бой.

Под обстрелом сотен вражеских орудий шли вперёд русские корабли, и впереди всех — флагман «Евстафий». Сам адмирал стоял на верхней палубе со шпагой в руке, а над водами Хиосского пролива гремели русские боевые марши, потому что Спиридов приказал музыкантам «играть до последнего». Немного позади «Евстафия» шёл и «Ростислав».

— Ох, как-то там батя, — вздохнул Василий, — они ведь первый огонь на себя принимают. Да уйди ты, Иванка, твоё ли дело под ядрами торчать?

— Нет, дяденька Василий, не уйду. Может, помогу чего. Николай Петрович тоже из камбуза убёг. Вон пушку с канонирами ворочает!

Битва была жестокой. Орудийным и ружейным огнём русские моряки поражали врага, но и на русских кораблях уже было множество повреждений и жертв. «Евстафий» подобрался вплотную к «Реал-Мустафе», флагманскому кораблю турок, на котором находился вице-адмирал Гассан-бей, и матросы «Евстафия» бросились в рукопашный бой. Весь израненный и опалённый, Гассан-бей сражался до последней минуты. Русские моряки дрались, как львы, и шаг за шагом теснили противника. Когда «Реал-Мустафа» был захвачен почти полностью, начался пожар. Пылающая мачта обрушилась на «Евстафия», огонь добрался до кюйт-камеры, и «Евстафий» взорвался. Через несколько минут взлетел на воздух и «Реал-Мустафа».

Спассти удалось немногих, хотя русские шлюпки сразу помчались подбирать тонущих. Спасали и своих, и турков, невзирая на непрерывный обстрел неприятельских береговых батарей.

— Батя, батя! — кричал Василий. С вернувшейся шлюпки на «Ростислав» поднимались спасённые матросы. Среди них был и матрос Белозёров — отец Василия.

— Жив! — задыхаясь, сказал Белозёров сыну. — Слава богу, Спиридов ещё до взрыва на другой корабль перешёл. Есть кому дальше командовать!

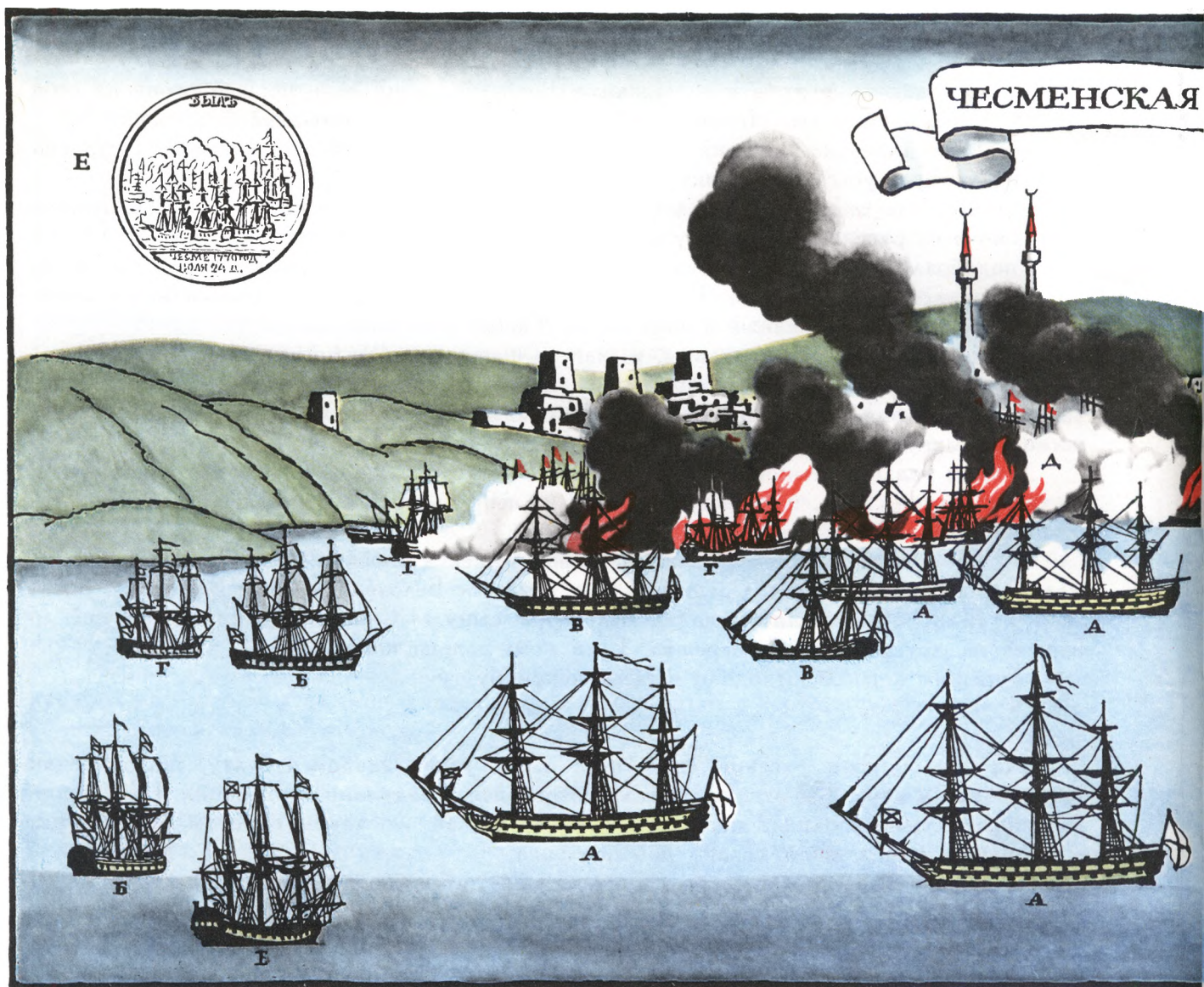
Турецкие корабли отходили в Чесменскую бухту...

На другой день русский флот стал перед узким входом в бухту, заблокировав таким образом турецкую эскадру. Стали готовиться к задуманной операции. Небольшие парусные шхуны наполнили порохом и смолой, сделав их таким образом брандерами, а в команды их назначили только добровольцев.

Ночь на 26 июня была тихая и лунная. «Ростислав» с пятью другими кораблями и четырьмя брандерами под жестоким обстрелом вошёл в Чесменскую бухту. Разгорелся ночной бой. Около двух часов ночи русские корабли вдруг перестали стрелять и вперёд пошли брандеры. Первые три туркам удалось расстрелять, но один, которым командовал лейтенант Дмитрий Ильин, прорвался к большому, восьмидесятичетырехпушечному линейному кораблю. Ильин зажёл фитиль, пересел с командой в шлюпку и направил горящий брандер на корабль.

Один за другим взлетали на воздух турецкие корабли. Пламя озарило всю бухту, столбы дыма застилали небо. Весь турецкий флот погиб. Только один линейный ко-

ЧЕСМЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ. Сожжение В НОЧЬ С 25 НА 26 ИЮНЯ 1770 ГО

рабль «Родос» да пять галер русским матросам удалось спасти от огня и увести как трофеи. Остальные догорали, тонули, обломки покрывали всю бухту. Утром, глядя на страшную картину, адмирал Спиридов сказал:

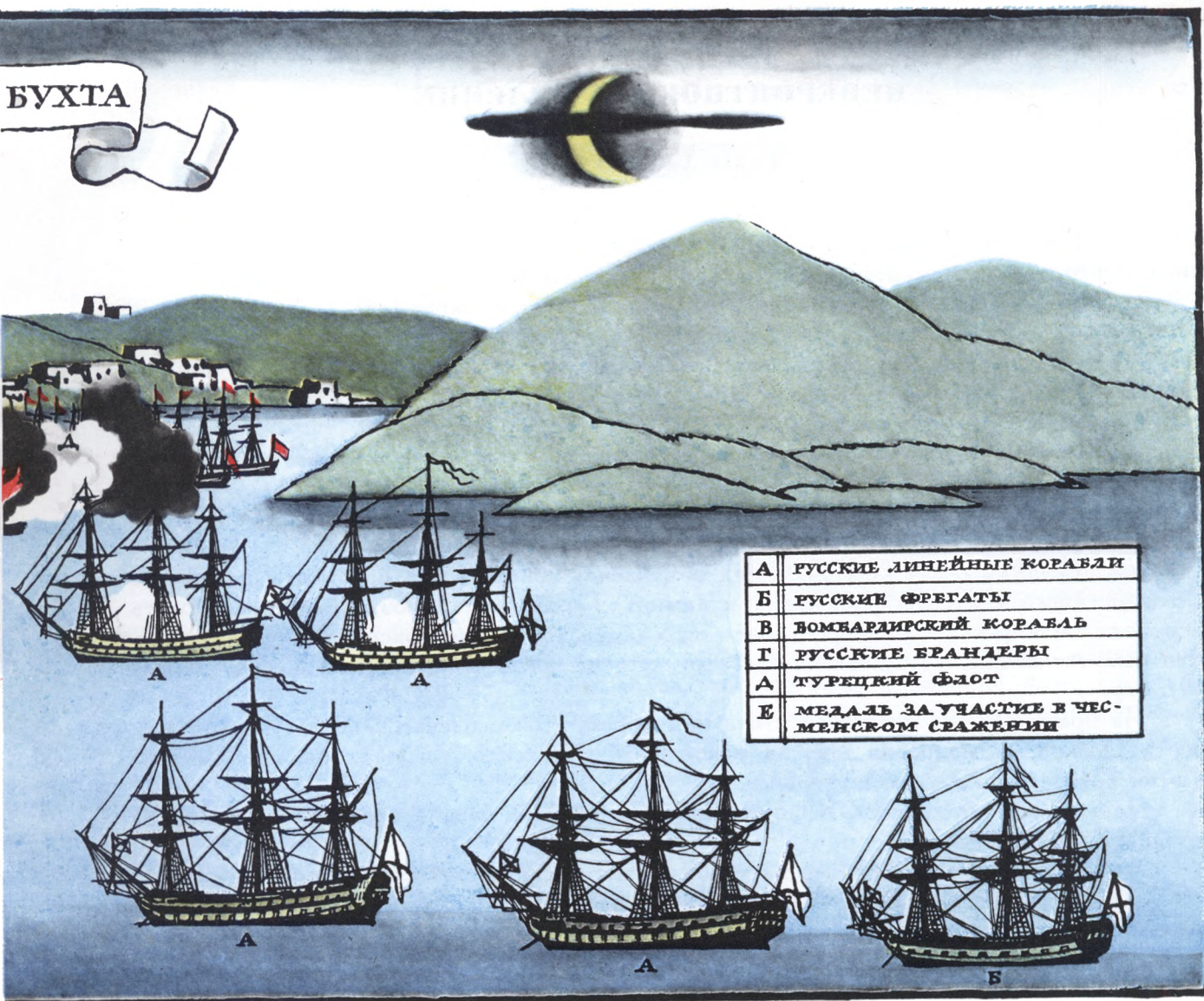
— Разломали, сожгли, на небо пустили, потопили, в пепел обратили... Честь всероссийскому флоту!

На русских кораблях перекатывалось громовое «ура!».

Прошло около года после этого славного дня. В маленький домик на окраине Кронштадта, нагибаясь под низкой притолокой, вошёл высокий белокурый матрос. Пожилая женщина обернулась и с недоумением посмотрела на него.

— Тебе что надобно, матросик?

БУХТА

ТУРЕЦКОГО ФЛОТА В ЧЕСМЕНСКОЙ БУХТЕ ДА (ПО СТАРИННОЙ ГРАВЮРЕ).

— Аль не признала, тётенька? — засмеялся матрос.

— Иванка! — ахнула женщина. — Живой! Да вырос-то как! Где ты был-то?

Матрос достал из кармана небольшой свёрточек и бережно развернул тряпицу.

— Вот, тётенька, — тихо сказал он.

— Что ж это за медаль такая?

— Это, тётушка, медаль особая. Дана она всем морякам, которые в Чесменском бою были. И всего-то на ней одно слово, а стоит то слово многого...

— Какое ж то слово, Иванушка?

— А вот, гляди!

На медали действительно виднелось одно только слово:

Б Ы Л.

НЕВЕРОЯТНОЕ СТРЕМЛЕНИЕ

Годы 1787—1788

— Разве это корабли? — ворчливо говорил командующий Лиманской флотилией, — это конюшня, каретная да спальни придворных.

— Как — спальни? — удивился мичман Ломбард, командир гребной галеры «Десна».

— А так. Наши галеры переделаны из тех, на которых плыла свита императрицы, когда государыня совершала путешествие от Киева до Херсона. Если турки нападут — ума не приложу, что делать!

— Ничего! — лихо ответил Ломбард. — Бог не выдаст, свинья не съест. Да и нападут ли ещё турки?

— Обязательно нападут. Они всё скучают, что Крым потеряли. Хочется им Россию от Чёрного моря отбросить, чтобы всё было опять как раньше. . .

Так и случилось. В 1787 году, без объявления войны, турки бросили в подземелье Семибашенного замка русского посла, и адмирал Гассан-паша, прозванный за храбрость «крокодилом морских сражений», повёл турецкий флот к Днепровско-Бугскому лиману. Это был тот самый Гассан-паша, который чуть не погиб в Чесменском бою на «Реал-Мустафе».

На правом берегу лимана, в степи над морем, стояла очень сильная турецкая крепость Очаков, а напротив неё, на узкой косе, — русская, совсем небольшая. Но зато в этой крепости сидел сам Суворов. . .

Называлась эта крепость Кинбурнской. На неё-то и напала турецкая флотилия из тридцати восьми судов.

— Глядите-ка, наш брандер на турок летит! — сказал кто-то Суворову.

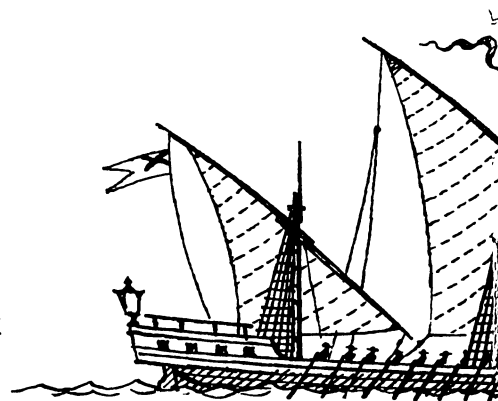
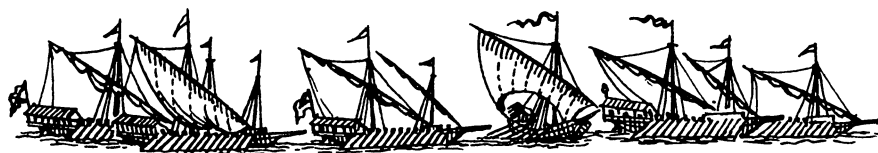
— Да то не брандер! То «Десна» брандером прикинулась! Ай да молодец Ломбард!

Вечером Суворов писал Потёмкину: «Ломбард атаковал весь турецкий флот до линейных кораблей; бился со всеми судами из пушек и ружей два часа с половиной и по учинении варварскому флоту знатного вреда сей герой стоит ныне благополучно под Кинбурнскими стенами».

— Турки десант высаживают! — донесли в октябре Суворову.

— Не мешать! Пусть все вылезут! — ответил Суворов.

Русские гребные суда

Галера „„

6000 янычар уже рыли на Кинбурнской косе траншеи, когда Суворов двинул на них своих солдат. А Ломбард напал на семнадцать турецких кораблей, прикрывавших высадку, заставил их отойти и тем лишил десант поддержки. Суворов разбил турок наголову и сбросил остатки десанта в море.

«Десна» содержит турок в решпекте,— писал опять Потёмкину Суворов.— А я под Кинбурном отбил у турок охоту делать высадки!»

Всю зиму турки готовились к продолжению борьбы. Укреплять Очаков им помогали английские и французские инженеры, потому что Англия и Франция боялись усиления России и постоянно поддерживали турок.

К весне 1788 года у входа в Лиман собралось свыше 100 турецких судов. В ночь на 17 июня, когда они пошли в атаку, по вражеской эскадре стремительно ударила лиманская гребная флотилия. Суворов послал за ней, как только разглядел в ночной тьме корабли врага.

В жарком бою Гассан-паша потерял два линейных и несколько гребных судов и, пользуясь тем, что луны не было, решил прорваться из лимана в море. Но он забыл, что в Кинбурне сидит Суворов... По плотно сомкнутой колонне турецких кораблей его береговые батареи открыли сильнейший огонь.

— Вот так! Вот так! — кричал Суворов. — Наши ядра пробивают им оба борта и достигают противного берега!

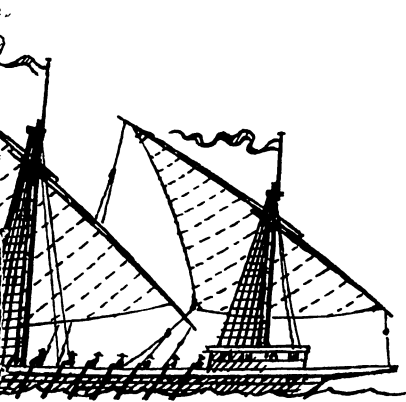
А когда в полночь взошла луна и всё стало видно как на ладони, лиманская флотилия снова оказалась на месте и не только отогнала вражеский флот обратно к Очакову, но и окружила со всех сторон. Два дня продолжались бои. Турки потеряли пятнадцать кораблей и шесть тысяч человек, но продолжали драться, потому что у них не было никакого выхода. Суворовские батареи мешали им уйти, а русские галеры с отчаянной храбростью бросались на врага, не давая ему передышки.

Лиманский флот блокировал Очаков, пока не замёрз лиман, и всё время изматывал турок почти непрерывными нападениями и бомбардировками.

А в декабре русская сухопутная армия под командой Потёмкина, которая ещё с июля осаждала крепость, пошла на штурм. Очаков пал.

Этот важный стратегический пункт прикрывал теперь с моря весь Днепровско-Бугский лиман, и современники говорили: «Очаков есть южный естественный Кронштадт».

Маленькая, слабая по сравнению с мощным турецким флотом лиманская гребная флотилия героически разбила сильнеего врага. Недаром говорил о ней Суворов, что она действовала «с невероятным стремлением».

«Десна»

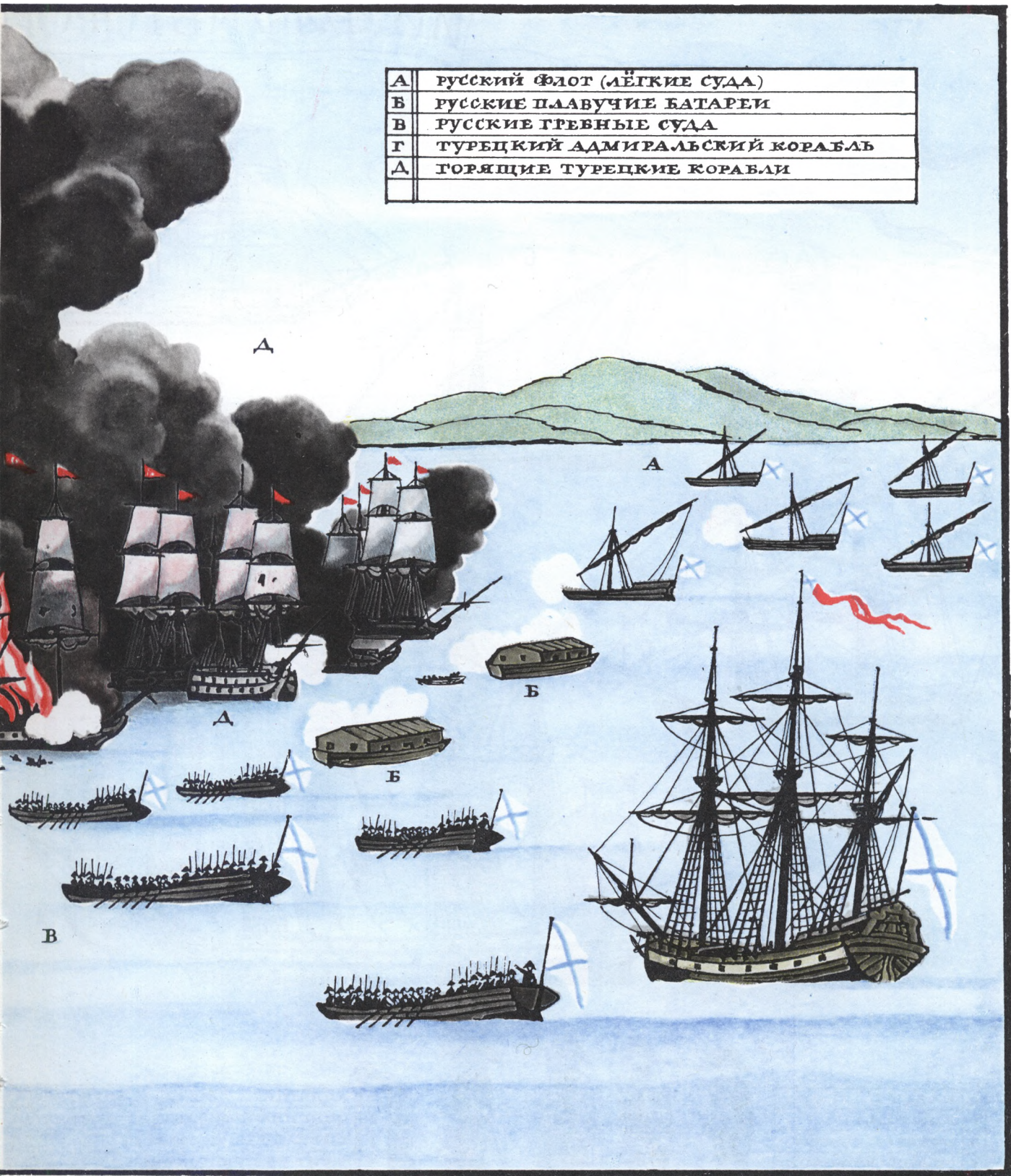

Турецкие корабли

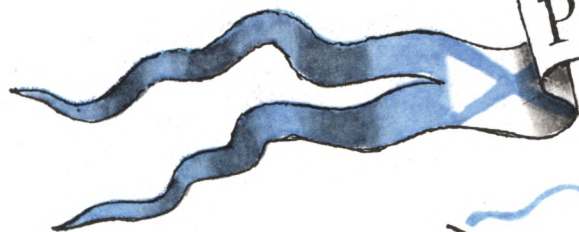
ОЧАКОВСКАЯ МОРСКАЯ ПОБЕДА.

А	РУССКИЙ ФЛОТ (ЛЕГКИЕ СУДА)
Б	РУССКИЕ ПЛАВУЧИЕ БАТАРЕИ
В	РУССКИЕ ГРЕВНЫЕ СУДА
Г	ТУРЕЦКИЙ АДМИРАЛЬСКИЙ КОРАБЛЬ
Д	ГОРЯЩИЕ ТУРЕЦКИЕ КОРАБЛИ

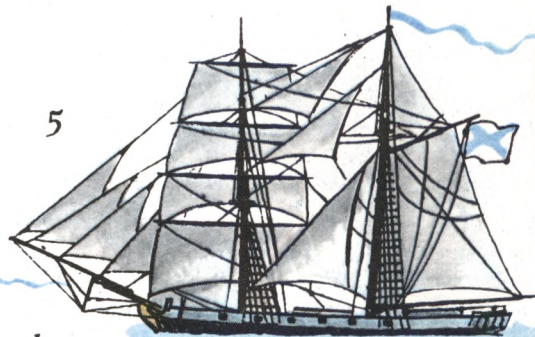

17 И 18 ИЮНЯ 1788 ГОДА (ПО СТАР. ГРАВЮРЕ)

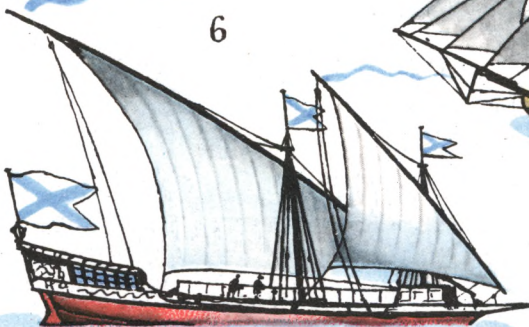
РУССКИЙ ФЛОТ ВТОРОЙ

5

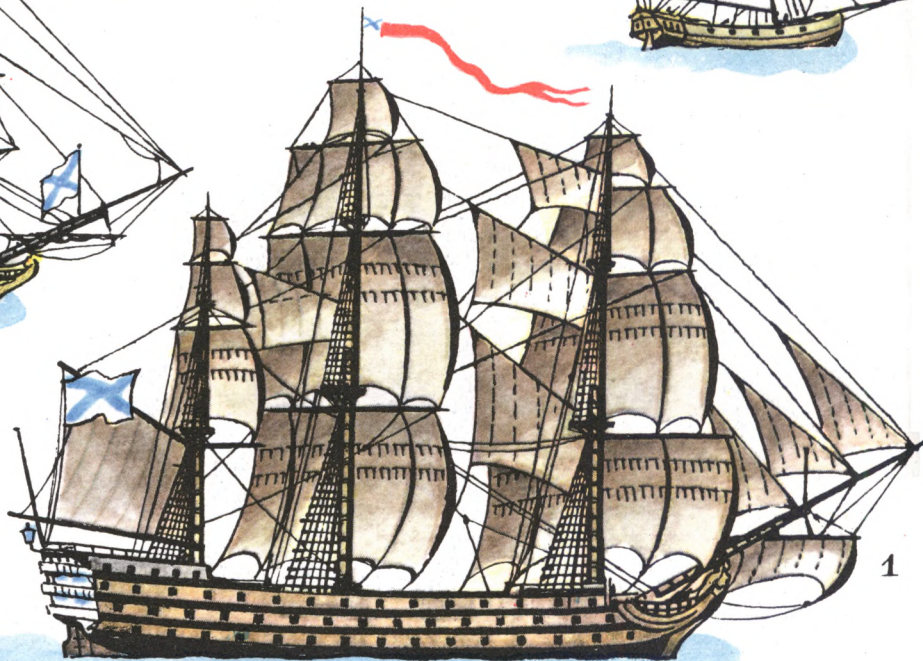
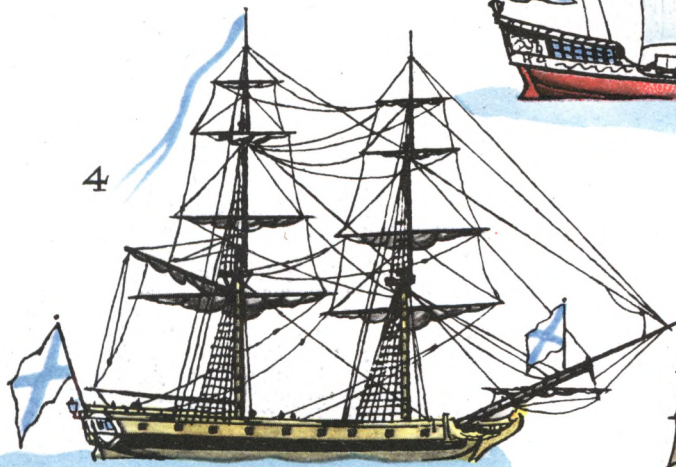
6

8

4

1

А	БАДЕТ
Б	АДМИРАЛ
В	МОРСКОЙ ОФИЦЕР
Г	ОФИЦЕР МОРСКОЙ ПЕХОТЫ

А

Б

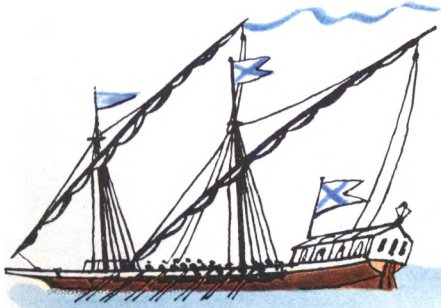
В

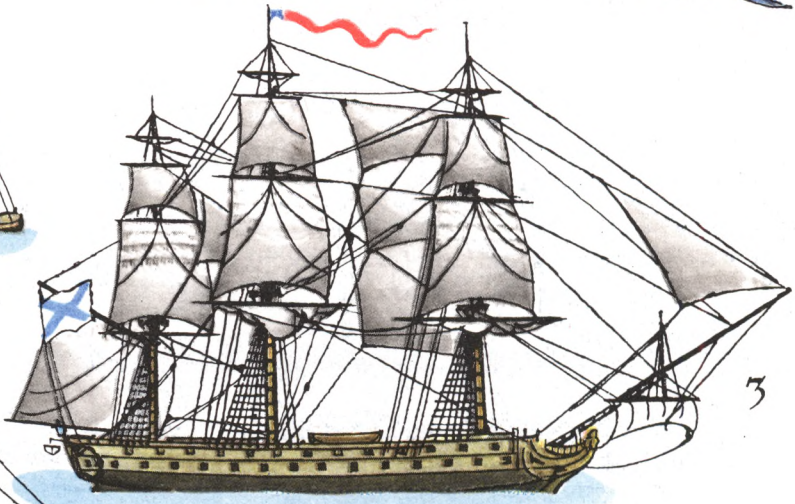
Г

1	ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ 120-ПУШЕЧНЫЙ
2	ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ 80-ПУШЕЧНЫЙ
3	ФРЕГАТ 54-ПУШЕЧНЫЙ
4	БРИГ 18-ПУШЕЧНЫЙ
5	БРИГАНТИНА 10-ПУШЕЧНАЯ
6	ГАЛЕРА

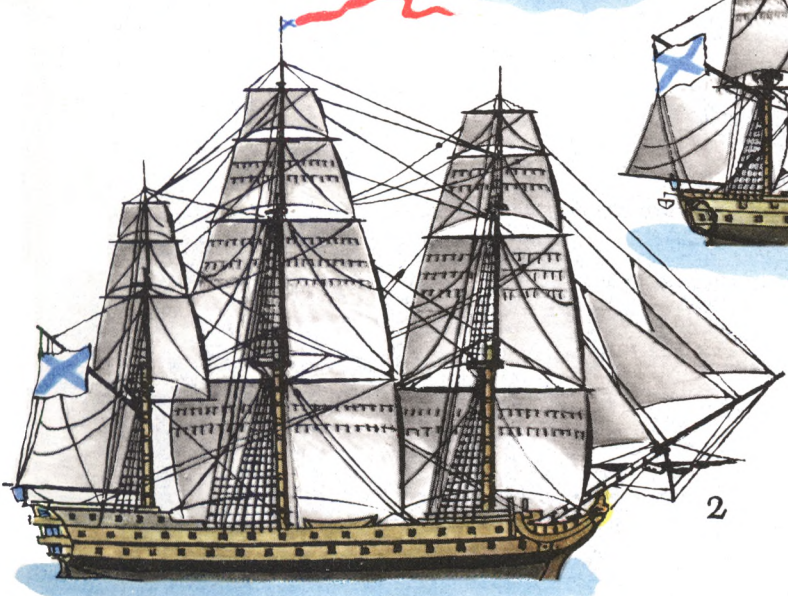
ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

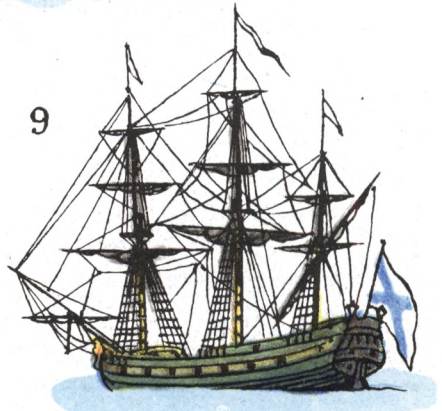
7

3

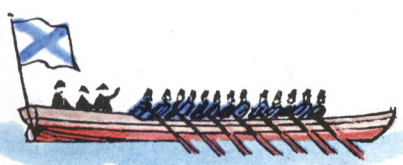
2

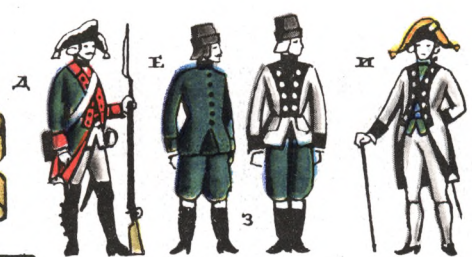
9

10

7	ПОЛУГАМЕРА
8	БОТ 8-ЛУЩЕЧНЫЙ
9	БРАНДЕР
10	ШЛЮПКИ

Д	СОЛДАТ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ
Е	МАТРОС
З	КАНОНИР (АРТИЛЕРИСТ)
И	ОФИЦЕР-АРТИЛЛ.

ВПЕРВЫЕ ВОКРУГ СВЕТА

ГОДЫ 1803—1806

- Ты, что же, только начинаешь учиться?
- Почему? Я учился.
- Где?
- Дома...
- И всё?
- Нет, еще в церковно-приходской школе...
- Так ты недоучка вовсе!

Мальчишки кричали на все лады, кривлялись и прыгали вокруг высокого, широкоплечего подростка. Тот угрожающе нахмурился.

— Оставьте вы его в покое! — вступился один из мальчиков. — Что за охота дразниться?

— Подумаешь, заступник! — засмеялись остальные. — Да ты посмотри: он тебя вдвое длиннее!

— Не сердись на них, они не злые. Тебя как зовут?

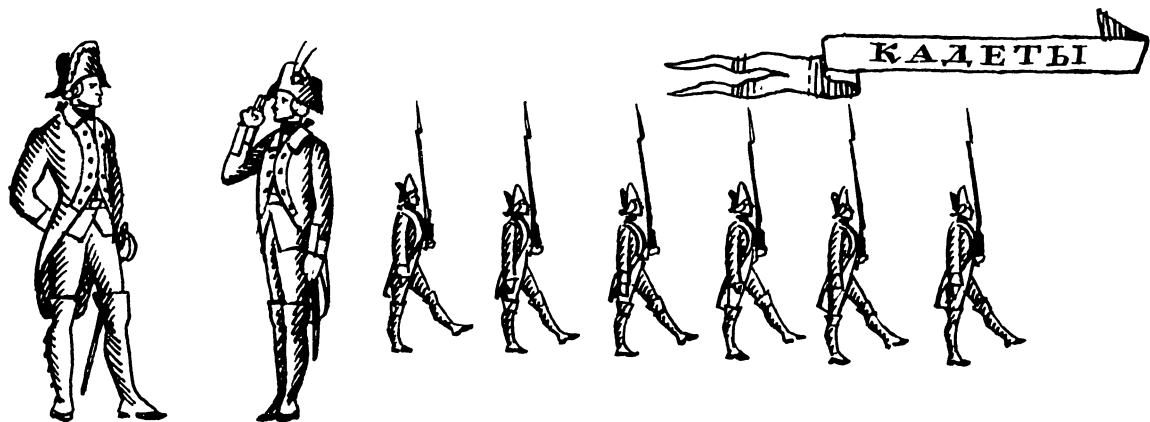
— Иван Крузенштерн.

— А меня — Юра Лисянский.

Так началась дружба двух учеников Морского кадетского корпуса. Иван был старше Юры. Учился он хорошо, но случалось ему на уроке так замечтаться о неведомых островах, пальмах и коралловых рифах, что учитель оставлял его за невнимание без обеда. Зато эти мечты пришлось по сердцу его новому другу, и оба они жадно слушали рассказы преподавателей о славных походах Беринга, Чирикова и других русских мореплавателей.

Жилось в корпусе нелегко. Нравы были жестокими и грубыми, за проступки секли. В спальнях от разбитых, заткнутых подушками окон несло ледящим холодом. Не раз по ночам тайком пробирались мальчишки к дровяным складам, чтобы утащить несколько поленьев.

— Ничего, дотерпим! — говорил Крузенштерн. — Зато потом доведётся плавать в далёких океанах, находить неведомые земли...

Они были досрочно выпущены из корпуса по случаю начавшейся шведской войны и назначены на корабль. Оба получили боевое крещение в битве при острове Голланд, проявив смелость, выдержку и настоящую отвагу.

Прошло пятнадцать лет. За это время друзьям пришлось много поплавать, повидать разные страны, и многому они научились. В числе нескольких русских офицеров они были посланы волонтерами на британский флот. В Северной Америке, Гвиане, Индии, Малакке и даже в Кантоне побывал Крузенштерн и вернулся на родину закалённым, просоленным моряком, так же как и Лисянский. Оба имели уже чин капитан-лейтенанта и считались первоклассными мореплавателями.

8 августа 1803 года из Кронштадта вышли два больших парусных шлюпа. Одним из них — «Надеждой» — командовал Крузенштерн. Вторым — «Невой» — Лисянский. Впервые в истории русского флота они отправлялись в кругосветное путешествие, открывая новую эру в русском мореплавании. Крузенштерн был назначен начальником экспедиции.

Маршрут экспедиции, проект которой принадлежал самому Крузенштерну, был длинный и сложный. Оба корабля вместе должны были пройти Балтийское и Северное моря, пересечь Атлантический океан и, обогнув Южную Америку, подойти к Гавайским островам. Отсюда Лисянскому вести «Неву» к русским поселениям на Аляске, доставить туда груз, взять пушнину и отвезти её в Кантон, чтобы там продать или променять на китайские товары. Крузенштерну же надлежало доставить русское посольство в Японию, вернуться на Камчатку за пушниной и тоже везти её в Кантон. Потом, уже обоим вместе, идти обратно через Тихий, Индийский и Атлантический океаны, через Северное и Балтийское моря — в Россию. Детская мечта друзей исполнилась.

По старым морским традициям полагается устраивать праздник на корабле, который пересекает экватор. На «Диане» от обычая не отступили. Несколько матросов, обрядившись под морского царя, его супругу и приближённых, появились на палубе, где собрался весь экипаж.

— Никогда прежде флага российского я в этих местах не видал, — строго сказал владыка морей Нептун.

— Точно так, ваше величество, — ответил Крузенштерн.

— Для чего прибыли шлюпы ко мне на экватор?

— Для славы науки и нашего отечества.

— Это хорошо, — важно кивнул Нептун и величаво погладил свою длинную, сделанную из пакли бороду. Он хотел сказать ещё что-нибудь построже, как надлежит морскому богу, но в этот момент Крузенштерн почтительно поднёс ему полный бокал вина, а пушки «Надежды» громко рявкнули.

Это было в конце ноября 1803 года. Первый раз русские корабли пересекали экватор. Они шли к берегу Бразилии, чтобы заменить треснувшую грот-мачту «Невы». Пока производились работы, Крузенштерн и Лисянский, как и во время плавания, вели регулярные метеорологические и гидрологические наблюдения, а также изучали природу Бразилии, быт и нравы её населения.

— На кораблях не бывало ещё такого шума, — смеялся Лисянский, — иной раз команды не слышно.

— Шум ещё можно бы стерпеть, — с досадой ответил Крузенштерн, — уж больно занятны и красивы эти попугаи. А вот обезьяны — чистое наказание. Не знаю, что и делать с ними.

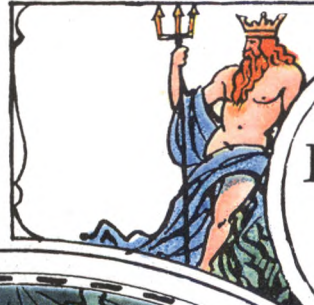
ЖИТЕЛИ О-ВА ПУКАГИВА

БРАЗИЛЬЦЫ

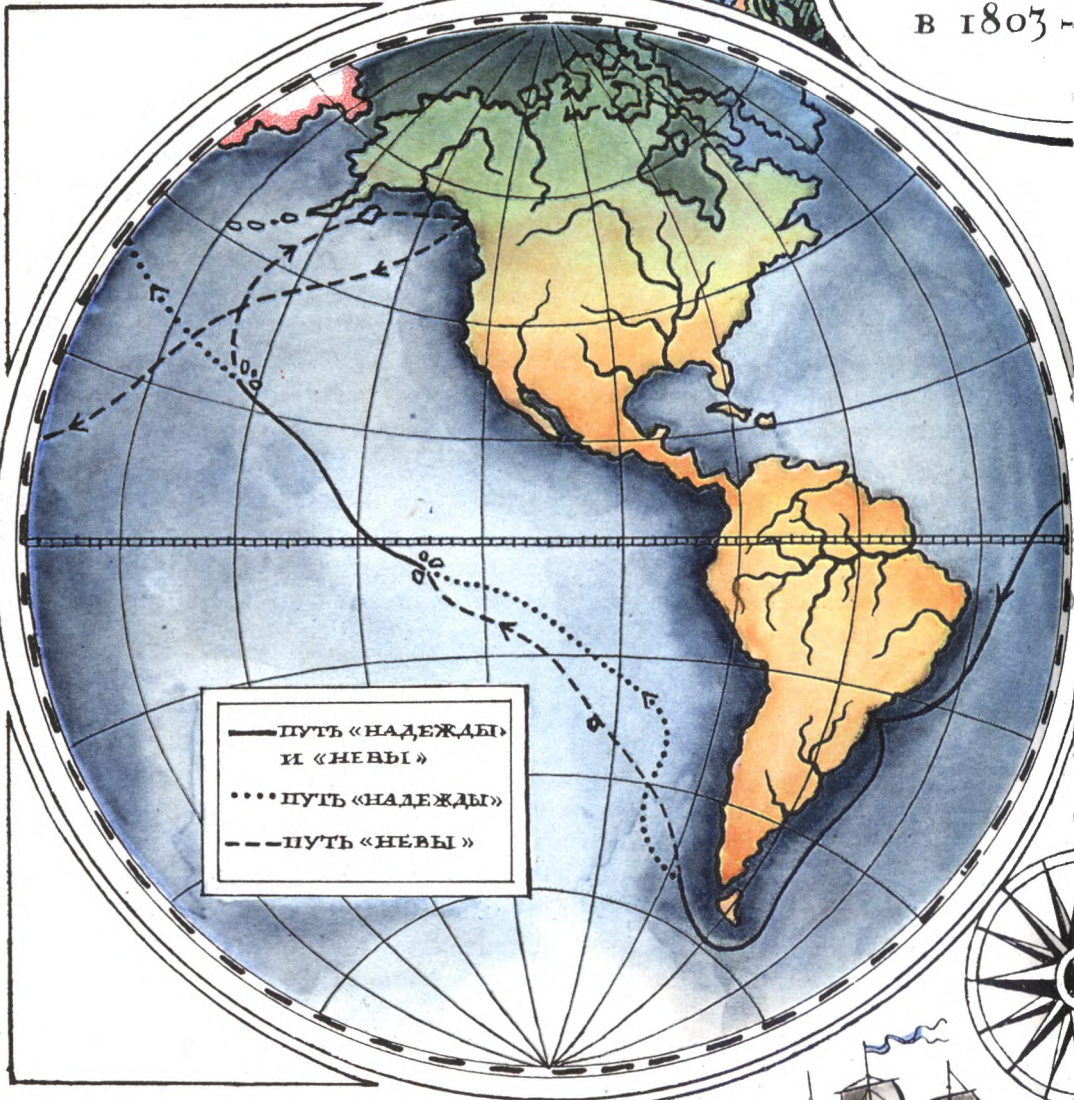
НА О-ВЕ ТЕНЕРИФ

ПЕРВОЕ
КРУТОС
ПЛАВ.
В 1803-

ЖИТЕЛИ О-ВА ПАСХИ

— ПУТЬ «НАДЕЖДЫ»
И «НЕВЫ»
..... ПУТЬ «НАДЕЖДЫ»
--- ПУТЬ «НЕВЫ»

ГАВАЙЦЫ

ЯПОНЦЫ

ШЛЮП «НАДЕЖДА»

РУССКОЕ
ВЕТНОЕ
АНИЕ
1806 ГГ.

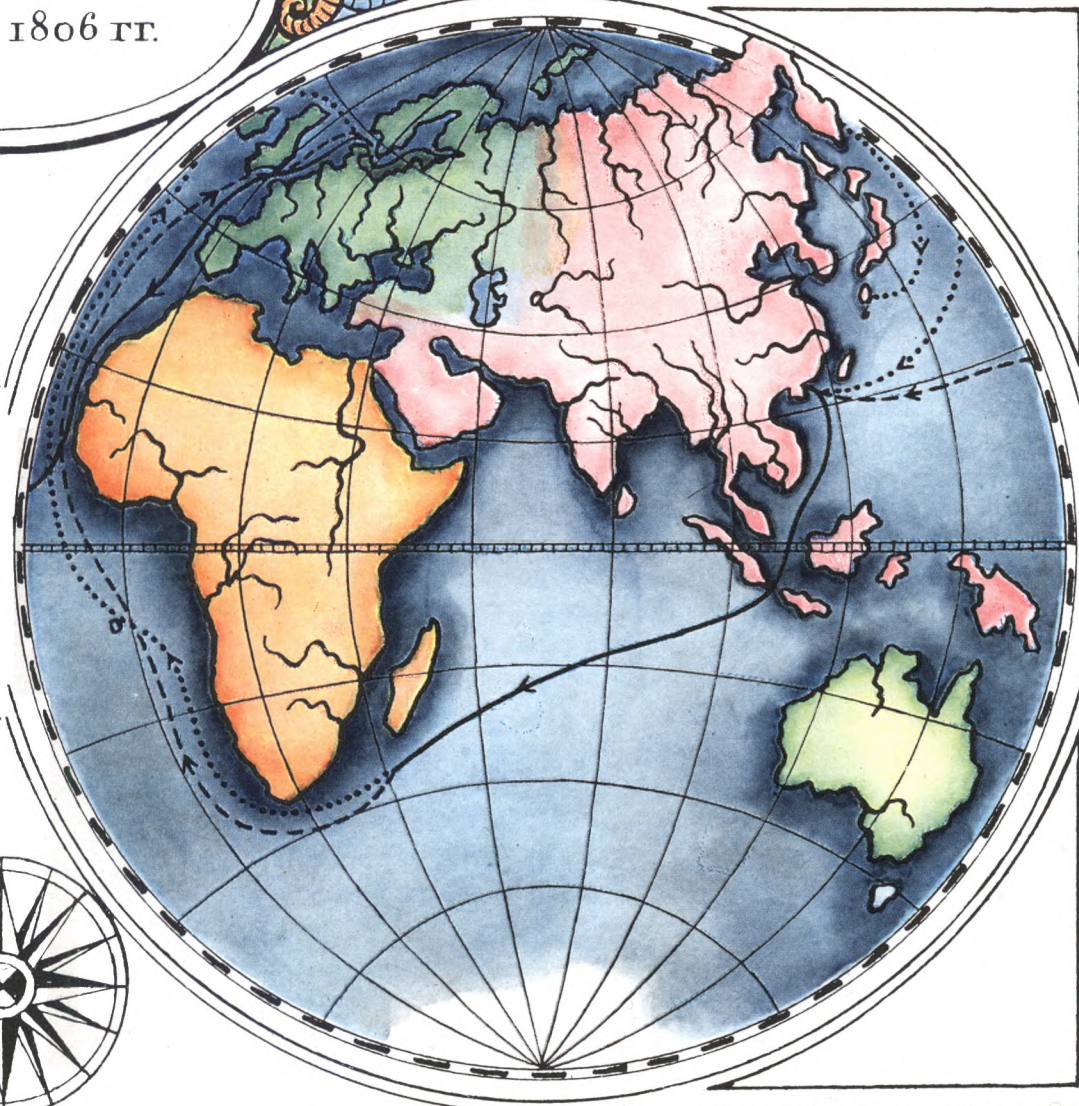
КАМЧАДАДЫ

ЭСКИМОСЫ

ИНДЕЙЦЫ

ШАЮП «НЕВА»

АЙНЫ

КИТАЙЦЫ

ГИЛЯКИ

Обезьян и разноцветных попугаев натащили с берега матросы, никогда раньше не видавшие такого дива. Попугаи благополучно совершили с экспедицией весь путь и произвели фурор в Петербурге. Но обезьяны вели себя прескверно — всё ломали, скандалили, дрались. В конце концов одна из них забралась в капитанскую каюту и облила чернилами судовой журнал со всеми наблюдениями. Тут уж Крузенштерн не вытерпел. В тот же день все длиннохвостые хулиганы были отправлены обратно в лес.

Ровно через год после отплытия из Кронштадта, посетив и описав остров Тенериф, Канарские и Гавайские острова, побывав на Камчатке, «Надежда» отправилась в Японию — загадочную в те времена страну. Японцы не желали пускать к себе европейцев.

«Доколе солнце освещает мир, никто не смеет приставать к берегам Японии, хотя бы он даже и был посланником, и этот закон никогда не может никем быть отменён под страхом смерти». — Так отвечали японцы всем, кто хотел их посетить.

Когда в октябре 1804 года русский корабль вошёл в залив, на берегу которого стоял город Нагасаки, начались всякие неприятности. Съезжать на берег не разрешили, посла в столицу не пустили и долго, хотя чрезвычайно вежливо, морочили русским голову. Отправленные императору подарки — огромные драгоценные зеркала в золотых рамах — вернули обратно и подписывать торговый договор не захотели. Тянулась вся эта канитель до апреля 1805 года.

Так ничего не добившись, пришлось уходить из Японии и увозить домой не принятое посольство.

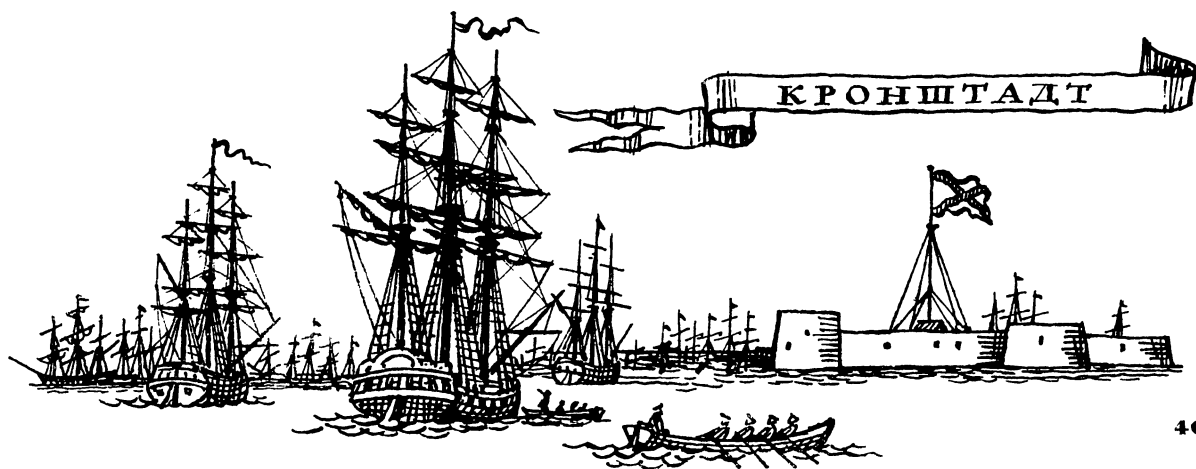
— Пожалуйста, возвращайтесь на Камчатку вдоль восточных берегов Японии, — сказал на прощанье Крузенштерну важный, разодетый в шелка посланец японского императора, — вдоль западных мы плавать иностранцам не разрешаем!

Крузенштерн ничего не ответил. Без конца кланяясь, японец сошёл на берег, а «Надежда», подняв все паруса, вышла из Нагасакской гавани.

— Иван Фёдорович! — возмущённо воскликнул помощник Крузенштерна Ратманов, — неужто мы ещё и этому подчинимся?

— И не подумаю! — засмеялся Крузенштерн. — В море я сам себе хозяин и японцев слушаться не обязан!

И «Надежда» преспокойно отправилась запрещённым путём. Вдоль всего западного побережья Японии, вдоль Кореи, Сахалина и Курильских островов прошёл

Крузенштерн. А вернувшись на Камчатку и оставив там неудавшееся посольство, поплыл в Кантон.

— Итак, мы первыми увидим таинственный Китай! — радостно говорил Ратманов, вглядываясь в показавшийся на горизонте берег.

— Ни один русский корабль не посещал ещё китайских берегов! — воскликнул стоявший рядом молоденький мичман. — Мы почти ничего не знаем о китайцах!

— Мы пьём китайский чай, — улыбнулся Крузенштерн, — любимся китайским фарфором и покупаем китайский шёлк. Но всё это привозят купцы сухим путём, через Кяхту.

— А ещё слышал я, что молятся они в пагодах и пишут не справа налево, а сверху вниз, управляют же ими мандарины, — продолжал мичман, — ну, скоро всё сами увидим!

Когда в декабре 1805 года «Надежда» и «Нева» пришли в Кантонскую гавань, прибывшие на корабль китайские чиновники потребовали, чтобы русский корабль немедленно уходил. Только после долгих переговоров и розданных мандаринам взяток удалось выгодно продать и променять лисьи и собольи меха, которыми полны были трюмы. До февраля 1806 года простояли шлюпы у берегов Китая, и много интересного видели русские моряки, наблюдая жизнь китайцев.

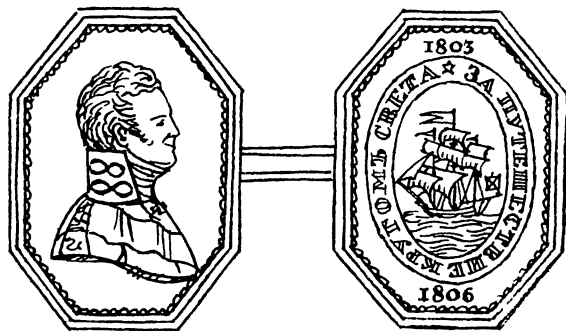
Богачей и аристократов, разодетых в роскошные шелка, важно восседавших в роскошных носилках-паланкинах на длинных палках, тащили худые, измождённые носильщики. Улицы были полны нищих, едва прикрытых жалкими лохмотьями. Блеск и роскошь знати скрывали голодную и бесправную жизнь народа. «Число недовольных распространилось ныне по всему Китаю, бунтуют многие области», — записал Крузенштерн.

В августе 1806 года корабли вернулись в Кронштадт, блестяще выполнив порученные им задачи. Три года бороздили они мировые океаны, открыв дорогу русскому флоту.

В Ленинграде на набережной Невы, в Музее антропологии и этнографии, основанном ещё Петром I и носящем его имя, хранятся богатейшие коллекции, собранные первой русской кругосветной экспедицией.

А немного подальше, вниз по течению, на той же набережной, стоит бронзовый капитан Крузенштерн, и мимо него проплывают новые, прекрасные корабли, каких он никогда не видел при жизни...

**МЕДАЛЬ, ВЫБИТАЯ
В ЧЕСТЬ ПЕРВОГО
КРУГОСВЕТНОГО
ПЛАВАНИЯ РУССКИХ**

ПРИКЛЮЧЕНИЯ „ДИАНЫ“

ГОДЫ 1807—1814

— Мы готовы к выходу в море, — сказал капитан, — мы пронесём российский флаг через все океаны мира. Путь наш будет труден, но послужит к славе и пользе нашего отечества.

— Ура! Ура! Ура! — дружно ответила команда.

Это происходило в Кронштадте в июле 1807 года на шканцах шестнадцатипушечного военного шлюпа «Диана».

Шлюп отправлялся в кругосветное плавание под командой капитан-лейтенанта Василия Михайловича Головнина — боевого моряка и учёного-гидрографа.

Балтика встретила шлюп неприветливо — штормами и грозами. Водяные валы захлёстывали палубу, ветер выл в снастях и рвал паруса. Только в сентябре удалось добраться до Портсмута.

— Потрепало нас изрядно, — сказал друг и помощник Головнина Пётр Рикорд, — надо бы нам здесь подремонтироваться.

— И подремонтируемся, и продовольствия прикупим, — ответил Головнин, — вот займись-ка этим ты. А я съезжу к лордам Адмиралтейства.

— Зачем?

— Да отношения сейчас у России с Англией, сам знаешь, неважные. Боюсь, не помешал бы в пути английский флот. У «Дианы» задачи не военные, а научные. Буду просить у министра паспорт на свободное плавание.

Через два месяца, отремонтированная, со свежими запасами продовольствия и с охранным паспортом, «Диана» снова вышла в море.

По заранее намеченному плану экспедиция должна была обогнуть Южную Америку, но недаром Мыс Горн заслужил у моряков всего мира самую скверную репутацию. Иногда корабли неделями пытались прорваться мимо него, но случалось, что из этого так ничего и не выходило. Не пощадила судьба и «Диану». Жестокие встречные ветры и штормы не пропустили её.

— Ничего не поделаешь, — сердито сказал Головнин, — мы и так потеряли уже много времени. Придётся изменить маршрут. Пойдём на Камчатку мимо мыса Доброй Надежды.

Этот мыс, как и обещало его имя, оказался более гостеприимным. Благополучно обогнув его, «Диана» вошла весной 1808 года в бухту Саймонс — английскую колонию в Африке. И тут случилось непредвиденное. За это время Англия вступила в войну с Россией. Несмотря на выданный в Лондоне паспорт, «Диану» задержали. Её поставили в глубине залива, рядом с адмиральским кораблём «Прозерпина», окружили множеством других военных судов, отвязали от рей все паруса. Провизию и воду отпускали только для текущего расхода, без запаса.

Шли месяцы. Чтобы не терять времени, Головнин изучал климат, природу незнакомых берегов, знакомился с бытом и обычаями местного населения. Всё это было, конечно, нужно, но ещё нужнее казалось — освободиться. И ни днём ни ночью Головнина не покидала мысль о бегстве.

— Посмотрим, кто кого перехитрит! — сказал он Рикорду.

И в мае 1809 года, дождавшись подходящего ветра, в крепкий шквал с дождём Головнин решился.

— Руби канаты! — раздалась однажды в сумерках команда капитана. Разом опустились топоры, и якоря «Дианы» остались лежать на дне бухты Саймонс.

— Поднять штормовые паруса! — снова прогремел Головнин, и «Диана» под носом у англичан вышла в море прежде, чем ей успели помешать. Только с адмиральского корабля разнеслась по всей бухте отборная ругань. Головнин расхохотался. Он знал, что английские корабли не готовы к выходу в море.

Офицеры работали наравне с матросами. Поднимали брам-стенги, работали на марсах и реях. «Диана» гордо неслась сквозь ветер, дождь и ночную темноту.

— Мы снова на свободе, ребята! Поздравляю вас с походом! — радостно воскликнул Головнин, и дружное «ура» огласило море.

— Год и двадцать пять дней продержали нас под арестом! — продолжал Головнин, — теперь мы пойдём на юг, обогнём Австралию и между нею и Новой Зеландией повернём на север к Камчатке.

Задача была не из лёгких. На корабле не хватало продовольствия, и команда сидела на голодном пайке. Головнин всё-таки выбрал этот длинный путь, чтобы не встретиться с англичанами. Шесть тысяч миль сделала «Диана», прежде чем бросить якорь у одного из Новогебридских островов. Там, наконец, запаслись водой, свежей провизией и дровами.

Головнин не раз с восторгом говорил о подлинном героизме всей команды шлюпа, готовой на любой труд и любые лишения ради того, чтобы вернуться на родину.

В сентябре 1809 года взору мореплавателей открылись заснеженные сопки родной Камчатки. На другой день подошли к берегу, где виднелось с полсотни крытых камышом избушек. Это был Петропавловск.

— Отдать якоря! — скомандовал Головнин.

«Диана» была дома. Но самые тяжёлые испытания ждали Головнина впереди. Судьба предназначала ему пережить плен, куда страшнее английского!

ПОД ТЕНЬЮ ФУДЗИЯМЫ

— Трудные, однако ж, здесь края, — сказал, опуская подзорную трубу, Головнин

— Конечно. Туманы, берега недоступны, стоянок не найдёшь, — ответил Рикорд, — но всё же кое-чего добились мы.

— Да. Вот, на карте теперь будет новый пролив — «Дианы» — и число островов уточнили.

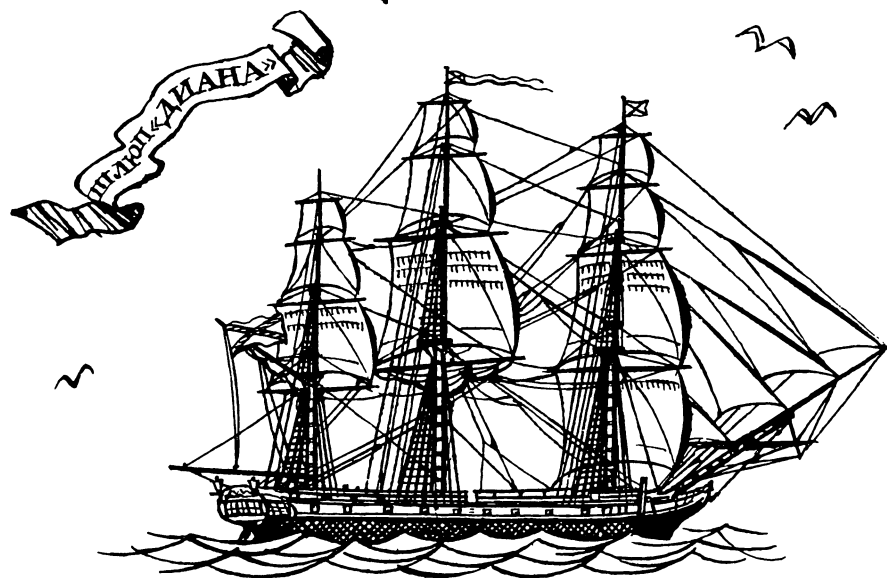
— А дощечки наши будут знаком для тех, кто придёт в сии края после нас.

Эти медные дощечки, выкованные корабельным кузнецом, сияли на каждом острове, к которому подходила «Диана»:

1811 Шлюп „Диана“ Капитан-лейтенант Головнин
--

Проведя две зимы в Петропавловске, «Диана» снова рассекала океанские волны. Теперь ей было поручено исследовать Курильские острова. Жили там люди, называемые «мохнатыми айнами» за то, что были чрезвычайно длиннороды и волосаты. Считали они себя российскими подданными.

— Гляди, Василий Михайлович, — изумился Рикорд, — на берегу японские солдаты и крепость стоит!

— Это Кунашир. Сказывали мне, что его и ещё несколько островов захватили японцы.

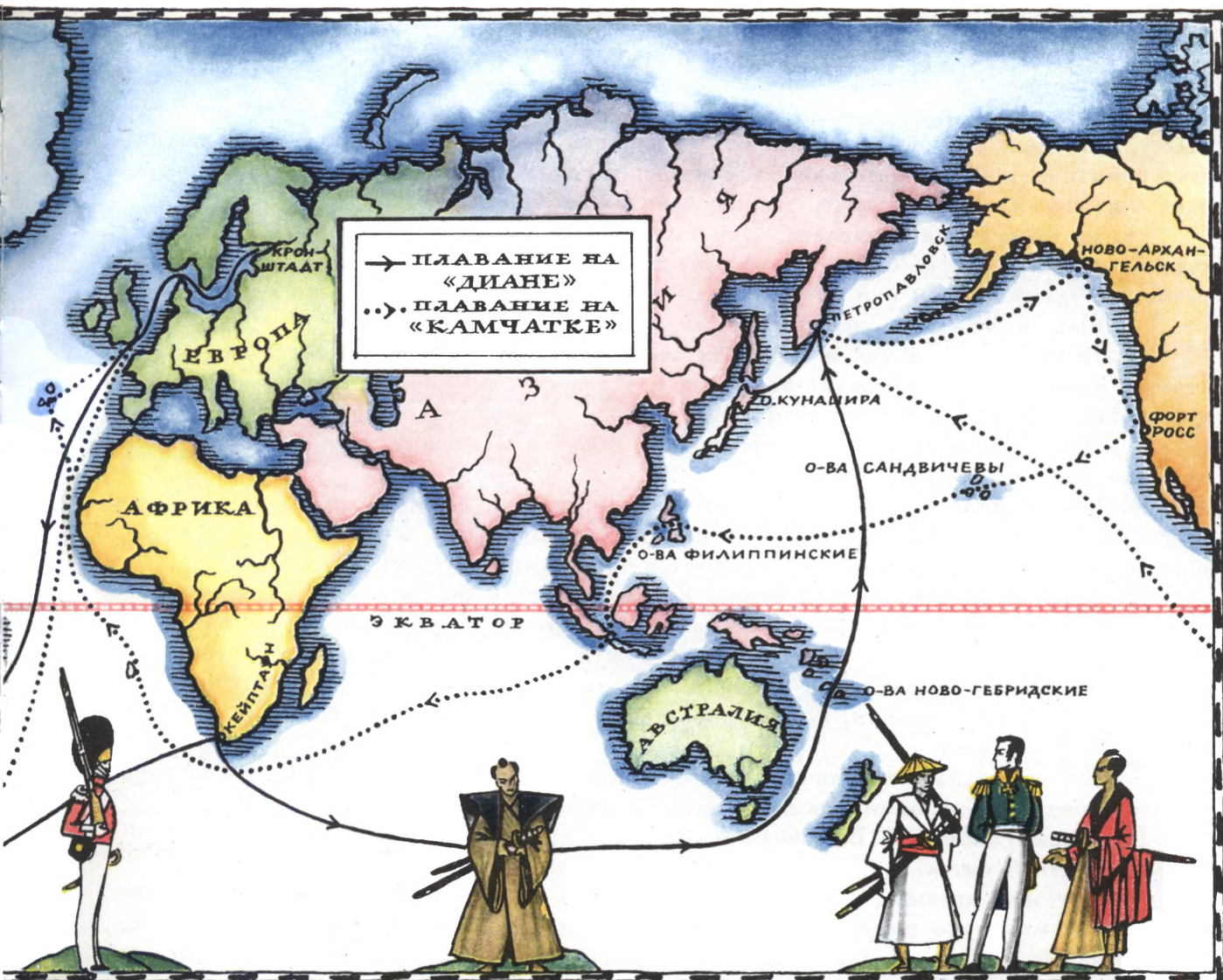
— Посылать ли за дровами и за водой?

— Конечно. Я сам поеду. И никому оружия не брать. «Диана» корабль мирный, в гости же не с оружием ездят, а с подарками.

Стоял ясный июльский день 1811 года.

В капитанскую шлюпку Головнин взял двух офицеров и четырёх матросов. Приняли их японцы вежливо, угостили обедом, а потом коварно, без предупреждения, захватили в плен, связали и потащили в глубь острова.

С «Дианы», откуда в отчаянии всё это видел Рикорд, полетели в крепость ядра, но никакого вреда земляным валам они нанести не могли. Для десанта же на корабле не доставало людей, японский гарнизон был гораздо многочисленнее. Пленников перевозили на другой остров — Матсмай (Хоккайдо) — и заключили в тюрьму города Хакодате.

За глухой деревянной стеной стоял большой тёмный сарай, разделённый на маленькие клетки длиною в шесть шагов, шириною в пять. В клетках и разместили измученных пленников — офицеров поодиночке, матросов — всех вместе. Обессиленный Головнин упал на покрытый рогожей пол.

— От чистого сердца, как друг поехал я к ним в крепость, — простонал он, — а теперь что они с нами делают! Я менее мучался бы, если б пострадал один. Но ещё шесть человек погубил я с собою вместе!

Потянулись долгие, мучительные, полуголодные дни, недели, месяцы. Зимой в клетках стало очень холодно. Крохотные светильники с рыбьим жиром не в состоянии были разогнать тьму.

Никаких объяснений японцы не давали, и Головнин терялся в догадках — долго ли придётся им тут страдать и что с ними собираются делать. Он не знал, что Россия уже воевала с Наполеоном, что японцам было известно об отступлении русских войск, и это придавало им храбрости.

— Что делать? Что делать? — повторял измученный Головнин, без конца отмевывая шесть шагов от стенки до стенки своей клетки.

В апреле 1812 года доведённые до отчаяния пленные решились на безумную попытку. Так давно уже они изнывали в своей тюрьме, что даже у тюремщиков притупилось внимание. Не так тщательно, как прежде, следила стража за каждым шагом русских моряков, и однажды во время прогулки пленники исчезли...

Но на этом удача кончилась. Они ничего не знали об окружающей местности. Еды на дорогу у них не было, тёплой одежды тоже. Найти дорогу к берегу им, конечно, не удалось. Ведь они боялись идти при дневном свете и весь день лежали, прячась в ямах, а передвигались только по ночам.

Долго они бродили так в горах, питаясь лишь молодыми побегами травы и листьев. То один, то другой падал от голода и усталости, но снова с помощью товарищей вставал и шёл, с трудом передвигая ноги...

В конце концов их настигли, водворили обратно в тюрьму, и опять потянулись тяжёлые дни заключения.

А Рикорд, видя, что без помощи ничего добиться не сможет, отплыл на «Диане» в Охотск. Только через год он привёз наконец бумагу о том, что русский царь никакого вреда японцам причинять не собирается и просит отпустить «заложников».

Ни к чему бы, конечно, эта бумага не привела, если бы за это время японцы не узнали о разгроме французов в России. Успехи русских войск произвели на японское правительство сильное впечатление, и в октябре 1813 года пленников освободили.

— Два года, два месяца и двадцать восемь дней провели мы в сём страшном плену, — говорил Головнин, просматривая свои напечатанные пять лет спустя «Записки в плену у японцев».

— Вот что, однако ж, удивительно, — задумчиво ответила его жена, — как смог ты столь подробно запомнить всё, что день за днём с тобою в плену было?

Головнин улыбнулся. Выдвинув ящик стола, он достал странный жгут, связанный из разноцветных ниток.

— Вот мой дневник, — сказал он, — вёл я его в тюрьме. Из манжет, из подкладки мундира, из шарфа выдёргивал я нитки и сплетал в узелки. Для приятных событий привязывал белую нитку, для горестных — чёрную, для прочих — зелёную. А на каждый день был свой узелок.

После пережитых мучений Головнин отдыхал недолго. В 1818 году он отправился в плавание, и снова — в кругосветное.

Шлюп «Камчатка», которым теперь командовал Головнин, оказался счастливее «Дианы» при встрече с мысом Горн. Мимо этого зловещего места, обогнув Южную Америку, «Камчатка» прибыла в Петропавловск. На сей раз весь маршрут удалось выполнить без помех. «Камчатка» посетила русские колонии в Северной Америке, Ново-Архангельск и форт Росс, побывала на Сандвичевых островах, в Маниле, на острове Святой Елены и, заглянув ещё на Азорские острова, благополучно воротилась в Кронштадт.

А узелки, завязанные в японском плену, оказали неоценимую услугу науке. В те времена о нравах, обычаях и культуре японцев почти ничего не было известно, потому что иностранные корабли в Японию не допускались. Неудивительно, что «Записки» Головнина, его наблюдения за жизнью Японии, о которой европейцы слышали впервые, были впоследствии переведены почти на все европейские языки.

Родина не забыла отважных исследователей. Имя Рикорда носит скалистый остров близ Владивостока, а корабль «Головнин» бороздит океаны.

ШЕСТОЙ МАТЕРИК

годы 1819—1821

„ТЕРРА АУСТРАЛИС ИНКОГНИТА“

Ещё Аристотель уверял, что у Южного полюса обязательно должна быть земля. Для равновесия, чтобы земной шар не перекувырнулся... Этот предполагаемый материк древние географы называли «терра аустралис инкогнита», что значит «неведомая южная земля».

Много кораблей уходило на её поиски, но ни один не нашёл. А знаменитый капитан Кук даже заявил, что найти южный материк невозможно и никто дальше его, Кука, на юг не проникнет...

В 1779 году на острове Саарема, недалеко от берегов Эстонии, родился мальчик, которому было суждено опровергнуть это заявление. Звали мальчика Фаддеем Беллинсгаузенем.

Вопрос о том, кем быть, перед ним никогда не вставал. С детства его окружали моряки и рыбаки, с детства его глаза привыкли к седым просторам Балтики. Он не мыслил себя без моря и не хотел с ним расставаться.

В 1797 году Фаддей окончил учение в Морском корпусе. Он ходил в кругосветное путешествие с Крузенштерном на корабле «Надежда», командовал фрегатом на Чёрном море, работал над уточнением морских карт Кавказского побережья и считался опытным учёным, моряком и исследователем, но не подозревал, что судьба готовит ему будущность поистине необычайную.

НА ЮГ!

Ранним июльским вечером 1819 года в Кронштадтском порту царило необыкновенное оживление. С самого утра, забрались сюда вездесущие мальчишки, пришли офицеры, матросы и празднично разодетые жители Кронштадта. Махали шляпами, кричали «ура», желали счастливого плавания. Дружное «ура» гремело и на двух шляпах, стоявших у пристани. Большим из них — «Востоком» — командовал Беллинсгаузен, меньшим — «Мирным» — Михаил Петрович Лазарев, один из самых опытных и образованных моряков своего времени.

«Восток» и «Мирный» отправлялись в далёкий, опасный путь. Всю подготовку к экспедиции провёл Лазарев, который был назначен до Беллинсгаузена, приехавшего позднее. Внимательно осмотрев шляпы, Лазарев потребовал, чтобы многое было переделано и поправлено, установили печи, переменили паруса, сделали вторую наружную обшивку корпуса. Лазарев хорошо знал, сколько опасностей ожидает маленькие, лёгкие шляпы, какие невероятные трудности им предстоит преодолеть. Ведь в тех, никому не известных широтах, куда первыми шли русские корабли, наверняка можно было столкнуться с самыми непредвиденными осложнениями. И уж во всяком случае неизбежно придётся переносить лютый антарктический мороз, свирепые бури и метели.

Лазарев набрал и экипажи обоих кораблей, причём принимал только добровольцев и только соотечественников. А всем зачисленным Лазарев просто и понятно объяснял

цели и задачи экспедиции, о которых инструкция морского министерства гласила: «Открытия в возможной близости Антарктического полюса».

Взвилась белая пелена парусов, борта окутались дымом выстрелов прощального салюта, и шлюпы заскользили в сторону заходящего солнца. А провожающие ещё долго не расходились, глядя на чуть видимые вдали паруса.

ОСТРОВ С ОТОПЛЕНИЕМ

— Что ты всё пишешь, Новосильский? — подсмеивались товарищи над молодым мичманом «Мирного».

— Смейтесь, смейтесь! — добродушно отшучивался Новосильский, — моё писание ещё не раз пригодится!

— О чём хоть пишешь-то?

— А обо всём. И как немецкие натуралисты трусили, с нами не пошли, и как нам в Рио-де-Жанейро не понравилось: больно грязно, весь мусор из окон прямо на улицу выбрасывают, а к чёрным невольникам со зверской жестокостью относятся, и что уж пять месяцев плывём, и, между прочим, мёрзнуть начали...

— Так уже сорок пятую параллель пересекли!

— Остров! Остров! — раздались крики с палубы.

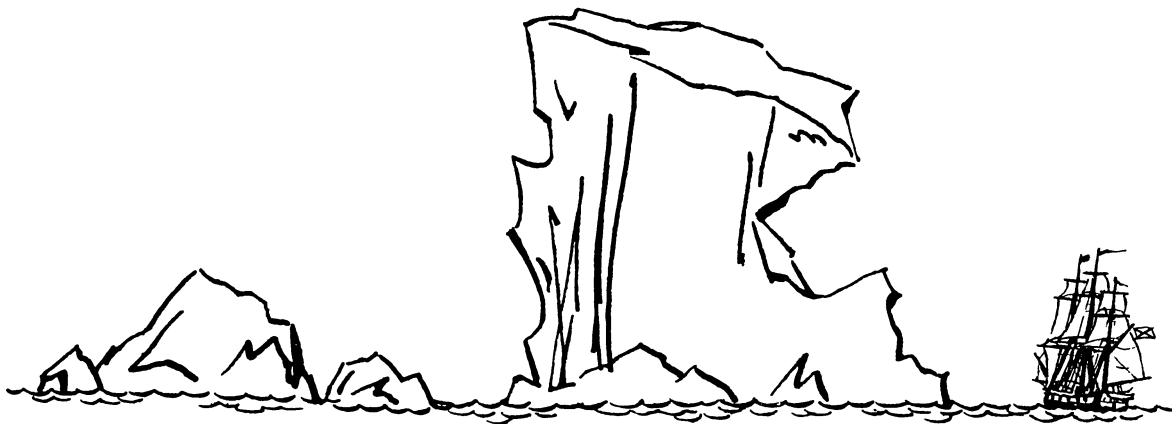
Мичманы бросились наверх. Невдалеке от корабля высилась громадная ледяная гора, с плоским, как крышка стола, верхом, на котором сидело большое общество пингвинов.

— То не остров, — улыбнулся Лазарев, — столовым айсбергом эта штука называется. Теперь часто будем с ними встречаться!

Встречи получались не слишком приятные. Шлюпы по сравнению с ледяными гигантами казались крошечными, и столкновение грозило неминуемой гибелью. Приходилось лавировать среди этих плавучих крепостей, охраняющих подступы к Антарктике.

— Птицы-то какие чудные, — удивлялись матросы, — их бы поближе посмотреть!

Скоро это желание исполнилось. В начале января 1820 года на горизонте показались клубы чёрного дыма. Подойдя поближе, увидели остров с действующим вулканом. Так захотелось его обследовать, что капитаны обоих кораблей, даже не сговариваясь, отправили туда по отряду. А когда они вернулись, по палубе, к восторгу матросов, неуклюже переваливаясь и недоверчиво осматриваясь, заковыляли привезённые пингвины.

— Во-первых, — смеялся Новосильский, — хоть остров и с отоплением, а жить там невозможно. Тяги, что ли, нет? От сернистых газов дышать нечем, да ещё пингвиного помёта целые горы, и тоже от них вонища идёт!

— Что там есть на острове?

— Птиц видимо-невидимо, и ничего они не боятся, хоть в руки бери. Видно, никто ещё там не бывал — непуганые. Ходить не дают, шага не сделать — стоят пингины сплошной массой и в лапах свои яйца берегут. Приходилось хлыстом пошлёпывать, чтобы хоть чуть посторонились. А есть и пить к морю ходят, как солдаты — строем, так же назад ворочаются.

— И не трогали они вас?

— Сперва ничего, только шипели. А потом принялись ластами подгонять, чтобы скорее восвоеси уходили. Между прочим, пребольно хлопали, так что мы возражать им не стали.

«Острову с отоплением» присвоили имя Завадовского — помощника Беллинсгаузена на «Востоке».

„УЖАСАЮЩЕГО ВИДА СТРАНА“

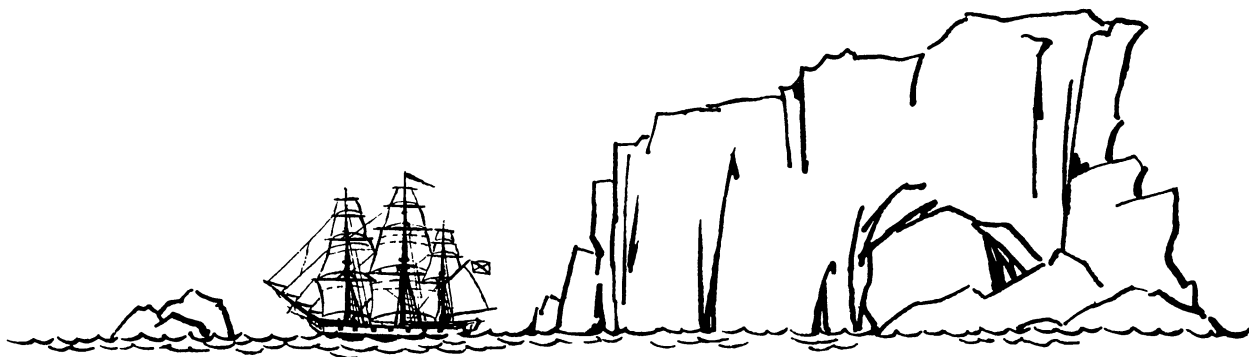
«Земли, что могут быть на юге, никогда не будут исследованы, — написал капитан Кук за сорок пять лет до плавания русских шлюпов, — густые туманы, снежные бури, стужа и другие опасности неизбежны в этих водах. И эти трудности ещё более возрастают вследствие ужасающего вида страны».

Беллинсгаузен и Лазарев не испугались. Упрямо они вели всё дальше и дальше на юг свои маленькие, хрупкие, совершенно не приспособленные к ледовым условиям парусные корабли. Много новых островов открыли русские мореплаватели. Множество исправлений внесли в старые неточные карты.

Плавание было трудным. Холод, снег, сырость и жестокие бури трепали шлюпы, изнуряли людей. Матросы не успевали скалывать лёд с обледеневших снастей. Из-за тяжёлых льдов приходилось постоянно менять курс, но при первой возможности Беллинсгаузен снова и снова направлял шлюпы к югу.

26 января 1820 года «Восток» и «Мирный» пересекли Южный полярный круг.

— Видите? — сказал Завадовскому Беллинсгаузен, — летают птицы. И пингвиний крик слышен. Должен близко быть материк...

РУССКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ
В АНТАРКТИКУ
НА ШЛЮПАХ
«ВОСТОК» и «МИРНЫЙ»
В 1819-1821 ГГ.

Обширное ледяное поле, усеянное пригорками, простиралось перед кораблями. За снегом и туманами, затянувшими горизонт, сверкала блестящая полоса высоких льдов, ледяной барьер с ровными, как стена, краями. Это была Антарктида, берег желанного южного материка. Впервые в истории человечества её увидели русские моряки 28 января 1820 года. Так был открыт последний, шестой, континент земного шара.

В этот раз подойти к нему вплотную не удалось.

Всё хуже и хуже становилась погода. Лютовали свирепые антарктические ветры. То мокрый, то колючий, бешено летящий снег хлестал по глазам, леденил руки, одевал рангоут и такелаж в толстую, сверкающую шубу.

На обоих кораблях было много больных, но те, у кого сохранилось ещё хоть немного сил, работали, превозмогая болезнь, рядом со здоровыми.

Льды стали совсем непроходимыми. Часто приходилось уклоняться к северу. Но, обойдя особенно трудные места, шлюпы снова упрямо ложились на южный курс.

Беллинсгаузен почти не уходил с мостика. Сбивая лёд с ресниц, с трудом сдерживая тяжёлый, разрывающий грудь кашель, он командовал охрипшим, резким голосом.

Шлюпы продолжали путь вокруг южного материка. Они подходили к нему ещё дважды в разных местах. Ледяные горы были похожи на мраморные дворцы. Высились фантастические серебряные рощи, взлетали над пропастями мосты и арки, а когда выглядывало солнце, всеми цветами радуги, словно драгоценные камни, сверкали проплывавшие айсберги.

Так иногда раскрывала перед моряками свою удивительную красоту «ужасающего вида страна».

КОЛУМБЫ АНТАРКТИДЫ

Суровая антарктическая зима вынудила Беллинсгаузена уйти к берегам Австралии. Через год они опять пересекли Южный полярный круг и снова увидели берег Антарктиды, уже не в восточном, а в западном полушарии. Право России на выдающееся географическое открытие было ещё раз подтверждено.

После героического плавания русских моряков сильно изменили свой облик географические карты мира. Беллинсгаузен и Лазарев обнаружили на них множество ошибок. Так, например, Земля Сандвича оказалась не островом, как думал открывший её Кук, а целой группой островов. Им дали имя «Южные Сандвичевы острова».

Много неизвестных ранее островов, — часть архипелага Туамоту, — обнаружилось в Тихом океане. На картах появились «Острова Россиян» — Кутузова, Баркляя, Ермолова, Раевского, Лазарева и другие. Всё это были коралловые острова — атоллы. Зато три ранее нанесённых кем-то острова пришлось вычеркнуть. Они, как и Компанейский, оказались «липовыми».

Первую землю, найденную далеко за Полярным кругом, Беллинсгаузен назвал «Островом Петра I», а увиденную далее — «берегом Александра I». Он писал: «Сей берег покрыт снегом, но осыпи на горах и крутые скалы не имели снега. Внезапная перемена цвета на поверхности моря подаёт мысль, что берег сей обширен, или, по крайней мере, состоит не из той только части, которая находилась перед нашими глазами».

Он не ошибся. Перед ними лежал ледяной берег Антарктиды. Теперь, когда весь этот район сфотографирован с воздуха, видно, что русские корабли находились только в 20—30 километрах от антарктических берегов. Всего за время путешествия открыто 28 новых островов, а зарисовки участника экспедиции художника Михайлова используются в лощих всех стран мира.

В августе 1821 года моряки салатовали фортам Кронштадтской гавани. В том самом месте, откуда уходили шлюпы в свой далёкий, героический путь, отданы были якоря...

Антарктическая экспедиция закончилась. Путь, проделанный «Востоком» и «Мирным», в два с четвертью раза превышает длину экватора, и продолжалось плавание 751 день. Кроме выдающихся открытий, экспедиция собрала богатые коллекции и сделала исключительно ценные для науки наблюдения.

Имя Беллинсгаузена, который бесстрашно пошёл против решения Кука, стоит в одном ряду с Колумбом и Магелланом.

Там, где лавировали когда-то меж гигантских айсбергов «Восток» и «Мирный», теперь постоянно ходят советские ледоколы. А имена обоих кораблей увековечены в названиях советских антарктических станций, и «морем Беллинсгаузена» названа юго-восточная часть Тихого океана...

Имя же Лазарева носит советская станция в Антарктиде.

В 1839 году адмирал Ф. Ф. Беллинсгаузен стал командиром Кронштадтского порта и военным губернатором Кронштадта. Всю свою жизнь он заботился о моряках-балтийцах, увеличивал их пайки, строил для них удобные казармы. Когда он умер, на его столе нашли такую записку: «Кронштадт надо обсадить такими деревьями, которые цвели бы прежде, чем флот пойдёт в море, дабы и на долю матроса досталась частица летнего древесного запаха».

25 января 1952 года советская общественность отмечала столетие со дня смерти Беллинсгаузена.

„НАВАРИНСКИЙ ДЫМ“

ГОД 1827

В 1827 году самым модным считалось сукно «цвета наваринского дыму с пламенем».

Такая мода была вовсе не удивительна — по всей Европе разнёсся славный дым сражения при Наварине. . .¹

— Слышь, Евдоким. . . куда идём-то? — спросил матрос Тимофей Жданов с линейного корабля «Азов».

— Да вроде грекам помогать. Турки их забирают. . . — неторопливо ответил Евдоким Нечаев.

— Вон куда нас, вологодских, несёт! — засмеялся Тимофей.

— А как же? И вологодских и других. Все мы матросы российские. Надо будет — и дальше пойдём.

— Одни против турок драться полезем?

— Не одни вовсе. Англичане и французы тоже туда собираются.

— А одолеем ли турок-то?

— С нашим капитаном да не одолеть? Лазарев знаешь какой моряк? Он уж три раза кругом света ходил. И матросов всегда бережёт, заботится о них, как родной.

— Да и молодые офицеры у нас не худые. Мичман Корнилов душевный человек, гардемарин Истомина тоже, а уж лейтенант Нахимов — тот всех лучше!

В октябре недалеко от Наваринской бухты, где стоял турецко-египетский флот в количестве 70 судов, русские корабли встретились с английской и французской эскадрами. Общее командование было поручено самому старшему в чине — английскому вице-адмиралу Кодрингтону.

Сперва вежливо предложили турецкому командующему Ибрагим-паше прекратить военные действия против греков. Турки ничего не ответили. Тогда эскадра союзников начала входить в бухту.

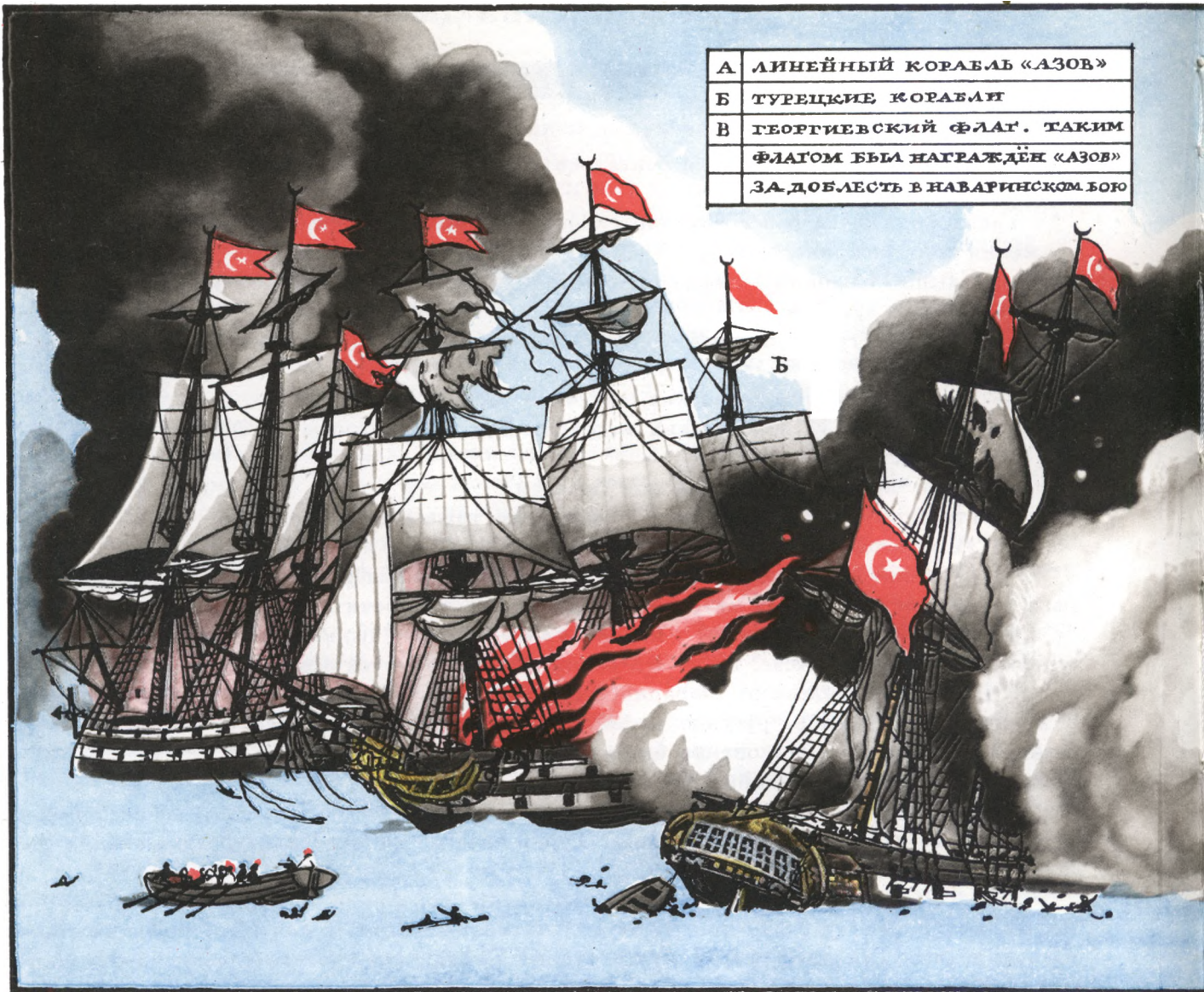
Ибрагим-паша потребовал, чтобы немедленно повернули обратно. Кодрингтон ответил: «Я пришёл не для того, чтобы получать приказания, а для того, чтобы их отдавать; и если по союзному флоту будет открыт огонь, то турецкий флот будет уничтожен».

На этом переговоры кончились, и союзный флот вошёл в бухту. Впереди шли английские и французские корабли, немного позади — русские. Довольно узкий проход простреливался и орудиями крепости Наварин и батареями острова Сфактерия. Под их перекрёстный огонь и попал «Азов», когда англичане и французы уже успели пройти. Всю бухту, в том числе и место, назначенное русской эскадре, заволочло густым дымом. Однако русские корабли, пробираясь между горящими брандерами, упорно шли вперёд. В полном порядке, вызвав восхищение союзников, русская эскадра стала на якоря точно по диспозиции.

— Никак с пятью сразу дерёмся? — задыхаясь, крикнул Тимофей пробежавшему Евдокиму.

— С пятью и есть! — ответил тот. — Да ты водой, водой обливайся! От жару спасу нет!

¹ Наваринская бухта расположена в юго-западной части Греции.

НАВАРИНСКИЙ БОЙ. ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ КОРАБЛЯМИ 8 ОК

Тяжёлые ядра обрушивались на паруса, мачты и палубу «Азова». Весь его корпус дрожал. Пять турецких кораблей стояли на расстоянии всего 1,5—2 кабельтова, но часть из них уже пылала, и экипаж «Азова» изнемогал от жары.

Меткие выстрелы русских комендоров срезали грот-мачту с одного из неприятельских кораблей. От этого он сильно накренился на один борт, и пушки второго борта поднялись так высоко, что их снаряды стали пролетать выше «Азова». Другим снарядом угодили в кюйт-камеру турецкого корвета, и тот взорвался. Однако и на «Азове» положение было тяжёлым: там тоже начинался пожар.

«АЗОВ» СРАЖАЕТСЯ С ПЯТЬЮ ТУРЕЦКИМИ ТЯБЛЯ 1827 ГОДА

— Ребята, туши скорее, растаскивай! — крикнул Нахимов и побежал на бак, чтобы направить огонь носовых орудий.

Матросы бросились к очагам огня и, обжигаясь, ежеминутно рискуя жизнью, потушили их.

«Казалось, весь ад развернулся перед нами», — писал впоследствии Нахимов. Бой продолжался много часов. Все русские корабли дрались с исключительной отвагой так же, как и суда союзников.

Две трети турецкого флота и семь тысяч человек погибли. «Азов» потопил два

фрегата и корвет, взорвал ещё один фрегат и уничтожил линейный корабль, который действовал против английского флагманского корабля. Но и на самом «Азове» были перебиты все мачты, и получил он 153 пробоины. . .

На другой день турки смирились и обещали больше неприязненных действий не производить. Конечно, потом они своё обещание нарушили, но пока что им поверили, отдали пленных, и корабли союзной эскадры принялись за ремонт, в котором очень нуждались.

«Русский флот не имел подобного капитана», — написал о своём командире, Михаиле Петровиче Лазареве, Нахимов. И действительно, «Азов», которым Лазарев командовал, прославил в этом бою русский флот на всю Европу.

— Ну вот и одолели турок, — усмехаясь, говорил Евдоким Нечаев, — а ты сомневался!

— Не сомневался я вовсе, — рассердился Тимофей Жданов, яростно оттирая копьё с рукава рубашки, которую он стирал, — так просто, советовался!

— Теперь наш «Азов» георгиевский кормовой флаг и вымпел получил! — загордился Евдоким. — Такого, говорят, отродясь на флоте не слыхивали!

— А Лазареву-то дали награду?

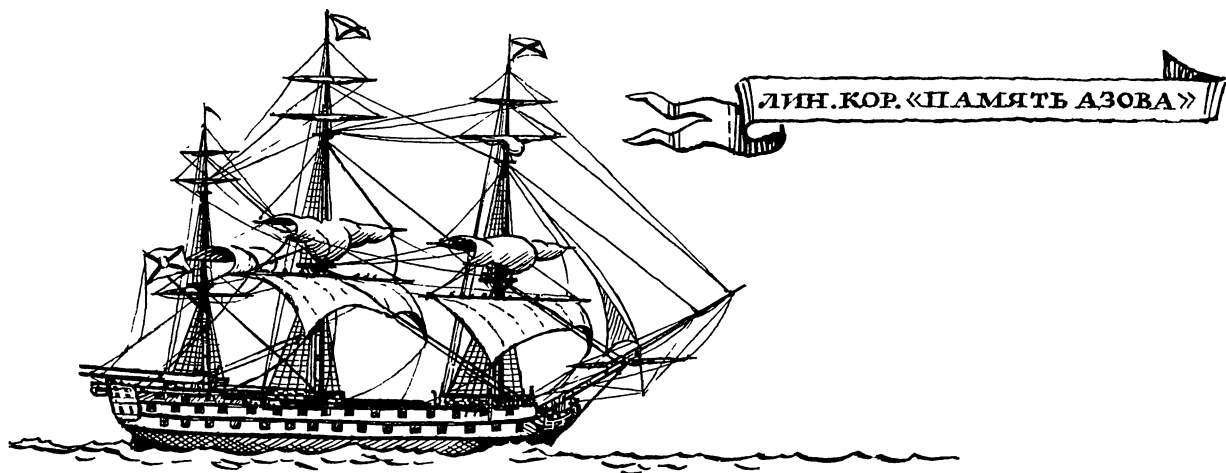
— А как же? Контр-адмирал он теперь. И других не забыли. Нахимову — орден Георгия четвертой степени и чин капитан-лейтенанта, Корнилову — Анну четвертой степени, Истомину — георгиевский крест!

— И не зря!

А у Кодрингтона получилось неладно. Дело в том, что английское правительство вовсе не хотело полного истребления турецкого флота, потому что это означало усиление России. И английский король сказал о своём адмирале: «Я посылаю ему ленту, хотя он заслуживает верёвки».

Через много лет, когда «Азов» пришёл в ветхость, а друзья, отслужив свой срок, вернулись в родную деревню под Вологдой, со стапелей сошёл новый корабль. Он носил гордое имя «Память Азова», и на корме его развевался георгиевский флаг, полученный как бы по наследству вместе с боевыми традициями. Но об этом вологодские крестьяне Евдоким Нечаев и Тимофей Жданов уже не узнали.

А поскольку славный дым сражения при Наварине разнёсся по всей Европе, во все не удивительно, что в моду вошло сукно цвета наваринского дыму с пламенем. . .

НА МОРЕ И НА СУШЕ

ГОДЫ 1853—1855

НА МОРЕ

По улице Корабельной слободки Севастополя стремительно мчался мальчишка лет двенадцати. Пыль клубами взлетала из-под его босых ног.

— Николка! Эй, Николка! — кричал он что было мочи.

— Да здесь я, Кузьма! — отозвался паренёк поменьше. — Чего тебе?

— Бежим скорее! Наши из-под Синопа вернулись, дяденька Майстренко сейчас рассказывать будет!

Клубы пыли удвоились. Мальчишки побежали к избе, у которой собралось уже много народу. Все слушали немолодого, бородатого матроса.

— . . . Не хотелось больно англичанам нас в Средиземное море выпускать, — неторопливо говорил он, — для того и стали они туркам помогать — корабли для них строить, укрепления возводить. А войны по-настоящему никто не объявлял. Наша, нахимовская то есть, эскадра пошла, значит, в октябре к турецким берегам на всякий случай. Ну, в конце октября узнали, что напали турки на нашу Дунайскую флотилию, стало быть, война началась. И повёл тогда Нахимов корабли к городу Синопу, где большой турецкий флот стоял.

— А как большой, дяденька? — звонко крикнул Николка.

Антон Майстренко улыбнулся.

— Да изрядный против нашего, парень, — ответил он, — шестнадцать их там стояло. Нахимовских же сперва всего три пришло. Ну, всё ж таки решил он турок заблокировать, пока нам подкрепление не прибудет. А в приказе нахимовском было сказано, что Россия от Черноморского флота ожидает славных побед и нам те ожидания оправдать следует.

— И оправдали? — подался вперёд от нетерпения молодой паренёк.

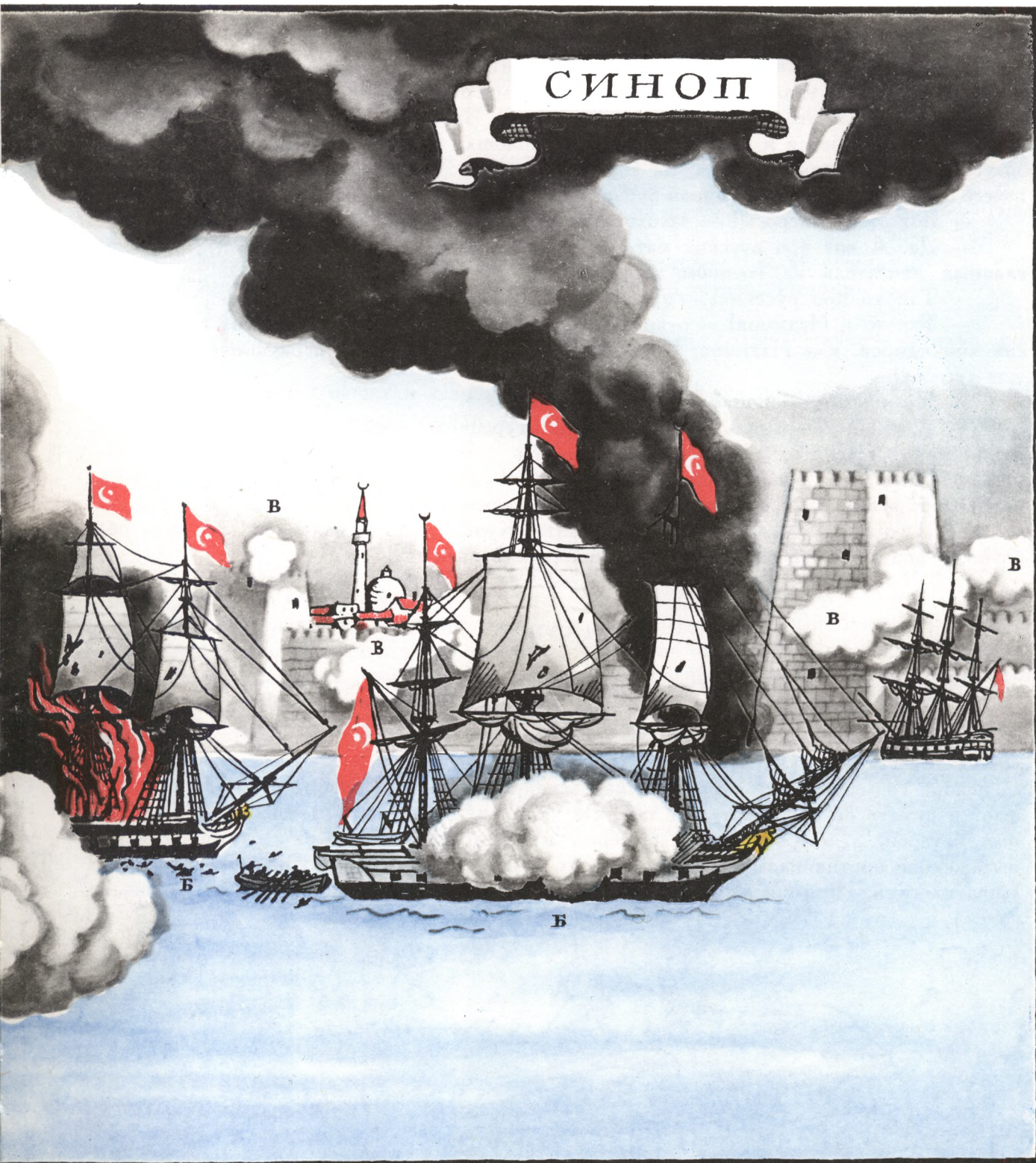
— Оправдали вроде, — солидно ответил Майстренко. — Восемнадцатого ноября видим на адмиральском корабле «Мария» сигнал: «Приготовиться к бою и идти на Синопский рейд». Подкрепление нам уж прибыло, пошли двумя колоннами. Первую повёл Нахимов на «Марии», другую Новосильский на «Париже», где Истомин капитаном. Полумесяцем напротив турок выстроились, и — загремела канонада. Всё море дымом закрыло. Напротив «Марии» как раз турецкий «Ауни-Аллах» стоял, а на нём — старый знакомец, командующий эскадрой Осман-паша. Они с Нахимовым ещё при Наварине дрались. Полчаса не прошло, а мы так расколотили «Ауни-Аллах», что он на берег выкинулся. Потом глядим: «Фазли-Аллах» подбирается. Присмотрелись: батюшки, да это ж наш бывший «Рафаил». Его турки в двадцать девятом взяли. Ну, ребята все давай свистеть, кричат: «Бей по нему, зачем передался туркам?» — хохочут, конечно; поддали и «Фазли-Аллаху», а немного погода погибло ещё пять турецких кораблей — считай, половина почти что ихнего флота. Накрыли и береговые батареи — посыпались амбразуры, завалились блиндажи. «Париж» как подтянулся, залпом как дал — так батарею и разбил. Только пыль пошла, и батарея в море повалилась со всем запасом. . .

— И англичане не помогли? — засмеялся старый отставной матрос с медалями на груди.

А	РУССКАЯ ЭСКАДРА
	ПОД КОМАНДОВАНИЕМ
	АДМИРАЛА НАХИМОВА
Б	ТУРЕЦКАЯ ЭСКАДРА
В	ТУРЕЦКИЕ БЕРЕГОВЫЕ
	БАТАРЕИ

УНИЧТОЖЕНИЕ ТУРЕЦКОГО ЧЕРНО
18 НОЯБРЯ

МОРСКОГО ФЛОТА в Синопской бухте
1853 года

— Не успели, дедушка. Посылали к ним турки. Всего в двухдневном переходе тогда англо-французский флот стоял. Однако ж запоздал.

А на корабле «Таиф» был англичанин капитан Слейд. Он у турок за адмирала считался. «Таифу» удалось уйти, хоть и наткнулся он на корниловские корабли. Корнилов в аккурат привёл два корабля на помощь. Что только делалось в бухте! Она кипела вся! Загорелся и сам город Синоп. Подошли к «Ауни-Аллаху» Осман-пашу брать, а он там один оказался, да ещё и раздетый. Вся команда удрала, адмирала своего ограбила и бросила в одной рубашке!

— Вот это матросы! — захохотали слушатели.

— Да. А вот про русских матросов знаете, как Нахимов сказал? «Матрос есть главный двигатель на военном корабле».

— Так то про русских! — приосанился старый матрос.

— Так то и Нахимов! — ответил Майстренко. — Много ли в других флотах таких командиров, как Нахимов, Корнилов или Истомин? Они в первую очередь о людях думают!

— Ну и чем же кончилось дело в Синопе-то?

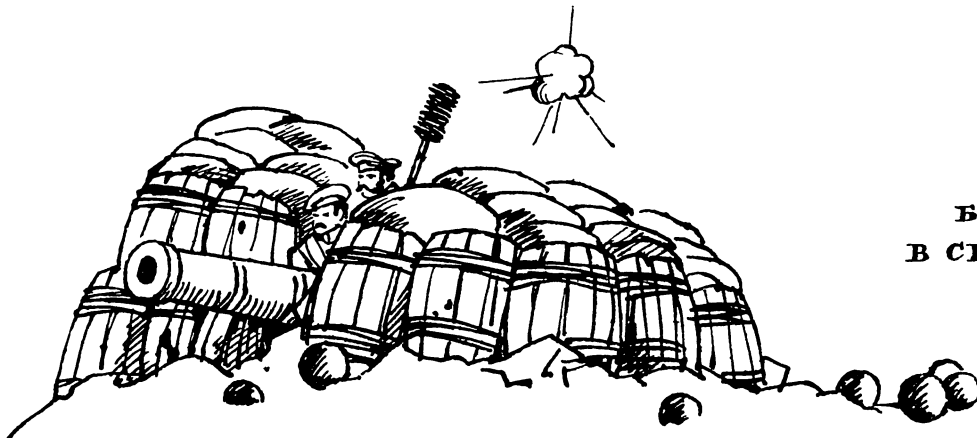
— А тем и кончилось. Из шестнадцати турецких кораблей пятнадцать уничтожили, только Слейд на «Таифе» успел убежать в Константинополь. Ну и нам не даром победа далась. Сорок человек убило, многих ранило, некоторые корабли пришлось на буксире везти, да поскорее, пока к туркам свежие силы не подоспели.

— Николка. . . — мечтательно прошептал Кузьма, когда мальчики тихо шли обратно, — доведётся ли нам когда так погеройствовать?

НА СУШЕ

Матросские сыновья, Кузьма Горбаньев и Николка Пищенко, не подозревали, как быстро придётся им доказывать своё геройство. . .

В Англии после Синопского боя поднялась целая буря. Все газеты требовали войны с Россией, уничтожения Черноморского флота и его базы — Севастополя. И вскоре громадная англо-французская эскадра вошла в Чёрное море. Черноморский флот и думать не мог бороться с ней. Он остался в бухтах под прикрытием береговых батарей, а матросы сошли на берег, чтобы драться с большой десантной армией, высаженной противником. Во главе русских войск встали герои Синопа — Нахимов, Новосильский, Истомин и Корнилов. Началась знаменитая Севастопольская оборона. . .

**БАТАРЕЯ
В СЕВАСТОПОЛЕ**

— Давно я не видал тебя, Кузьма... — сказал Николка. Исхудавший, оборванный, он шёл по берегу, глядя на чёрные вершины мачт семи затопленных кораблей.

— Я на четвёртом бастионе помогаю, а как у тебя-то?

— Батю убило, маманя осколком раненная, в госпитале лежит, а я пока на батарее. Что могу, делаю...

— Все, сколько есть народу в Севастополе, укрепления строят. Одну батарею так и назвали — «Девичья». Только девки её строили.

— А ядра садят и садят. Днём и ночью. Сколько наших солдат погибло — сказать страшно. Тысячи и тысячи.

— Матросы говорят, — Нахимов на самых опасных местах всегда.

— Ага. Корнилова на Малаховом кургане убило, теперь Истомин там.

— Чего только будет, Николка?

— Всё равно не отдадим Севастополь. Народ больно жалко — сколько погибает...

— Мальчишек наших и девчонок много уже убило да покалечило. Они тоже на бастионах помогали — воду носили на укрепления, ядра собирали, кто посильнее — раненных носили...

— Ну, прощай пока, Кузьма. Живы будем — увидимся.

Пришла весна 1855 года. По-прежнему осыпали ядрами вражеские корабли истекающий кровью Севастополь. По-прежнему тысячи жизней уносили бои. В марте ядром в голову был убит Истомин.

Нахимов ежедневно обходил все укрепления. Этот плотный пожилой человек с аккуратно подстриженными усами не знал, что такое страх. В июне он поднялся на Малахов курган, взял трубу и стал рассматривать неприятельские войска. По густым эполетам враги сейчас же узнали адмирала. Пули посыпались градом.

— Не высовывайтесь так, Павел Степанович! — не выдержал стоявший рядом офицер

— Не всякая пуля в лоб! — засмеялся Нахимов. — Да и стреляют они плохо!

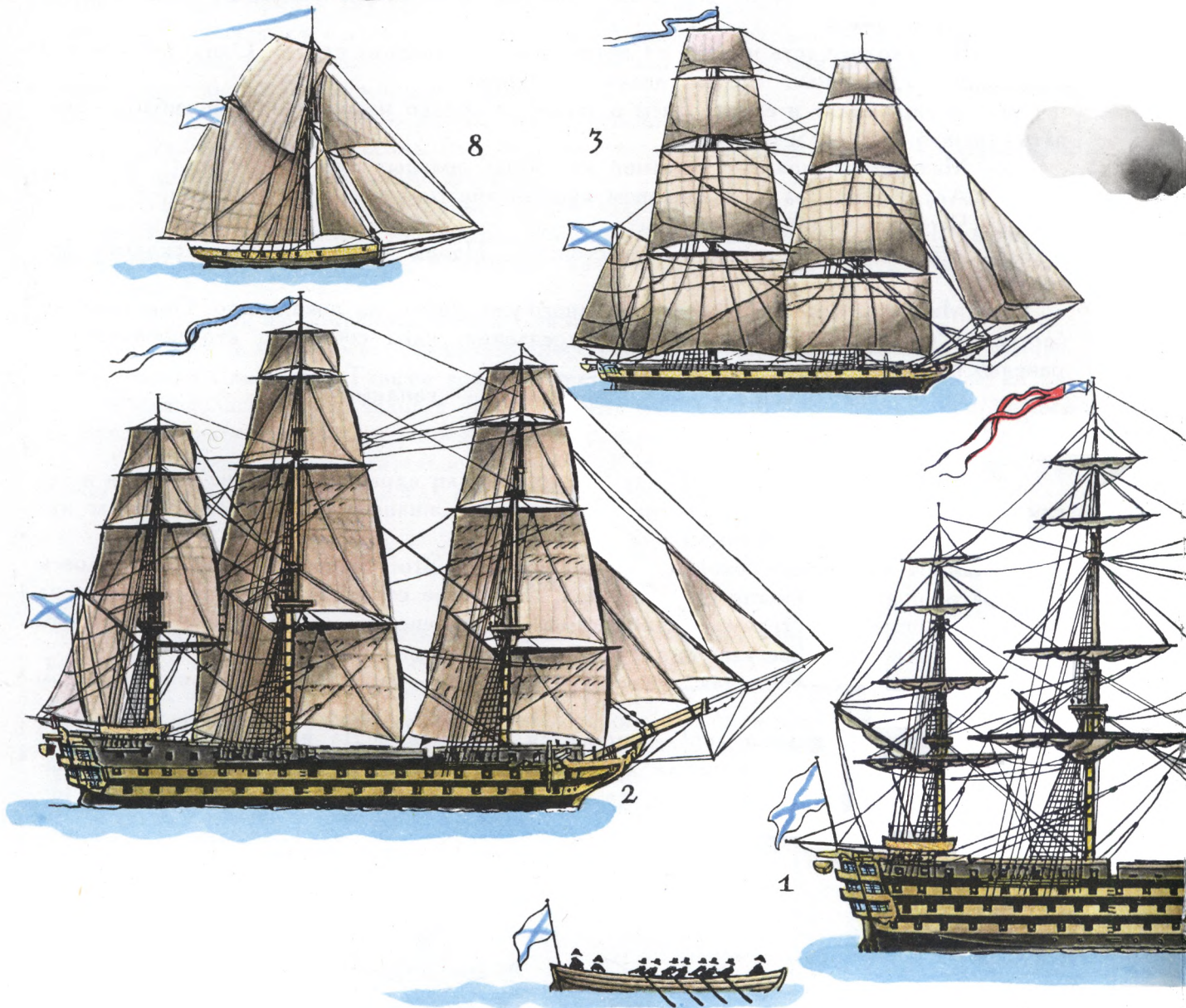
Но одна пуля всё-таки нашла храбреца. Она попала ему в висок над левым глазом, пробил череп и вышла около уха. Нахимов упал. Было это почти на том же месте, где раньше погиб Корнилов.

— Отстаивайте же Севастополь! — сказал Нахимов, умирая.

**ЗАЩИТНИКИ
СЕВАСТОПОЛЯ
КОНТРАТАКУЮТ
ПРОТИВНИКА**

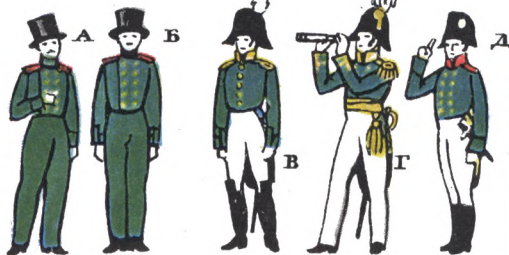

РУССКИЙ ФЛОТ СЕР

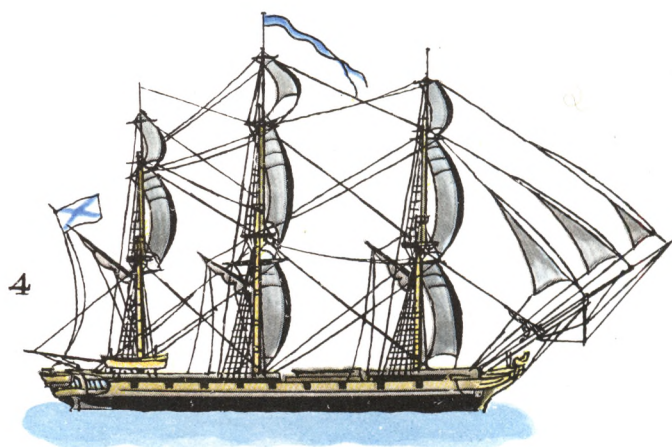
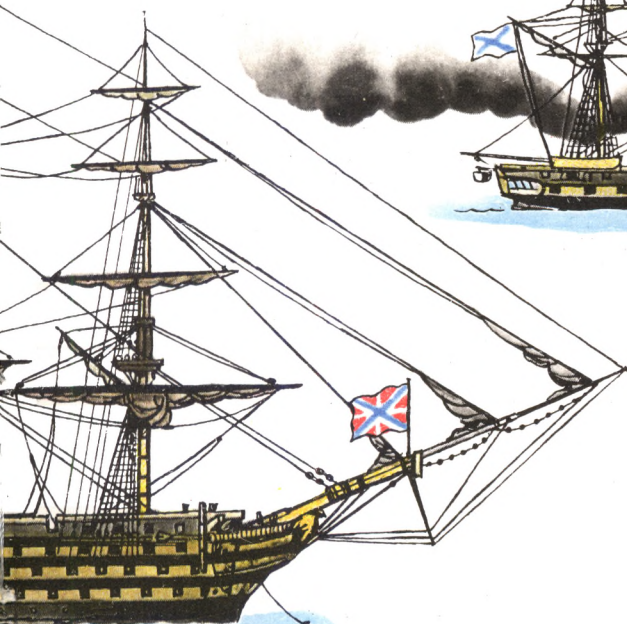
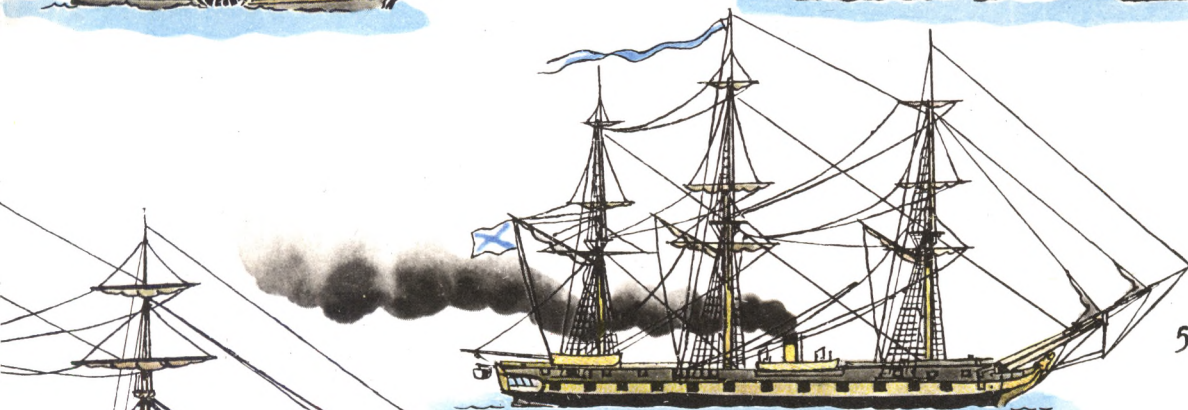
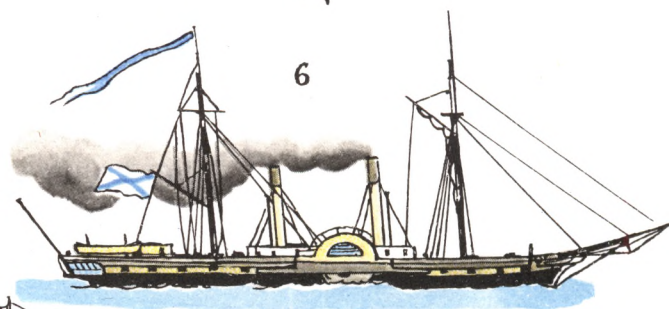
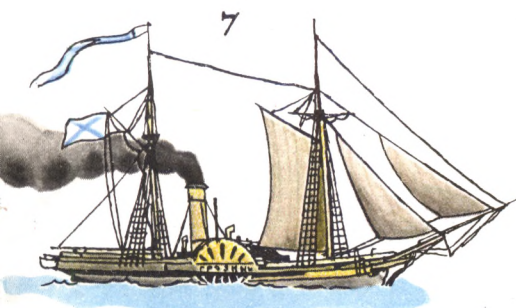
1801-1826 г.

А	МАТРОС
Б	АРТИЛЛЕРИСТ
В	МОРСКОЙ ОФИЦЕР
Г	АДМИРАЛ
Д	ГАРДЕМАРИН

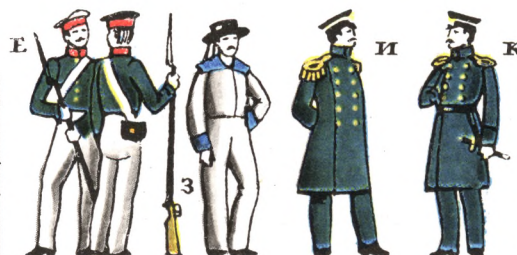

1	ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ 120-ПУШЕЧНЫЙ
2	ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ 94-ПУШЕЧНЫЙ
3	БРИГ 24-ПУШЕЧНЫЙ
4	ШАРОП
5	ВИНТОВОЙ ФРЕГАТ
6	ВООРУЖЕННЫЙ ПАРОХОД

ЕДИНЫ XIX ВЕКА

7	вооружённый паролд
8	тендер 12-пушечный

с 1826 года	
Е	СОЛДАТЫ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ
З	МАТРОС
И	АДМИРАЛ
К	МОРСКОЙ ОФИЦЕР

Необычная тишина воцарилась в Севастополе, когда несли гроб, покрытый пробитым ядрами флагом. Уважая доблестного адмирала, враги не стреляли. Говорили даже, будто англичане скрестили реи и опустили флаги на своих кораблях.

Вдоль улицы, не сдерживая слёз, стояли матросы. В руках у них дрожали обвитые крепом знамёна.

Грянули три ружейных залпа. Загрохотал салют с корабля «Великий князь Константин».

Рядом с Лазаревым, Корниловым и Истоминым лёг в израненную землю Нахимов. А как только все разошлись, в бухту снова посыпались неприятельские бомбы.

Севастополь оставался неприступным, несмотря на всё преимущество врагов и в силах, и в технике. 349 дней продолжалась оборона. Боевые дела и беспримерная доблесть черноморских моряков навсегда остались в памяти народной. Только в августе, затопив весь оставшийся флот, русские оставили врагам пылающие развалины города и отступили на Северную сторону.

Крымская война дорого стоила всем странам, которые принимали в ней участие. Союзные армии потеряли 155 000 человек и пять миллиардов франков. Россия — 100 000 человек и 800 миллионов рублей. Долго совещались русские и иностранные дипломаты. Наконец 30 марта 1856 года в Париже был подписан мирный трактат. Русскому правительству пришлось сделать немало уступок противникам, но Севастополь всё-таки возвратили России. . .

А Николка Пищенко в свои десять лет оказался подлинным героем. Когда на его батарее погибли все матросы, он остался у мортирок один и справлялся со стрельбой до конца осады. Медаль и георгиевский крест украсили грудь бесстрашного мальчишки. . .

«Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, героем которой был народ русский», — сказал один из участников Севастопольской обороны, писатель Лев Толстой.

. . . Вскоре после Крымской войны во всём мире прекратилось и строительство парусных боевых кораблей. Их время кончилось. На смену парусам пришёл паровой двигатель.

ГОРДЫЙ „ВАРЯГ“

ГОД 1904

Вот и нет уже больше белоснежных парусов на кораблях. Пятьдесят лет пролетело со дня последнего боя парусного флота, но по-прежнему крепки боевые традиции и неподкупная честь русских моряков. И особенно ярко, особенно гордо проявились они в феврале 1904 года в далёких тихоокеанских водах.

Командир крейсера «Варяг» капитан I ранга Всеволод Фёдорович Руднев с недоумением перечитывал только что полученное от вице-адмирала Старка предписание — идти в маленький корейский порт Чемульпо. «Непонятно, — думал он, — почему новый мощный крейсер нужно отрывать от порт-артурской эскадры? И в такое время. . .»

А время действительно было сложное.

Америке, Англии и Германии очень не нравилось русское влияние в Китае и Корее. Но воевать они предпочитали чужими руками, и поэтому принялись натравливать на Россию Японию. Это было не трудно — русские мешали Японии нападать на Китай. На Приморье и на Сибирь тоже давно зарились японские вояки. И Япония начала тайно готовиться к войне.

В Чемульпо, кроме «Варяга», стояла ещё канонерская лодка «Кореец», которой командовал капитан II ранга Григорий Павлович Беляев. Командиры прекрасно понимали всю тревожность обстановки. Они видели, как подходят и разгружаются японские транспорты, высаживая войска и артиллерию. Когда русские матросы появлялись в японских кварталах, за каждым их шагом следили, относились к ним явно враждебно, а иногда даже и нападали из-за угла. Препятствовать высадке японских войск царское правительство запретило. Ведь война не была ещё объявлена, и к войне Россия вовсе не подготовилась. Потому и тянули, старались сделать вид, что всё в порядке, надеясь: авось обойдётся.

— Что я могу сделать? — тревожно говорил Руднев своему штурману, лейтенанту Беренсу. — Я не раз пытался убедить нашего посланника в том, что военные действия начнутся с минуты на минуту. Но он мне не верит. . .

Беда разразилась в январе 1904 года. Чтобы выйти с рейда Чемульпо, надо было пройти узким фарватером около 40 миль между островами. Получалась настоящая ловушка. Кроме русских судов, в Чемульпо стояли ещё два английских крейсера, итальянский, два французских, американский и немецкий корабли, а также японский крейсер «Чиода». Командир «Чиоды» Мураками усиленно заверял Руднева в дружбе и уважении японцев к русским. Он боялся, чтобы «Варяг» не ушёл из Чемульпо. . .

— Мураками хочет нас обмануть, — говорил Руднев офицерам, — но инструкция не разрешает мне что-либо предпринять. . .

Через несколько дней «Чиода», который стоял в глубине рейда, вдруг перешёл поближе к выходу в море, а затем потихоньку ушёл совсем. А в Токио уже было принято решение атаковать русские корабли в Порт-Артуре и в Чемульпо и высадить десант в Корею, причём сделать это до объявления войны. Объявлять войну заранее японцы считали «совершенно непонятным, глупым европейским обычаем», как писал в дневнике один из японских офицеров. Вскоре японские крейсера и миноносцы вошли на

рейд Чемульпо, окружили русские корабли и направили на них орудия. Опасение Руднева сбылось. «Варяг» оказался в ловушке.

Руднев поехал к командиру английского крейсера, но ничего не добился. Ведь у Англии был тайный договор с Японией, и вторжение в Корею было сделано с ведома и согласия британского правительства. Японская эскадра высадила десант и ушла.

9 ФЕВРАЛЯ 1904 ГОДА

— Мы получили уведомление от японского контр-адмирала Уриу о начале военных действий между Японией и Россией. Вам об этом известно? — спросил Руднева прибывший на «Варяг» командир французского крейсера.

— Мне ничего не сообщали о войне, — ответил Руднев.

— И ультиматума от японцев вы тоже не получали? — удивился француз.

— Нет, — повторил Руднев.

Ультиматум пришёл через час. Уриу предлагал русским кораблям немедленно покинуть Чемульпо. «В противном случае, — писал японский контр-адмирал, — я буду обязан открыть против вас огонь в порту».

— Я готов выйти в море, — сказал Руднев командиру английского крейсера Бэйли, — но не проводите ли вы русские корабли до границы корейских территориальных вод?

— Я не могу этого сделать, — возразил Бэйли, — ведь Англия нейтральна...

«Варяг» был брошен на произвол судьбы. Руднев не сомневался, что японцы не намерены выпустить его, и оставалось только сделать попытку прорваться. А Бэйли сразу же предательски уведомил Уриу о намерениях русского командира.

— Надо идти на прорыв и принять бой вне рейда, — сказал Руднев своим офицерам, собрав их на совещание. — Здесь слишком тесно, и мы не можем маневрировать.

После совещания Руднев обратился к выстроеным на верхней палубе матросам. Он объяснил им положение и сказал, что придётся биться до последней капли крови.

Люди на «Варяге» не обманывали себя. Им было ясно, что шансов на спасение почти нет, что не может один крейсер, в сопровождении лишь маленькой канонерской лодки, противостоять большому флоту врага. Но мужественные матросы ответили командиру троекратным «ура»...

В 11 часов 20 минут «Варяг» и следующий за ним в кильватере «Кореец» двинулись в путь. Матросы всех иностранных кораблей, мимо которых они проходили, посылали им прощальные приветствия, а на итальянском крейсере оркестр играл русский гимн. Все знали, что в это тихое ясное утро русские идут почти на верную гибель, и восхищались их храбростью.

А японская эскадра из четырнадцати кораблей уже ждала героев.

— Это будет хороший подарок императору! — сказал японский контр-адмирал Уриу, наблюдая в бинокль за приближавшимся «Варягом». — Сегодня наш флот пополнится прекрасным крейсером!

На японском крейсере «Нанива» взвился сигнал: «Предлагаем сдаться без боя».

— Не отвечать! — распорядился Руднев.

Японская эскадра открыла огонь. Заговорили и орудия «Варяга».

Начался тяжёлый, неравный бой. Вдвоём против целой эскадры, под градом снарядов упорно шли вперёд русские корабли. Каждый матрос, каждый офицер чувствовали, что палуба под их ногами — это часть России, часть Родины, которую невозмож-

но предать или посрамить. Обливаясь кровью, не покидали своих мест раненые. С последним стоном падали убитые, в разных местах вспыхивали пожары, но орудия «Варяга» по-прежнему метко били по врагу, и часть японских кораблей получила серьёзные повреждения.

Не на жизнь, а на смерть бились русские моряки. Мысль о сдаче никому даже в голову не приходила. Раненый Руднев не покидал мостика, но крейсер уже плохо слушался руля, а затем стал крениться на левый борт.

— Поворачивай обратно на рейд, — скомандовал Руднев, — надо исправить повреждения, прежде чем вступить в новый бой.

Но исправить оказалось невозможно. «Варяг» был изранен слишком серьёзно. Почти все орудия выбыли из строя, 34 человека погибли, 188 было ранено. О возобновлении боя нечего было и думать, оставалось только одно решение, и Руднев уже принял его для себя, хотя самая мысль о нём казалась ему чудовишной. Но выхода не было. Чтобы крейсер не достался японцам, оставалось его взорвать.

По морскому уставу, утвердить такую последнюю крайнюю меру мог только совет офицеров...

В тяжёлом молчании смотрели офицеры на потемневшее от горя лицо командира. Взорвать «Варяг»! Погубить дорогой всем корабль, второй дом для каждого моряка... Как решиться на такое? Но ведь отдать крейсер врагу ещё страшнее! Это уже было бы предательством.

И офицеры единодушно согласились. Не возражали и офицеры «Корейца». Однако взрыв мог оказаться опасным для стоявших вокруг иностранных судов. Можно было только затопить «Варяг». Медленно обвёл Руднев взглядом лица матросов. Они стояли, не поднимая глаз. Некоторые не могли скрыть предательских слёз и не стыдились их. Ведь к смерти был приговорён их корабль, их любимый «Варяг».

— Открыть кингстоны! — тихо скомандовал Руднев, и голос его сорвался.

Французские, английские и итальянские шлюпки подошли к обречённому кораблю, чтобы забрать оставшихся в живых. Только американский командир Маршалл отказался принять русских моряков...

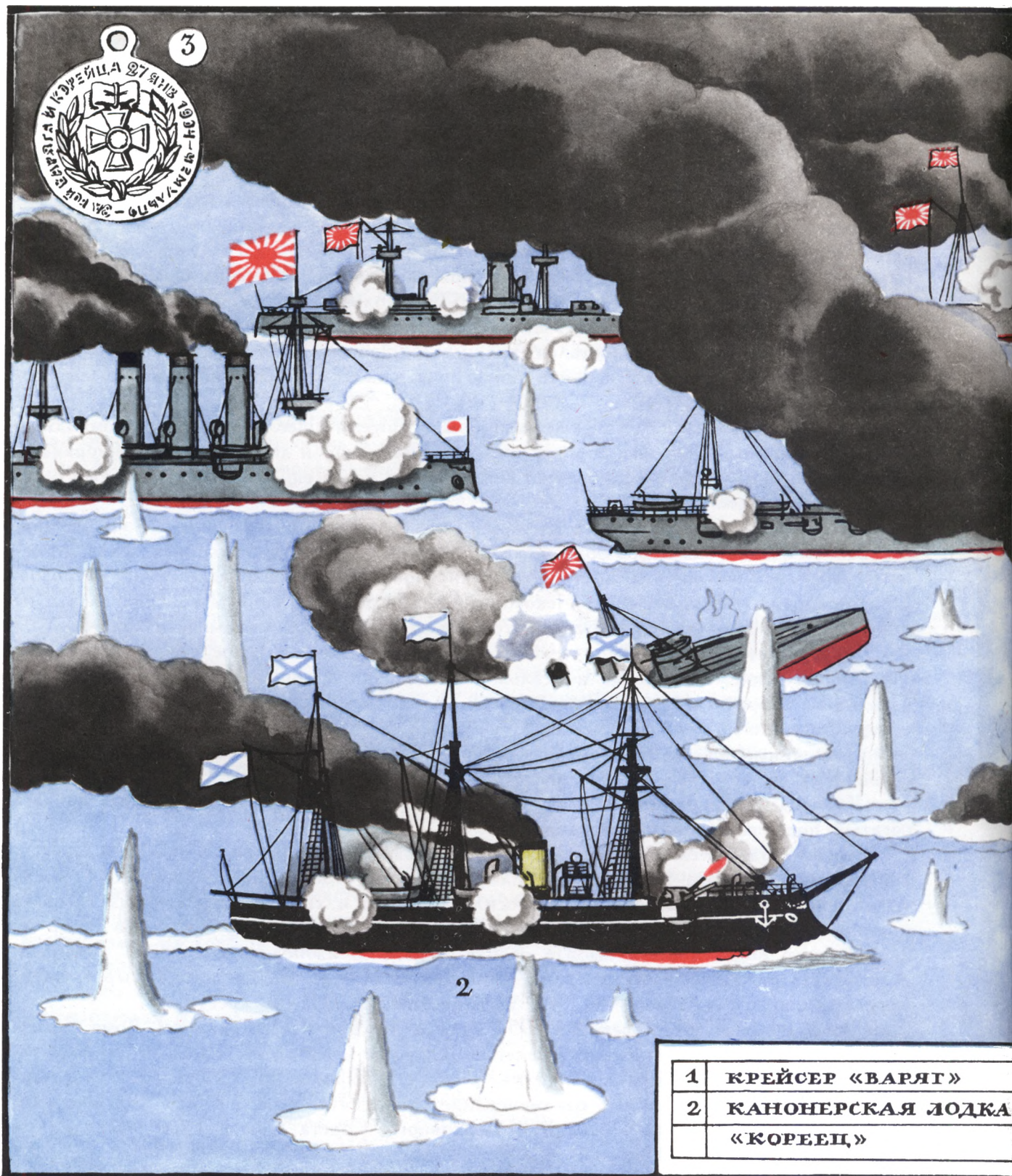
Последним, поцеловав поручни и сказав: «Прощай, «Варяг»!» — в шлюпку спустился Руднев.

Крейсер медленно погружался. Японскому контр-адмиралу не удалось сделать богатый подарок своему императору.

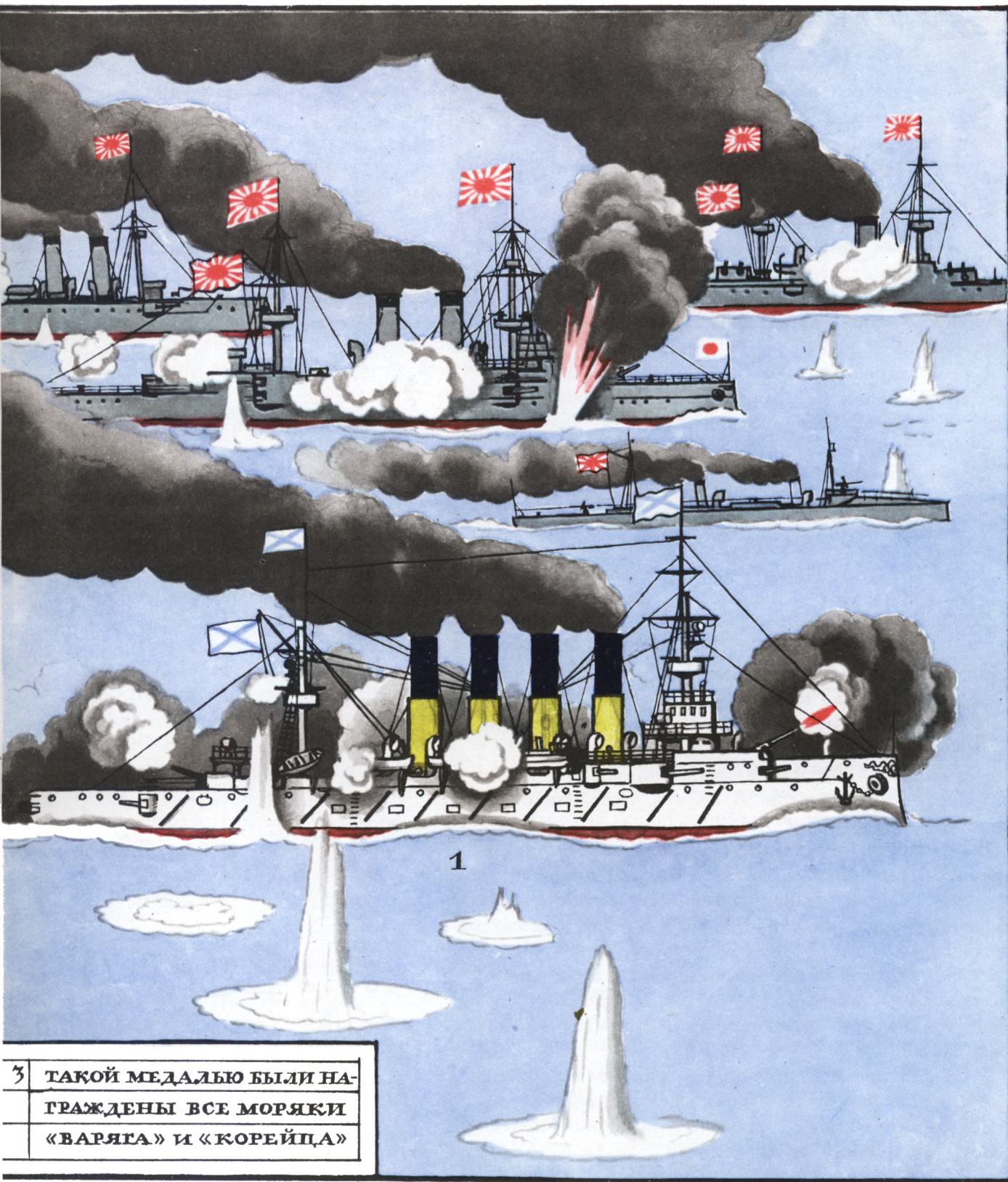
Когда оставшиеся в живых моряки с «Варяга» и «Корейца» прибыли в Одессу, триумфальные ворота высились на площади перед Приморской лестницей. Гремели артиллерийские салюты, далеко разносилось «ура», и тысячи встречающих осыпали цветами героев-моряков. Им торжественно вручили георгиевские кресты, в честь их легендарного подвига была выбита особая медаль с изображением обоих кораблей. А в память тех, кто не вернулся, на морском кладбище Владивостока вырос пятиметровый обелиск из серого гранита, увенчанный георгиевским крестом.

Прошло много лет. 9 февраля 1954 года в Москве в Центральном Доме Советской Армии шло торжественное заседание. Столица Советского Союза чествовала героев Чемульпо, сидевших в президиуме рядом с адмиралом Н. Г. Кузнецовым и маршалом С. М. Будённым. В ознаменование пятидесятилетия со дня героического подвига русских моряков Президиум Верховного Совета Союза ССР наградил их медалями «За отвагу».

А ещё через десять лет в водах Тихого океана появился стремительный ракетный крейсер. На борту его сияло гордое имя «ВАРЯГ».

БОЙ «ВАРЯГА» И «КОРЕЙЦА» С ЯПОН

СКОЙ ЭСКАДРОЙ 9 ФЕВРАЛЯ 1904 ГОДА»

МЯТЕЖНЫЙ БРОНЕНОСЕЦ

ГОД 1905

- Смотри, дед какой!
- Да, уж дед так дед!
- Ему в обед будет сто лет!
- Куда это он глядит-то?

Длинная широкая лестница медленно падала к морю каскадом бесчисленных, раскалённых одесским солнцем каменных ступеней. На одной из скамеек сидел, опираясь на толстую суковатую палку, человек. Он был очень стар. Спина его согнулась, руки слегка дрожали. А глаза пристально вглядывались во что-то там внизу.

— Старый дружок... — пробормотал он.

Мальчишки переглянулись и подошли поближе.

— Что вы говорите, дедушка? — с любопытством спросил вихрастый, дочерна загорелый паренёк.

— А, ребята! — улыбнулся старик. — Откуда вы?

— Мы с экскурсией приехали. Про какого вы дружка говорите?

— А вон видишь корабль — «Матрос Вакуленчук»?

— Далеко разглядел... — с уважением протянул мальчишка.

— Вижу покамест, — спокойно подтвердил старик.

— Ну и что?

— Да так. Историю одну вспомнил. Давнишнюю.

— А вы расскажите!

— Расскажите, расскажите, дедушка! — подхватили остальные ребята и, как воробы, уселись на горячем камне около скамейки.

— Что ж рассказывать-то? Вы про всё это в школе учили...

— Про что?

— Про «Потёмкина» нашего.

— Учили, конечно. А вы что, тоже учили?

— Я? Нет, я не учил, — засмеялся старик, — я сам там был.

— На «Потёмкине»? — недоверчиво уставились на него мальчишки. — Сколько же вам лет?

— А вот считайте. В девятьсот пятом двадцать один сравнялся, ну, стало быть, и до девяти десятков недалеко...

— Вот это да... — зашептались мальчишки. — Живой потёмкинец!

— Вы про дружка расскажите! — не унимался вихрастый.

— И про всё, про всё! — закричали остальные.

Старик молчал, не сводя глаз с корабля.

— Вот видите, ребята, — медленно протянул он, — так и моего дружка звали...

— Да вы сначала начинайте! — рассердился вихрастый.

— Ну, ин ладно. Давно не вспоминал про это. А вам и впрямь на пользу пойдёт...

Был я тогда новобранцем на «Потёмкине». Эскадренный броненосец «Князь Потёмкин-Таврический» он звался по-настоящему-то. И жилось нам, матросам, ой, как не сладко. Командир наш, Голиков, до того был лют, что его чёртом прозвали. Затрещинами так и сыпал, за всякую малость в карцер сажал или под ружьё на сутки ставил. Ему под стать и офицеры подобрались — Гиляровский и другие. Работы столько наваливали! Каждый день — то палубу с песком мой, то уголь грузи, то маты плети. Стирать на себя только по ночам разрешали, даже обеденное время вдвое Голиков сократил. А уж обед тот! Собака, если недуже голодная, есть не будет. Да что ж удивительного? Матрос в те времена вполне к собаке приравнивался. На Приморском бульваре даже надпись висела: «Вход нижним чинам и собакам воспрещён».

— Ну да? — не поверили ребята.

— А вы не перебивайте! — рассердился старик. — Врать я, что ли, вам стану?

— Не будем, дедушка, не будем! Рассказывай дальше!

— Ну, в июне пошёл «Потёмкин» на практические занятия, на стрельбы, то есть. Встал на якорь недалеко от Очакова, и послал Голиков в Одессу за провиантом мичмана Макарова с матросом. Для офицеров мичман одно мясо купил, а для команды другое. Как стали его варить, — вонь по кораблю пошла нестерпимая. Туши те на палубе висели. Пригляделись, а в мясе черви так и гуляют. Зашумела команда: не будем-де эту пададь жрать! Пришёл Голиков, доктора судового привёл, тот первым делом пенсне надел. Поглядел в пенсне на червей, да и говорит:

— Это, ребята, пустяки. Мушинные личинки мёртвые. Они без вреда, только рассолом смыть, и вся недолга.

И ушёл с Голиковым. А мы за обедом есть не стали. Сдвинули миски на середину стола, сидим, хлеб жуём. Дальше — больше, Голиков орёт: «Жрите!» — а мы тоже в долгу не остаёмся. На палубу выбежали, шумим. Голиков вызвал судовой караул, велел им в матросов стрелять, а те не стали. Ну, тут уж началась полная катавасия, восстание, одним словом. Давно оно уж накипело. Были у нас и партийные ребята, разъясняли про царя, какой он есть, и про всё, Ленина даже читали, про Цусимский разгром и про крах царской России. Главный у партийных как раз дружок мой, Вакуленчук, хороший такой парень, умный, самостоятельный, тот говорил, что надо по плану всё подготовить. А тут безо всякого плана, как бомба взорвалась, из-за червей этих да из-за всего офицерского тиранства. Вакуленчука сразу из-за угла Гиляровский застрелил — давно у офицера зуб на парня был.

Как увидели это матросы — буря разыгралась! Гиляровского за борт выкинули, Голикова пристрелили — и туда же. За ними и доктор полетел. «Корми теперь сам на дне червей!» — кричат ребята. А пенсне-то докторское за канат зацепилось, висит, на солнце поблёскивает... как сейчас вижу, — обернулся опять к морю старик.

Уставились на море и присмирившие мальчишки. Мрачная тень прошлого упала на загорелые, курносые лица, сделала их серьёзнее, старше. История, знакомая по школьным урокам, ожила, приблизилась, запахла порохом и кровью.

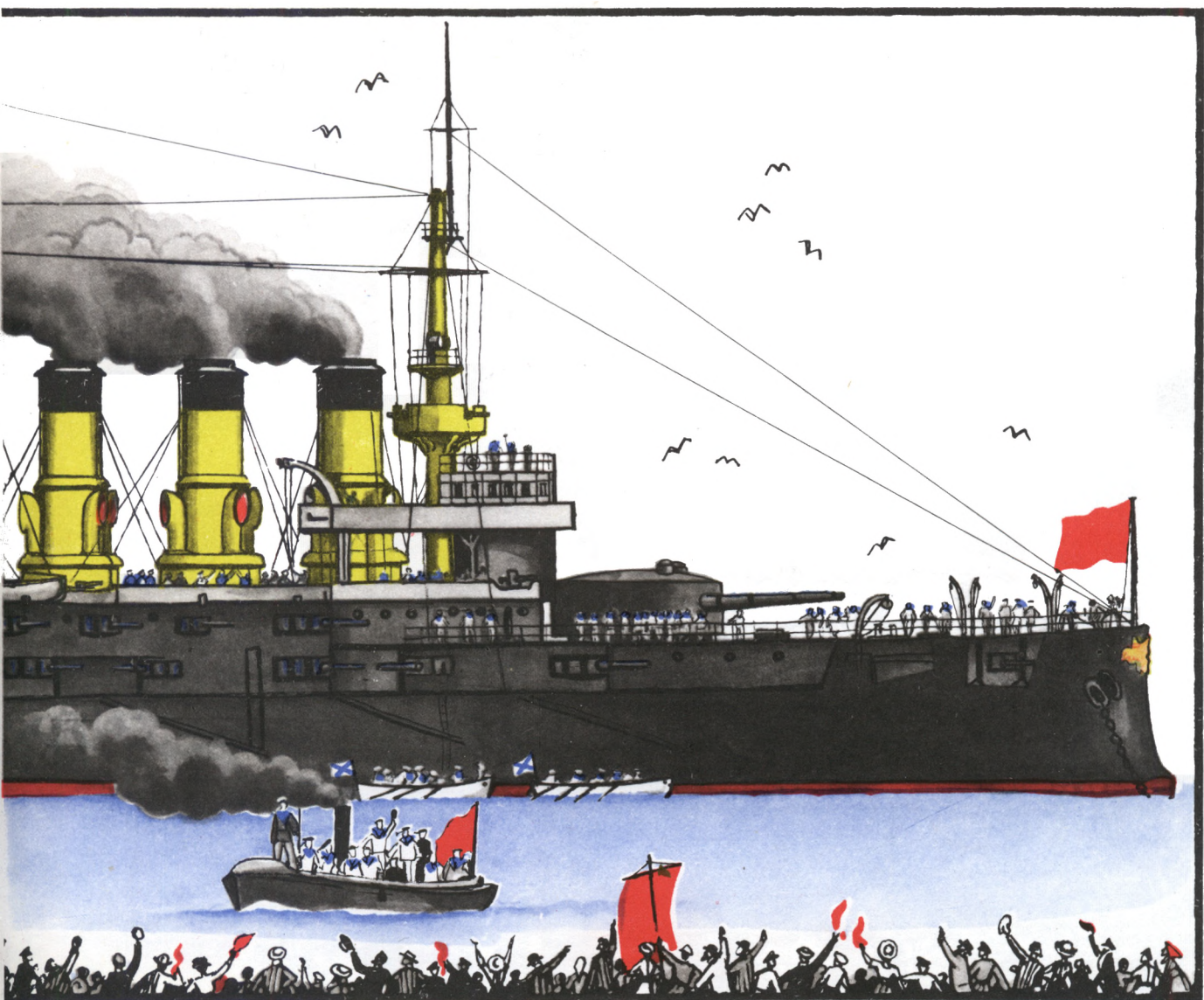
БРОНЕНОСЕЦ „ПОТЁМКИН“

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ БРОНЕНОСЕЦ «ПОТЁМКИН»

— Дальше, дедушка, дальше рассказывайте! — тихо сказал вихрастый.

— Дальше... выбрали комиссию для управления. Сняли царский флаг, подняли красный и пошли в Одессу. Там в это время сильно народ бунтовал. Казаки в забастовщиков стреляли. Как узнали, что пришёл броненосец под красным флагом, стали люди в порт собираться, и от восставших к нам делегация прибыла. На молу в Одессе поставили мы палатку — последнюю пристань Вакуленчука. Снесли его в ту палатку, у ног спасательный круг положили с надписью «Броненосец «Князь Потёмкин-Таврический» и свечу затеплили. Траурный митинг начался, рабочих множество собралось. Конечно, полиция тут же порт окружила, стала стрелять, потом склады подожгла и никого не выпускала. Больше двух тысяч человек от огня да от пуль погибло.

» НА ОДЕССКОМ РЕЙДЕ 24 ИЮНЯ 1905 ГОДА

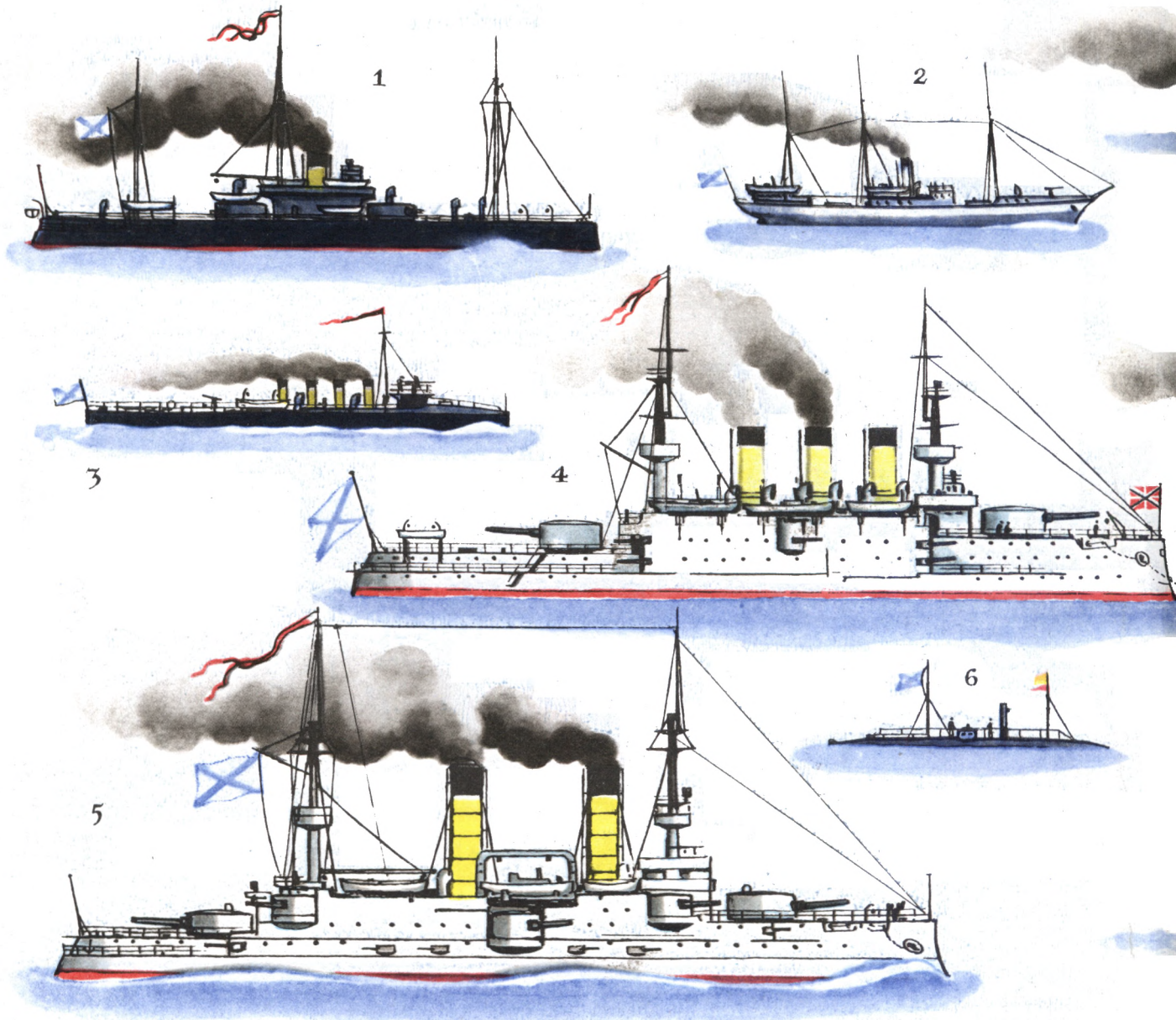
Старик опять замолчал. Молчали и ребята, не сводя глаз с морщинистого, искажённого болью лица. Видно было, что старый потёмкинец снова переживал старую трагедию, не стёртую прожитыми десятилетиями.

— Почему же вы не стрельнули на берег? — робко спросил один из ребят.

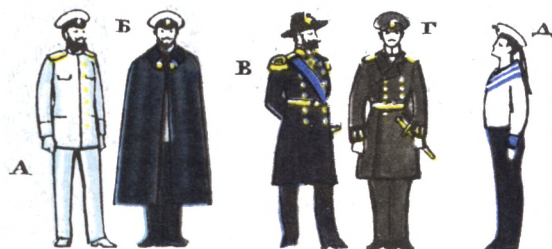
Старик вздохнул.

— Хотели. Да соврали нам, будто нет на корабле приборов для ночного прицеливания! Командиром мы тогда офицера одного оставили, а он, конечно, под тихую не нашу сторону держал. А тем временем царь про всё узнал, велел восстание задуть, как хотят, хоть пусть весь броненосец потопят. В Одессу войска стали собираться, и всю Черноморскую эскадру против нас послали. Подошла она. Мы крепко на-

РУССКИЙ ФЛОТ

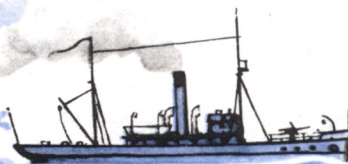
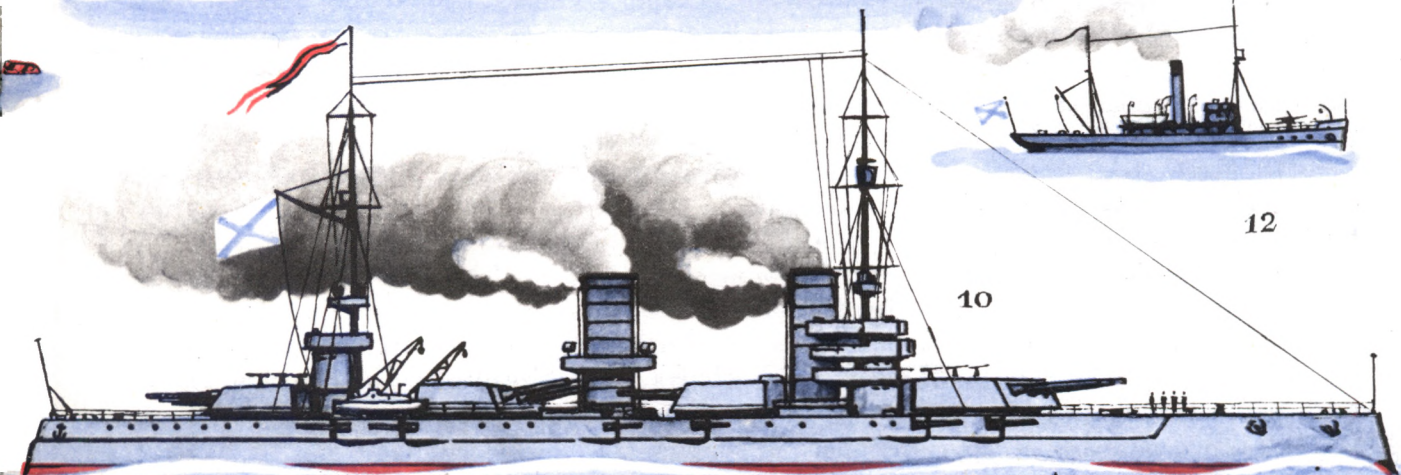
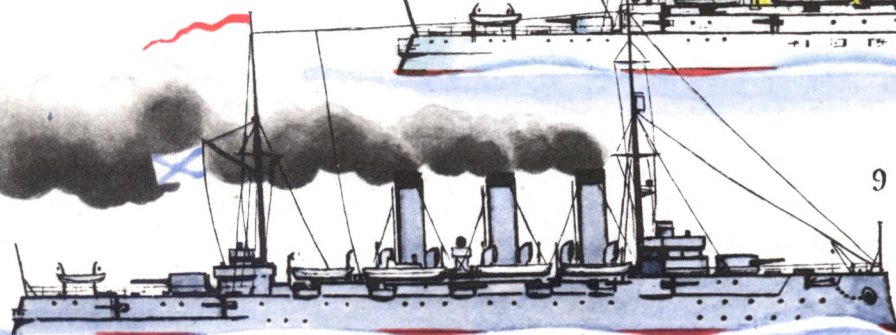
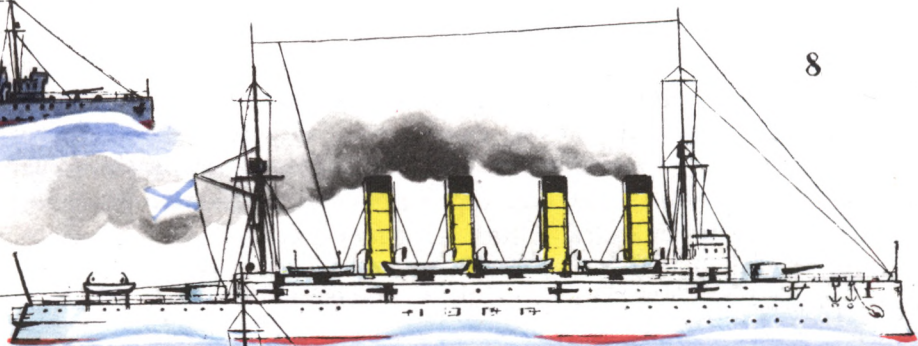
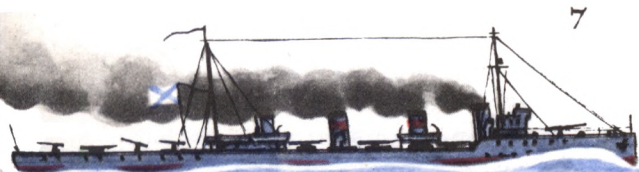

А	ОФИЦЕР
Б	ОФИЦЕР
В	АДМИРАЛ
Г	ОФИЦЕР
Д	КАДЕТ МОРС-КОГО КОРПУСА

1	БРОНЕНОСЕЦ (1872 Г.)	Г
2	ВООРУЖЁННЫЙ ПАРОХОД	Б
3	МИНОНОСЕЦ	В
4	ЭСКАДРЕННЫЙ БРОНЕНОСЕЦ	Г
5	ЭСКАДРЕННЫЙ БРОНЕНОСЕЦ	Г
6	ПОДВОДНАЯ ЛОДКА (1903 Г.)	Д

НАЧАЛА XX ВЕКА

Е

З

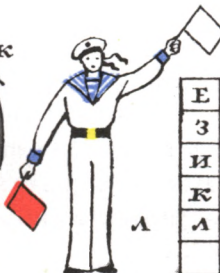
И

К

Л

ЭСКАДРЕННЫЙ МИНОНОСЕЦ

КРЕЙСЕР

КРЕЙСЕР

ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА (1912 г.)

МИННЫЙ ТРАЛЬЩИК

Е БОЦМАН

З МАТРОС

И МАТРОС

К МАТРОС

Л МАТРОС-СИГ-НАЛЬЩИК

деялись, что на других кораблях матросы нас поддержат, везде ведь кипел народ — и на флоте, и в армии, и по всей России. И пошёл «Потёмкин» эскадре навстречу.

— Не стреляли в вас?

— Ни один. Врезались мы в строй эскадры и прошли мимо всех кораблей в открытое море. А матросы со всех палуб нам махали, кричали, и ничего не смогли с ними офицеры сделать. . .

— Куда же пошли вы?

— Куда нам идти? На русском берегу ни топлива, ни еды нигде не давали. Пошли в Румынию, в Констанцу. Царь уж успел с румынским королём сговориться. Румыны сказали, что ни продуктов, ни воды не дадут, если все матросы не выйдут на берег. А пресная вода не только людям была нужна. Котлы тоже на морской не могут. На трубках солёная корка появилась, давление пара уменьшаться стало. Но всё-таки сразу не сдались. Один парень у нас всё тогда стишки читал, Языкова поэта:

Не страшась борьбы упорной,
Неустанно день за днём
Мы по бездне моря чёрной
В даль заветную плывём.

Сделали вид, будто идём на Константинополь, а сами отправились в Феодосию. Там начальнику гарнизона ультиматум послали, что, коли не даст припасу, так заговорят наши пушки. Однако ж начальник гарнизона не испугался. Что делать? Не стрелять же в самом деле по русскому городу? Снова ушёл «Потёмкин» в море и вернулся в Констанцу. Больше деваться было некуда. Пришлось нам на ихние условия соглашаться. Правда, румыны царю только броненосец вернули, а нас не выдали. Броненосец на буксире в Севастополь увели. Конечно, не все матросы повели себя одинаково. Некоторые трусили, а то и стали предателями. Кое-кто понадеялся на царскую милость, решили домой возвращаться.

— Вот дураки-то! — не стерпел вихрастый мальчишка.

— Не дураки они, а тёмные, — грустно ответил старик, — да и провокаторов немало кругом них увивалось. Уговаривали.

— И помиловали их?

— Помиловали. . . на каторгу всех. . .

— А вы?

— А мы до самого семнадцатого года по белу свету мыкались. Всё ждали. Верили, что придёт наше время. Пришло оно. Почти все в Севастополь вернулись. Встречали нас, как родных. И поехали мы по домам — не на отдых поехали, а революции помогать. С кулаками и другими врагами бороться. . .

— Дедушка, — спросил вихрастый мальчишка, — а теперь что вы делаете?

— Теперь? Что я теперь делать могу? На правнуков радуюсь да жизнь доживаю. В тридцать пятом году, к тридцатилетию восстания, дали нам грамоты и персональные пенсии. Старость моя спокойная, забот нет. Но дружков-потёмкинцев тоже уж больше нет, нет и самого «Потёмкина». Ещё в середине двадцатых годов отжил он свой век и пошёл на переплавку. Только мачты остались. Металлические они были, пустые внутри, так сделали из них маяки. Долго ещё светили те маяки, а теперь и их нет, заменили. . .

И старик снова стал смотреть на корабль. Смотрели туда и ребята. Солнечные зайчики искорками вспыхивали и гасли на воде, совсем как пенсне доктора, сметённого матросским справедливым гневом. . .

КОРАБЛИ РЕВОЛЮЦИИ (ЛЕДОВЫЙ ПОХОД)

Год 1918

— Дедушка Калле! Дедушка Калле! — кричали ребята.

Старый Калле не отзывался. Он в это время работал на своей маленькой пасеке, а пчёлы шума не любят.

— Дедушка Калле! — не унимались ребята. — Выйди сюда!

— Ну, чего вам? — ворчливо спросил он.

— Вот дедушка Калле! — закричали все хором и расступились.

За ними стоял высокий седой человек.

— Вы ко мне? — удивился Калле.

— К тебе, — улыбаясь, ответил человек, — не узнаёшь?

Калле с недоумением вглядывался в покрытое морщинами лицо незнакомца, в золотое сияние орденов на его пиджаке, но вспомнить не мог. И только когда гость весело подмигнул лукавым серым глазом, Калле словно что-то ударило.

— Вася... — сказал он тихо и замолчал. Молчал и гость. Потом медленно, неуверенно они шагнули вперёд. Медленно обнялись, пристально глядя друг другу в глаза, и, всё так же молча, ушли в дом.

На следующее утро, не успело взойти солнце, у калитки опять раздались крики.

— Дедушка Калле! Дедушка Калле! — вопили ребята.

Не хмурый, как обычно, а сияющий, точно помолодевший, вышел старый Калле.

— Что вам надо, ребята? — ласково спросил он.

— Дедушка Калле, правда, что этот дяденька воевал с тобой пятьдесят лет назад? Ваша Эльза сказала!

— Правда, правда! — закивал головой Калле. — Он, как и я, участник Ледового похода!

— Дедушка Калле, пусти нас, мы так хотим послушать! Ты ведь никогда ничего не рассказывал!

— Да уж идите, — нехотя проговорил старик, и ватага ребятшек бросилась в дом.

— С чего же начать? — задумчиво сказал гость из России, когда дети чинно уселись возле него и старого Калле.

— С начала! С революции! — закричали ребята.

— Ну, хорошо, — решил Василий, — я начну, а дружище Калле будет мне помогать, если я что забуду. Идёт?

— Идёт, идёт! — покивал Калле и принялся набивать свою трубку.

— Наверное, вы все учили в школе, что ещё тридцать первого декабря тысяча девятьсот семнадцатого года Владимир Ильич Ленин дал вашей Финляндии независимость?

— Конечно, мы про это знаем, — согласились слушатели.

— А вот чего вы, может быть, и не знаете, что все базы Балтийского флота, которые находились здесь, оказались на иностранной территории.

— И что немцы в это время подходили к Ревелю¹, — добавил, попыхивая трубкой, Калле.

¹ Теперь Таллин.

— Да. Надо было спасти флот, чтобы они его не захватили. Первые корабли вышли из Ревеля в Гельсингфорс двадцать второго февраля, когда на подступах к городу уже шли бои, а через несколько дней тронулись и остальные. Зима в тот год была очень суровая, да и угля не хватало. К тому же немцам вовсе не хотелось выпустить советские корабли, и они бомбили рейд.

— А вы-то где сами были? И дедушка Калле? — спросила внучка Калле, Эльза.

— Мы вместе были, — ответил Василий и с тёплой улыбкой поглядел на своего невозмутимого друга, — твой дедушка, как и я, служил матросом на эсминце «Азард». Ну, значит, в конце февраля, хоть и с большим трудом, пришли ревельские корабли в Гельсингфорс. Дело в том, ребята, что, по условиям Брестского мира, если бы Советская Россия не забрала свои корабли в марте с финского побережья, они достались бы немцам. И немцы очень надеялись, что замёрзший Финский залив не пропустит Балтфлота. Но вышло не по-ихнему. Советское правительство решило увести корабли. Сам Владимир Ильич Ленин занимался этим делом. Он ежедневно справлялся по телефону о том, как идут дела. Советовал, как лучше действовать. Конечно, матросы исполняли все распоряжения командиров, которыми руководил Ленин. Только, ох, как не легко это было. . .

— А почему не легко? Из-за льда? — спросил один из внимательно слушавших мальчишек.

— Нет, главная трудность была не во льдах. . .

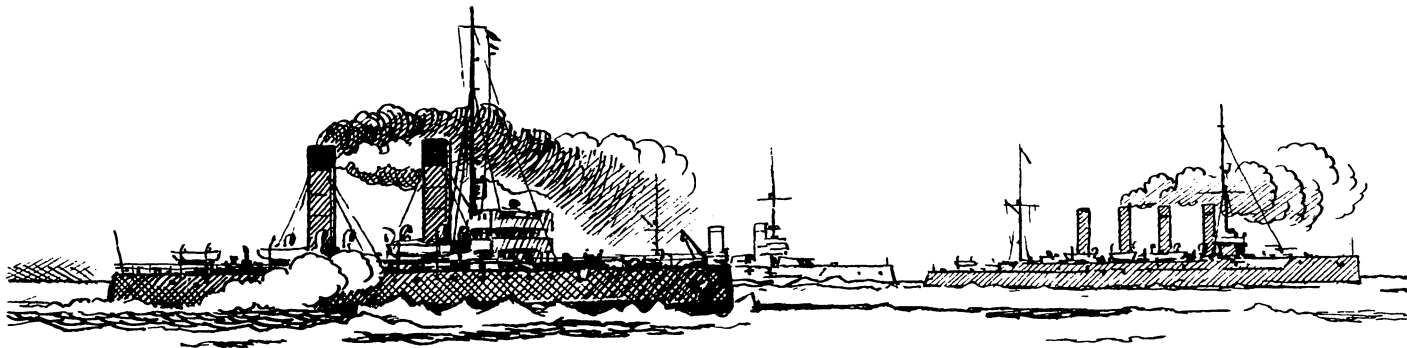
— В некомплекте! — вставил Калле.

— А что это? — удивилась Эльза.

— А то, что на кораблях совсем мало оставалось людей. Каждому приходилось работать за пятерых. Больше половины команды не хватало на каждом корабле. Удрала большая часть офицеров, всякие тёмные личности распространяли антисоветские слухи, чтобы посеять панику среди матросов, и на некоторых, малосознательных, это действовало. Хорошо, что в Балтфлоте было крепкое большевистское ядро. Партийные организации возглавили всю работу. Они удерживали, уговаривали тех, кто колебался, переводили людей с транспортов и менее нужных кораблей на линкоры и крейсера.

Двенадцатого марта тронулся первый отряд кораблей на Кронштадт. Идти было ещё труднее, чем из Ревеля, потому что прибавились и туманы. Да и ледовая обстановка стала сложнее. Пять дней ползли до Кронштадта, но всё-таки добрались с двумя ледоколами, с «Ермаком» и «Волынцем».

— И всё? — спросила Эльза.

— Как же всё! — рассердился Калле. — Ничего ты, девчонка, не понимаешь! Это же только первый отряд был!

— А остальные?

— Пятого апреля удалось отправить второй отряд с маленькими, слабыми портовыми ледоколами. В дороге корабли затёрло льдами, но, к счастью, тут вовремя подоспел из Кронштадта «Ермак» и вывел их. К десятому апреля пришёл в Кронштадт и второй отряд. . .

— Нам-то, в третьем, всех хуже пришлось, — задумчиво протянул Калле и набил новую трубку.

— Почему хуже? — немедленно подхватила Эльза.

— А нам на «Азарде» в третьем отряде достался самый трудный переход. Людей на наших кораблях было ещё меньше, чем в первых двух. Матросам приходилось стоять без смены по несколько вахт, а в кочегарке работали помощниками гражданские, которых из Финляндии эвакуировали, и даже женщины! Вдобавок в заливе началась подвижка льда, шли очень медленно, всё время затирало. Кончилось продовольствие, кончилось топливо. Топить жилые помещения мы и думать не могли, так в страшном холоде и жили. А чтобы не погасли топки — ломали столы и стулья, сдирали обшивку кают.

Василий замолчал. Молчал и Калле, попыхивая трубкой, молчали и ребята, глядя во все глаза на стариков.

— Всё ж таки дошли? — робко спросила Эльза.

Василий тряхнул седыми кудрями и засмеялся.

— Как не дойти! Двадцать второго апреля явились в Кронштадт, только в каком виде! Почти все корабли и подводные лодки были серьёзно повреждены. Но не погиб никто. И флот спасли. А он, ох, как нужен был молодому Советскому государству!

— И теперь вы плаваете? — спросил почтительно рыжий, веснушчатый мальчишка.

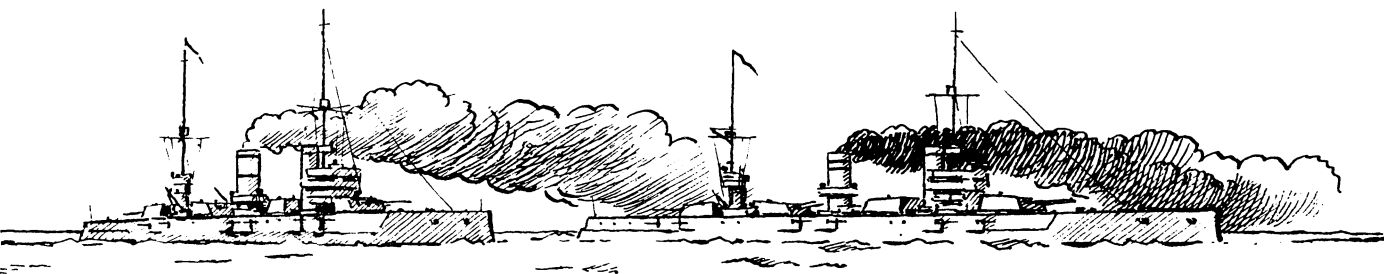
— Нет, милый. Уж мы отплавались, — с лёгкой грустью ответил Василий. — Калле вон пчёлок разводит, а я учу таких же, как вы, мальчишек в Нахимовском. Славные растут моряки!

— И они воевать пойдут?

— Будем надеяться, что не случится войны. Ну, а придётся — что ж, не хуже, а лучше нас станут драться.

— И с нами? — сердито сказал мальчишка. — С нами не надо!

— С вами не надо, — серьёзно подтвердил Василий, — с Финляндией мы — друзья!

НА МОРЕ — ФРОНТ

Январский мороз один гуляет по пустынным улицам. Не видно людей. Лишь изредка пройдёт почти призрачная фигура истощённой женщины. С трудом, из последних сил, тащит она за верёвку маленькие санки. На санках — ведёрко с водой, небольшая охапка дров. Мёртвые, покрытые инеем, словно примёрзшие навсегда к рельсам, стоят трамваи. Узкие тропинки вьются между высокими сугробами, окружающими Адмиралтейство. Изморозь стынет на стенах его знаменитого вестибюля с фигурными форштевнями старинных кораблей. Досками и мешками с песком заложены окна. Только грохот рвущихся невдалеке снарядов да звон разбитых оконных стёкол нарушают тишину страшной блокадной зимы Ленинграда...

«Пройдёт несколько дней, и Ленинград, как спелый плод, падёт к моим ногам!» — хвалился Гитлер. Но «плод» оказался орешком, таким твёрдым, что раскусить его не удалось.

У обледеневшей, занесённой снегом гранитной набережной Невы стоит странный корабль. Его борта выкрашены под цвет зданий набережной, он заgrimирован, чтобы враг, которому хорошо известен этот корабль, не мог его узнать.

Много раз сообщали немцы, что он потоплен — очень уж им этого хотелось. Ведь это он не раз срывал их попытки взять штурмом Ригу, это он до последнего дня прикрывал посадку войск на корабли и отход Балтийского флота из Таллина.

Зато под любым камуфляжем узнает его каждый ленинградец.

— «Киров»! Крейсер «Киров»! — говорят редкие измождённые прохожие. Некоторые из них помнят далёкие радостные дни, когда он, первый крейсер, построенный в Советском Союзе, сошёл со стапелей. Сам Серго Орджоникидзе принял личное шефство над его строительством, и Михаил Иванович Калинин присутствовал при торжестве по случаю его закладки.

А теперь он стоит здесь, в осаждённом городе, и делит с ленинградцами все тяготы блокады. Моряки «Кирова» восстанавливают водопроводную станцию и доки, расчищают трамвайные пути. Полуголодные, на скудном пайке, днём и ночью ремонтируют корабли матросы, старшины и офицеры. Делают работу, с которой не могут справиться обезлюдевшие ленинградские заводы.

В дублёных полушубках, валенках и чёрных ушанках стоят на вахте матросы. Их уже меньше, чем полагается на борту крейсера. Многие кировцы сражаются в морской пехоте, вместе с сухопутной армией.

— «Киров», крейсер «Киров»! — раздался детский голос на набережной. — Видишь, Люська?

— Вижу, — тихо и безразлично ответила девочка, — ну и что?

— Как что? — рассердился мальчик. — Он знаешь как может дать по фашистам! Я все наши корабли знаю!

— Почему ж не даёт?

— Рано ещё, наверно. Подожди, даст!

— А мы до тех пор с голода помрём.

- Нет, не помрём.
- Ну, бомбой убьёт...
- Так обязательно в тебя бомба и попадёт!
- Слон в зоопарке один на весь Ленинград был, а бомба в него всё равно попала...

Люся и Колька медленно побрели по пустынной набережной, мимо потемневших, с заколоченными окнами, домов. Один был разбит прямым попаданием бомбы — осталась половина комнаты, оклеенной обоями в голубых цветочках. Повиснув одной ногой над пропастью, неуклюже покосился рояль. Снег падал на его чёрную лакированную крышку, на книги, лежащие на столе, на аккуратно прибранную постель...

Напротив входа в Летний сад, недалеко от памятника дедушке Крылову, стояла плавучая база подводных лодок. Несколько человек растягивали над лодками маскировочные сети.

— Иди домой одна, Люська, — сказал Колька, — я помогу дяденькам!

Много дней работал Колька вместе с художниками. Маскировка была сделана так хорошо, что подводные лодки можно было обнаружить только на очень близком расстоянии. И, выходя в море, они топили вражеские транспорты. Неожиданно появляясь даже в глубоком тылу противника, они выпускали одну за другой свои страшные торпеды, и редко случалось, чтобы их грозные посланцы «пошли за молоком» — как говорили подводники о торпедах, не попавших в цель. Немцы же утверждали, будто весь Балтийский флот уничтожен, и иностранные газеты очень удивлялись: «Кто же топит фашистские корабли?»

А когда подводники возвращались домой, то, всплывая на поверхность, торопливо поднимали длинные бамбучины с опознавательными флагами. Без этого им могло бы крепко попасть от своих же вышедших навстречу катеров.

Однажды, возвращаясь домой, Колька встретил дворничиху тётю Сашу.

— Собирайся, парень! — сказала тётя Саша. — Поедете с Люськой в эвакуацию. Сегодня вас записали!

— Люську соберу, — тихо ответил Колька, — а сам не поеду. Я уж не маленький.

— Да что ж ты тут один делать будешь? Помрёшь, как мать померла.

— Не помру. А из Ленинграда не поеду...

Проводив Люську, Колька остался совсем один. Дома, в заледеневшей тёмной комнате, он бывал редко и целые дни проводил у крейсера «Киров». Матросы подкармли-

**„КИРОВЦЫ“ В МОРСКОЙ
ПЕХОТЕ, НА ФРОНТАХ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

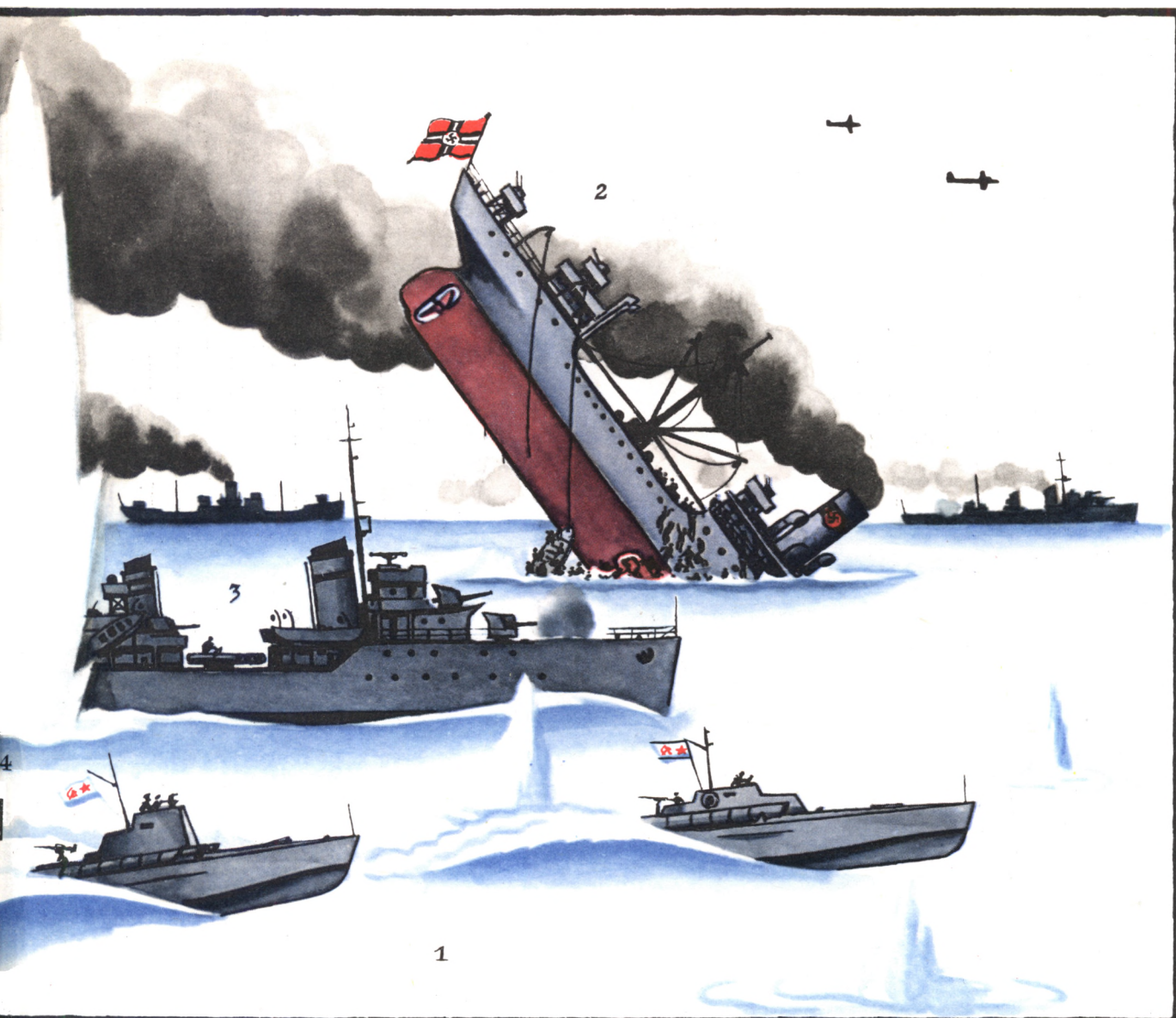
1	СОВЕТСКИЕ ТОРПЕДНЫЕ КАТЕРА
2	ТОПУЩИЙ НЕМЕЦКИЙ ТРАНСПОРТ
3	НЕМЕЦКИЙ МИНОНОСЕЦ
4	ВЗРЫВ ТОРПЕДЫ
5	НЕМЕЦКИЕ ТРАНСПОРТЫ И ВОЕННЫЕ КОРАБЛИ.

ТОРПЕДНЫЕ КАТЕРА АТАКУЮТ КА

вали его, уделяя часть своего скудного пайка, давали надеть что-нибудь потеплее. А Колька старался помочь, чем мог, когда ему это разрешали.

Долго, страшно долго тянулась блокада. Медленно стучало «городское сердце» — метроном — в промежутках между бомбёжками и обстрелами. Призрачно сияли светящиеся значки на ватниках поздних прохожих. Сотни и сотни тысяч ленинградцев гибли от голода, от вражеских бомб и снарядов. Но даже мысль о капитуляции не приходила в головы ленинградцев, и весь мир изумлялся их мужеству. А в Филармонии гремела Седьмая, Ленинградская, симфония Шостаковича, сыгранная истощёнными музыкантами. Девятьсот дней длилась эта беспрецедентная, героическая оборона. Такое мужество не могло не победить. И час торжества наступил.

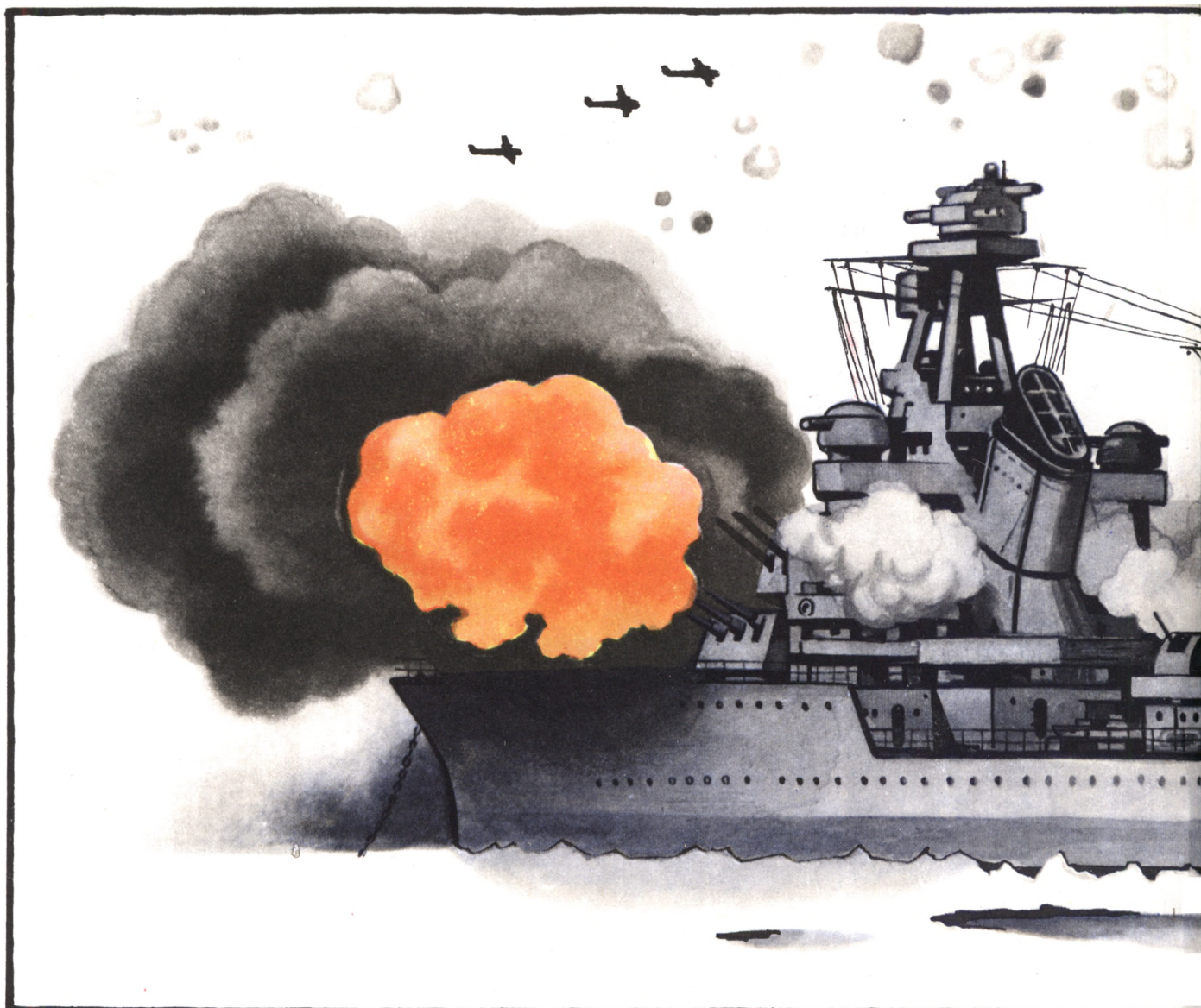
РАВАН ФАШИСТСКИХ ТРАНСПОРТОВ

В середине января 1944 года, придя по обыкновению на набережную, Колька обмер от изумления. Крейсера не было на месте...

А затем разразился такой грохот, какого ещё никогда не приходилось слышать Кольке. Половина неба залилась ярким пламенем, задрожала земля, со звоном полетели оставшиеся стёкла. Но, странно, — не было слышно разрывов, только выстрелы...

И тогда из домов выбежали люди. «Это наши! Это наши! — кричали они. — Началось! Началось!»

Да. Началось то, чего так горячо, с такой верой ждали все жители осаждённого города. Началось наше генеральное наступление! И тут Колька увидел «Кирова», окутанного дымом. Крейсер стоял на середине Невы, и его орудия били по дальнбойным

КРЕЙСЕР «КИРОВ» НА ЗАЩИТЕ О

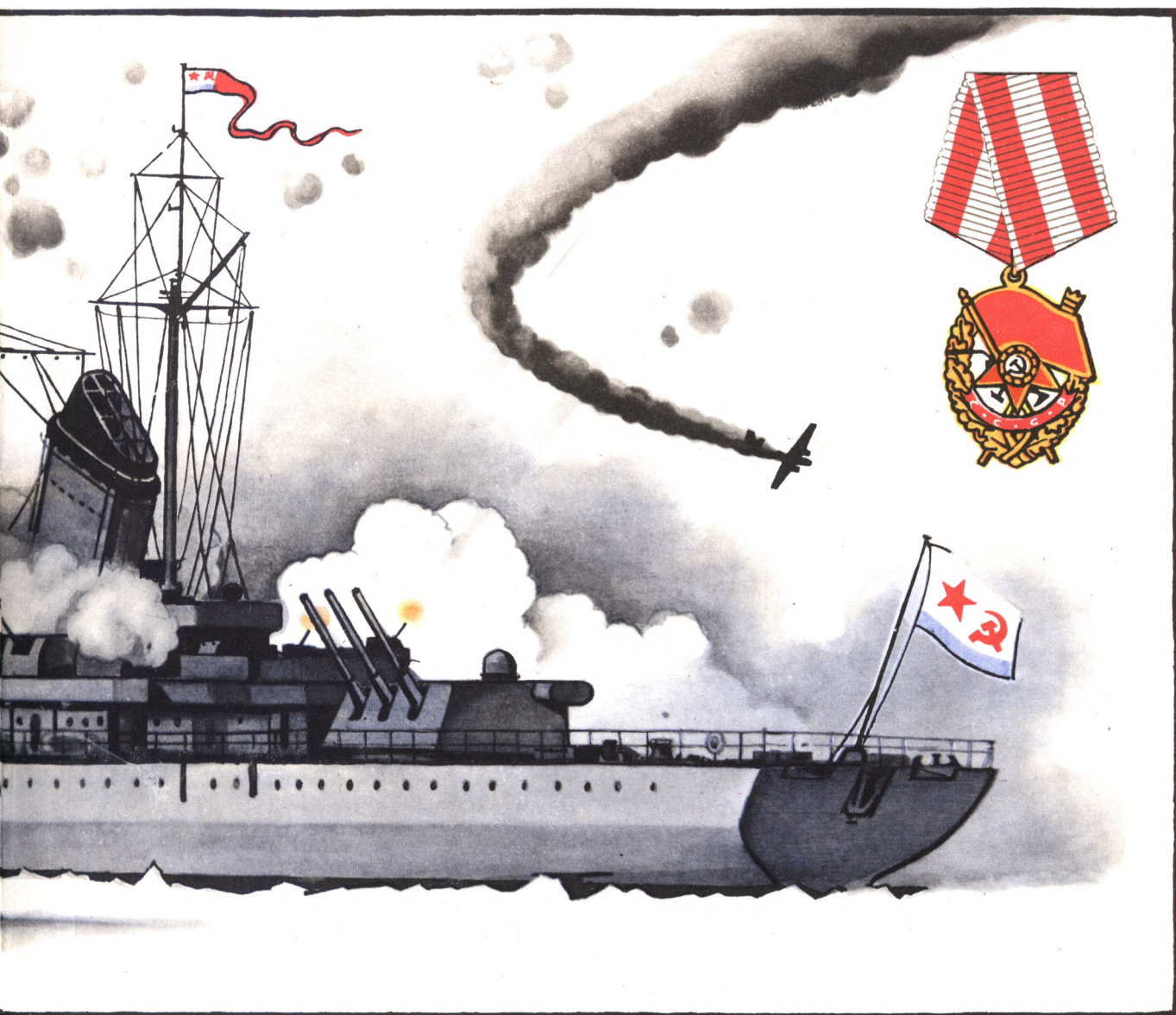
батареям противника, которые всю блокаду обстреливали Ленинград. «За Ленинград», «За Таллин» — было написано мелом на снарядах. За всё причинённое зло...

Грохот всё усиливался. Били орудия на передовой, бил «Киров», били эсминцы «Строгий» и «Стройный» от правого берега Невы, гремел Кронштадт. Сто минут неистово бушевала огненная гроза...

С этого дня всё изменилось. Рухнула вся сложная система немецких укреплений, навсегда умолкли их тяжёлые осадные орудия. Блокада была сокрушена!

Впервые расцвело огнями салюта ленинградское небо, впервые измученный город огласился залпами победы и над Невой разнёсся победный рокот морских зениток «Кирова». Теперь они возвещали радость!

Прошли годы. Залечены раны, нанесённые войной. Отстроены разрушенные дома

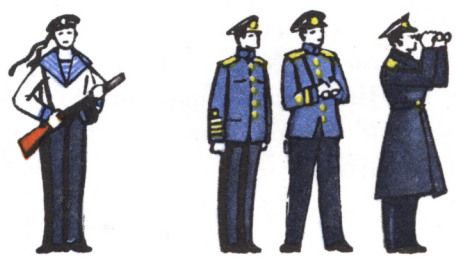
САЖДЁННОГО ЛЕНИНГРАДА ◦

Ленинграда. Только на Невском проспекте навечно сохранена страшная надпись:
«При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна».

Сын Николая, бывшего Кольки, очень любит рассматривать отцовскую медаль на зелёной муаровой ленте. На медали сверкает шпиль Адмиралтейства и отчеканены гордые слова: «За оборону Ленинграда». А крейсер «Киров» за участие в этой великой обороне стал Краснознамённым. Он теперь учебный корабль, на нём проходят практику курсанты военно-морских училищ. Им нужно очень много знаний, много подлинного боевого мастерства. Всегда в полной боевой готовности должен быть корабль. Недаром в старом флотском законе говорится:

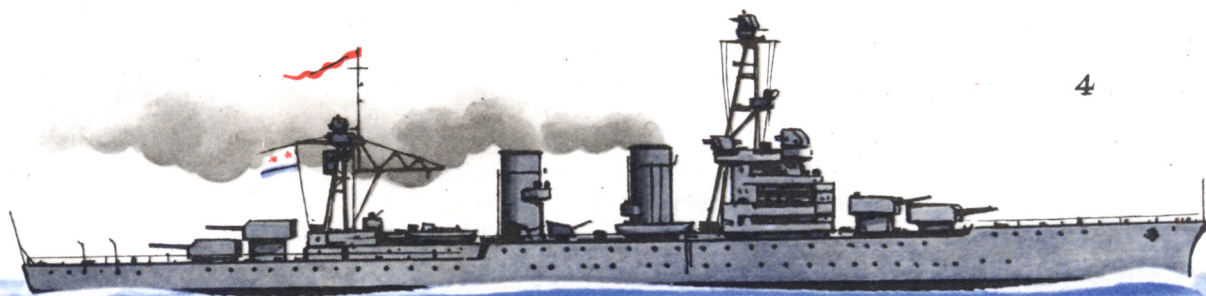
*Держи под обстрелом весь горизонт,
Война не объявлена, но на море фронт.*

ФЛОТ СССР В ПЕРИОД

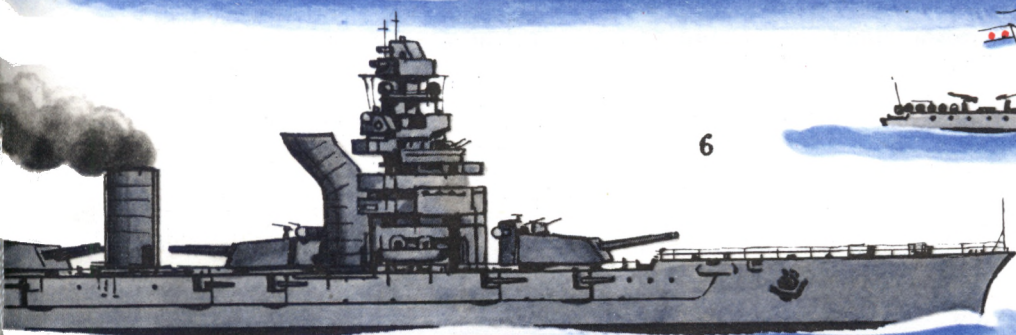

1	ЭСКАДРЕННЫЙ МИНОНОСЕЦ
2	ЭСКАДР. МИНОНОСЕЦ - ЛИДЕР
3	КРЕЙСЕР
4	КРЕЙСЕР
5	ТРАЛЬЩИК

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

4

6

7

9

6	ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ
7	МОРСКОЙ ОХОТНИК
8	ТОРПЕДНЫЕ КАТЕРА
9	ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ
10	САМОЛЁТЫ-ТОРПЕДНОСЦЫ

ИСТОРИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Стоит в Ленинграде у самой реки красивый старый дом. Стоит он очень давно и помнит многое из того, о чём рассказано в этой книжке. Но он тоже совсем изменился, потому что внутри него поселилась Молодость.

В старом доме полным-полно мальчишек. Есть и шестиклассники, и восьмиклассники, есть и почти совсем взрослые. И все они носят военную форму, все изучают устройство кораблей, и устав корабельной службы, и боевые средства, наблюдение и связь. Они умеют грести, ходят на шлюпках под парусами и даже на старинных парусных бригах.

Когда проходят они строем мимо трибун в октябрьские или майские дни, люди приветствуют их тепло и радостно.

— Нахимовцы! Нахимовцы идут!

Да. В красивом старом доме у реки теперь Нахимовское училище. А мальчишки, которые в нём живут и учатся, станут славными офицерами советского Военно-Морского Флота.

На реке, против старого дома, навечно пришвартован корабль. Он стоит здесь с 17 ноября 1948 года и служит учебной базой для нахимовцев. Имя его означает — «утренняя заря». Корабль-памятник, корабль-школа, «Аврора» действительно возвестила в октябре 1917 года зарю Революции.

У крейсера длинная и славная биография. Впервые он коснулся воды в мае 1900 года, и в корабельном музее хранится второй экземпляр серебряной доски, заделанной в киль при его закладке. Он сражался ещё в Цусимском бою во время русско-японской войны 1904—1905 годов.

Но не потому посещают «Аврору» сотни тысяч экскурсантов. Легендарный корабль напоминает о тех днях, когда на земле началась новая эра. Он стоит как памятник Великой революции.

Ещё в феврале 1917 года команда «Авроры» захватила крейсер и подняла на нём красный флаг. А 25 октября в 21 час 45 минут, когда над Петропавловской крепостью подняли красный огонь, ахнула новая шестидюймовка «Авроры», наведённая на Зимний дворец, где сидело Временное правительство. Этот выстрел был сигналом

к штурму дворца. В четвёртом часу утра Зимний был взят. Арестованных министров отправили в Петропавловскую крепость, а заседавший в это время II съезд Советов принял написанное Лениным воззвание «К рабочим, солдатам и крестьянам». И съезд тоже работал под охраной «Авроры». Её катера специально для этого были подведены по Неве к Смольному. Ежедневно отправлялось несколько отрядов, чтобы защищать революцию всюду, где это требовалось. Авроровцы дрались в Москве, в Ярославле, в Могилёве, в Гатчине. Они били юнкеров, когда те подняли мятеж против Советской власти, и штурмовали Инженерный замок, где расположился юнкерский штаб.

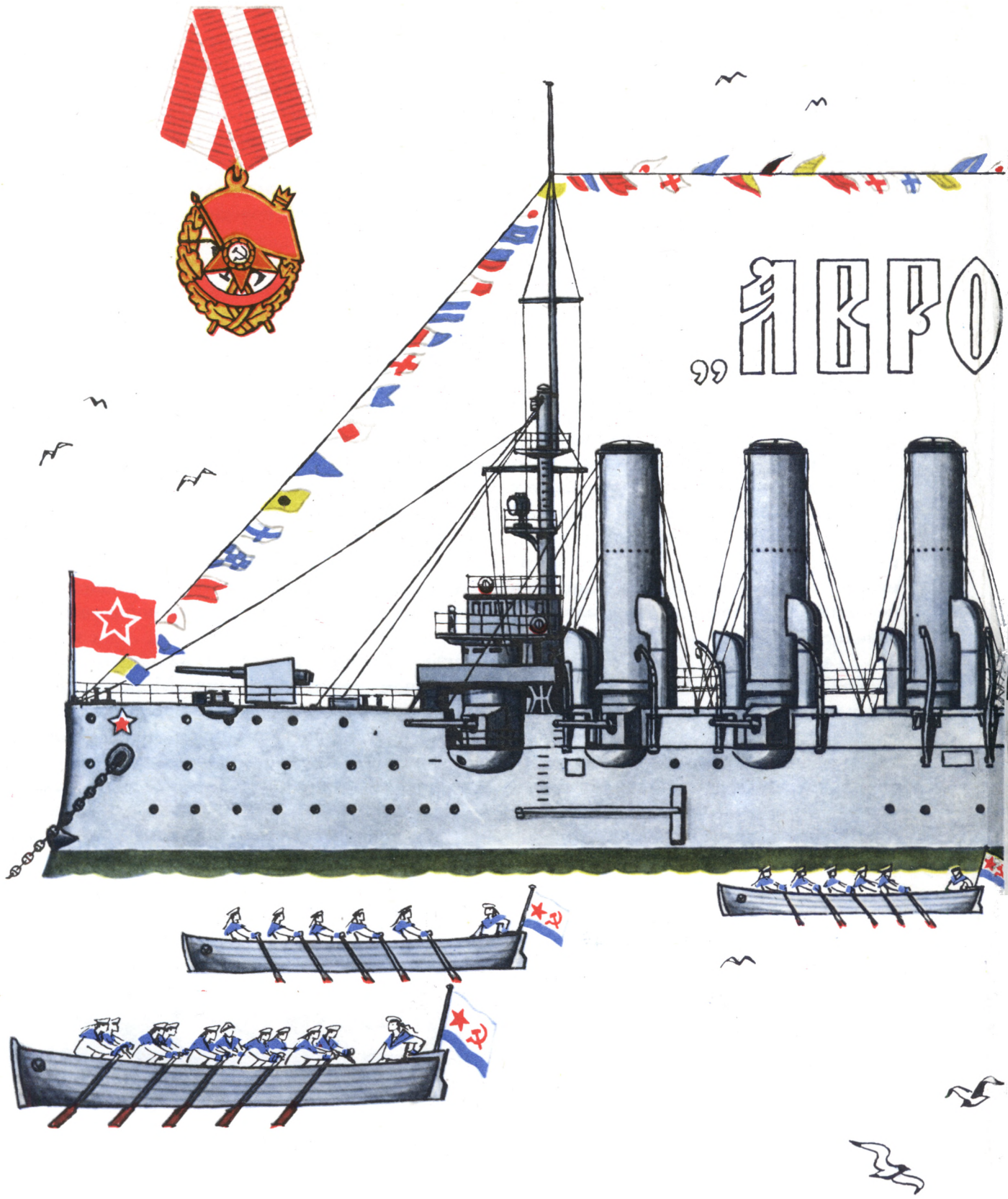
В день десятилетия Октября корабль был награждён почётным революционным знаменем.

В суровое время второй мировой войны «Аврора» стояла у города Ломоносова. На ней не было ни одного орудия. Их сняли, чтобы бить по врагу у Пулковских высот. Сняли даже историческую носовую шестидюймовку. Но «Аврора» не молчала. Из зениток она неустанно била по фашистским самолётам. А немцы, конечно, стремились уничтожить корабль, ставший символом Октябрьской революции. Сотни снарядов и бомб обрушивали они на «Аврору». Лишь горстка храбрецов матросов оставалась на борту, но, когда израненный корабль начал крениться, когда он должен был перевернуться и затонуть, они вывели его на мелкое место, открыли кингстоны и посадили «Аврору» на грунт. А летом 1944 года водолазы подняли её для ремонта. Все раны были залечены, и исполком Ленинградского Совета вынес решение: поставить славный корабль на Неве навечно, как памятник Великой революции. Местом вечной стоянки стал котлован, специально вырытый дноуглубительными машинами у здания Ленинградского нахимовского училища. В строю, со знаменем и оркестром, стояли на причале нахимовцы, когда «Аврора» медленно приближалась к берегу, от которого ей больше никуда не придётся уходить. Она стала школой практики будущих советских моряков и флотоводцев.

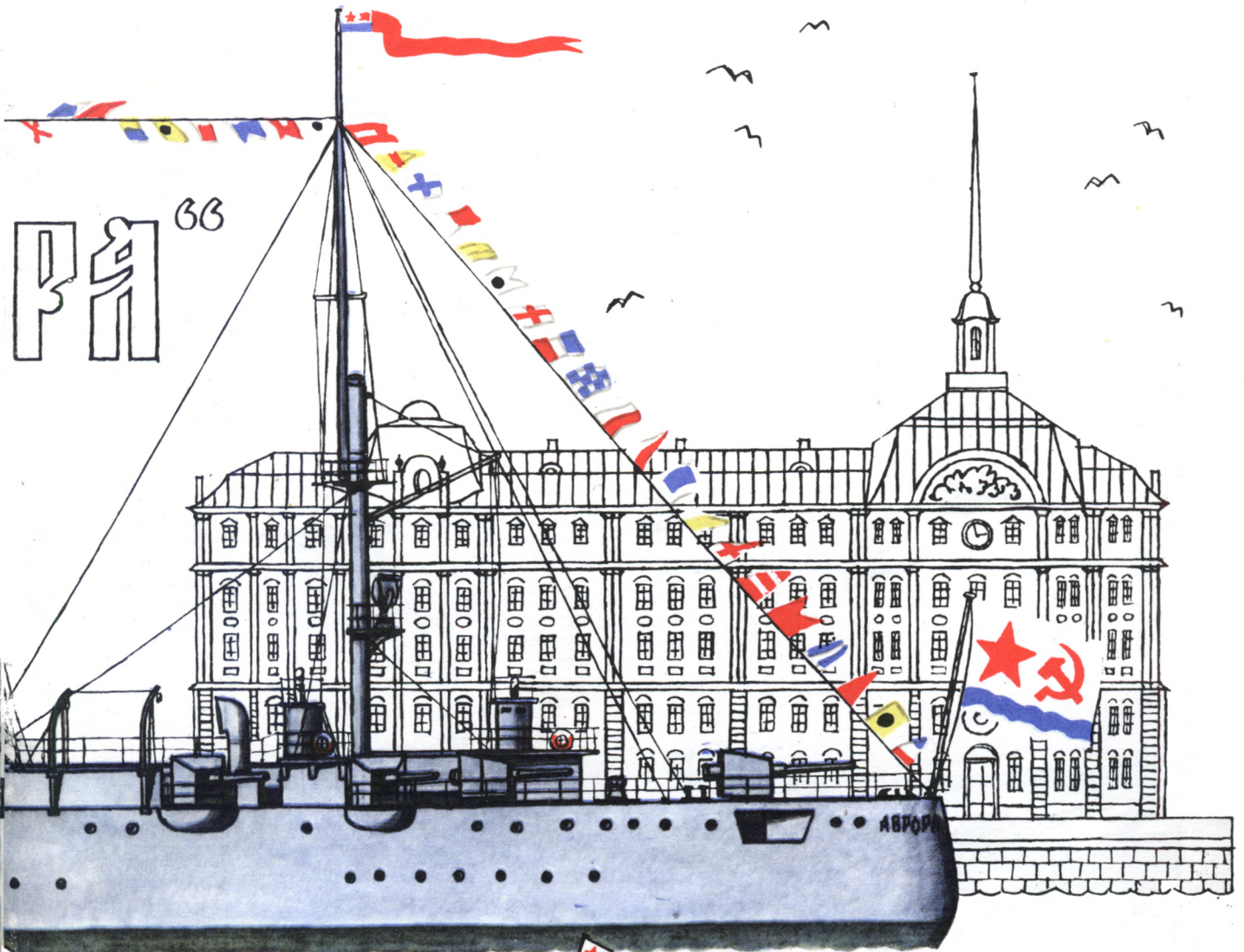
Так можно ли плохо учиться, имея такую учебную базу? И нахимовцы учатся упорно и прилежно. Чтобы служить в современном советском Военно-Морском Флоте, нужно знать очень, очень много такого, что и не снилось прежним морякам, и даже славному адмиралу Нахимову, имя которого носит училище, организованное для обучения и воспитания сыновей воинов Военно-Морского Флота, а также сыновей советских, партийных работников, рабочих, колхозников, погибших от рук немецких захватчиков.

И пусть не забывает об этом каждый, кто собирается стать моряком.

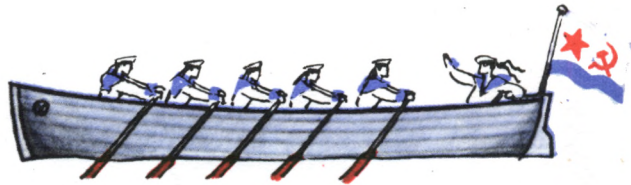

“ЯБЛО”

66

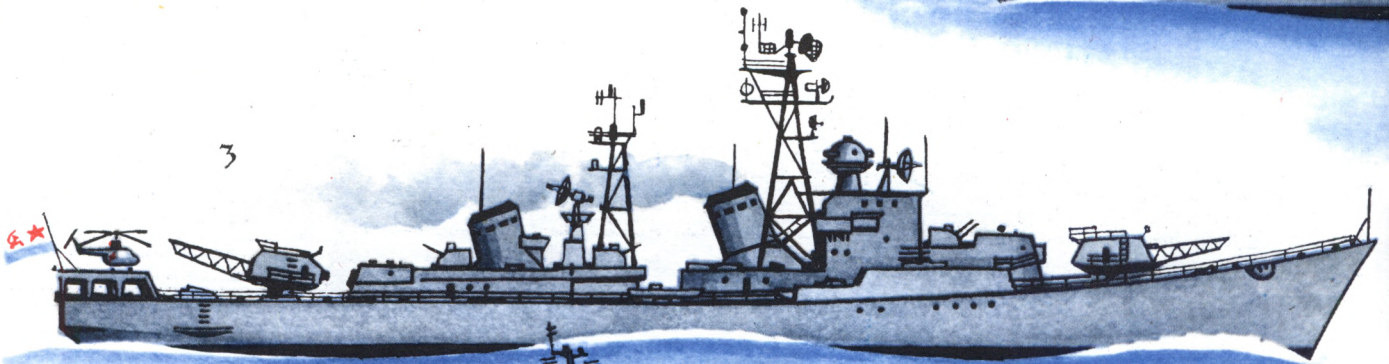
РЯ

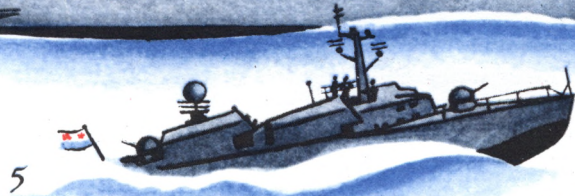
НАШ ФЛОТ

1

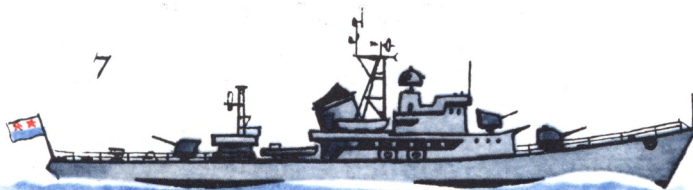
3

5

6

7

1	РАКЕТНЫЙ КРЕЙСЕР
2	ПРОТИВОЛОДОЧНЫЙ КОРАБЛЬ - ВЕРТОЛЁТНОСЕЦ
3	РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ
4	ЭСКАДРЕННЫЙ МИНОНОСЕЦ
5	РАКЕТНЫЙ КАТЕР

СЕГОДНЯ

6	ТОРПЕДНЫЙ КАТЕР
7	СТОРОЖЕВОЙ КОРАБЛЬ
8	БОЛЬШАЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА
9	ПОДВОДНЫЙ РАКЕТОНОСЕЦ
10	АТОМНАЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА
11	САМОЛЁТЫ-РАКЕТОНОСЦЫ

10

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ!..

ЗАЯЦ

Гулко отдаются шаги в залах Артиллерийского музея, но крепко спят старинные пушки, покрытые надписями и эмблемами.

Группа моряков медленно проходила из зала в залу, с интересом разглядывая экспонаты, читая надписи и слушая экскурсовода.

В углу, весь поглощённый работой, сидел мальчишка с маленьким мольбертом и тщательно зарисовывал старую морскую шведскую пушку.

— Это наш постоянный посетитель, — улыбнулся экскурсовод, — он большой любитель морских орудий, чуть не все уже перерисовал! Правда, Серёжа?

Мальчик поднял голову и с любопытством посмотрел на моряков.

— В море, наверно, хочешь идти? — спросил матрос. — Ну, приходи, приходи к нам на смену!

Через несколько дней на большом океанографическом корабле, который стоял в порту, произошёл переполох. Сердитый мальчишка отчаянно вертелся, стараясь вырваться из крепких рук кока, а старпом с изумлением смотрел на эту картину.

— Вот, извольте, товарищ старпом! — хохотал кок.

— Да кто это?

— Известно кто! Заяц! В плавание собрался!

— Как тебя зовут? — спросил старпом.

— Сергей Крылов, — прошептал «заяц».

Разговор на этот раз был короткий.

— Ты как, всерьёз или побаловаться?

— Совсем всерьёз. И давно уже.

— А сколько тебе лет?

— Двенадцать.

Старпом помолчал, пристально рассматривая высокий лоб, спутанные светлые волосы, вздёрнутый нос и упрямый, решительный подбородок «зайца». Потом написал несколько строчек на листке из блокнота и протянул мальчишке.

— Вечером приходи ко мне, поговорим. Вот адрес. А теперь иди домой. Мне сейчас некогда.

СЕРЬЁЗНЫЙ РАЗГОВОР

Старпом сел в большое кресло у письменного стола и жестом указал Серёже на другое такое же кресло.

— Итак, ты хочешь идти в плавание?

— Очень...

— А ты знаешь, что у нас за корабль?

— Знаю. Научно-исследовательское океанографическое судно, — медленно, стараясь не перепутать, отчеканил Серёжа.

— А что это такое?

Серёжа замялся. Он знал только, что эти корабли ходят далеко-далеко, в загадоч-

ные тропические моря, где над коралловыми атоллами высятся стройные пальмы, а коричневые люди бьют острогами рыбу. . .

— Рассказать?

— Да! Да! Пожалуйста, расскажите!

— Прежде всего надо тебе знать, что впервые в мире такой корабль построили у нас, в Архангельске, и назывался он «Персей». Ещё шла гражданская война, ещё не хватало хлеба и машин, а Владимир Ильич Ленин уже подписал декрет о гидрографической экспедиции и об организации метеорологической службы. «Персей» впервые вышел в плавание в тысяча девятьсот двадцать третьем году, и с тех пор научный флот всё рос. . .

— Но ведь и до «Персея» были такие корабли, — не удержался Серёжа, — я читал про Крузенштерна, и про Беринга, и про Беллинсгаузена!

— Верно, экспедиции были, но совсем не такие, как теперь. До революции никто не строил специальных океанографических кораблей для учёных. Теперь же научно-исследовательских судов очень много и ходят они по всем океанам мира. Это большие, удобные корабли, на борту которых размещаются самые разные лаборатории. На корабле «Михаил Ломоносов», например, их шестнадцать, на «Академике Курчатове» — двадцать семь. Это настоящий плавучий институт, у него есть даже электронно-вычислительная машина, чтобы сразу обрабатывать все материалы наблюдений. «Курчатов» может совершить почти кругосветное путешествие, не заходя ни в один порт, а маневрирует он быстрее всех других кораблей. Он умеет ходить не только вперёд и назад, а даже боком. . .

— Как это — боком?

— Так — бортом вперёд. Это называется боковой ход.

— Во, наверно, качает!

— Вовсе нет. «Курчатов» вообще качки не боится. У него есть такое устройство, что при самом сильном шторме качать не даёт.

— А куда он ходит? В Антарктику?

— Нет, в Южном океане работают другие корабли.

— «Обь», да?

— «Обь», и «Лена», и китобойные флотилии «Слава», «Советская Украина», «Советская Россия» и «Юрий Долгорукий». А «Курчатов» ходит в Атлантику. Был он и в Средиземном море, и в Индийском океане. Вообще экспедиционные корабли ходят по разным маршрутам. . .

Серёжа вздохнул. Старпом улыбнулся и похлопал его по плечу.

— Не вздыхай. И ты пойдёшь, куда захочешь.

— Как я пойду? Кто меня возьмёт?

— Сейчас никто не возьмёт. А потом — всё от тебя зависит.

— Ну, ясно. Сейчас скажете: «Надо хорошо учиться». . .

— Чудак ты, Серёжа. На что нужен в экспедиции такой человек, который ничего не знает? Какая от него польза?

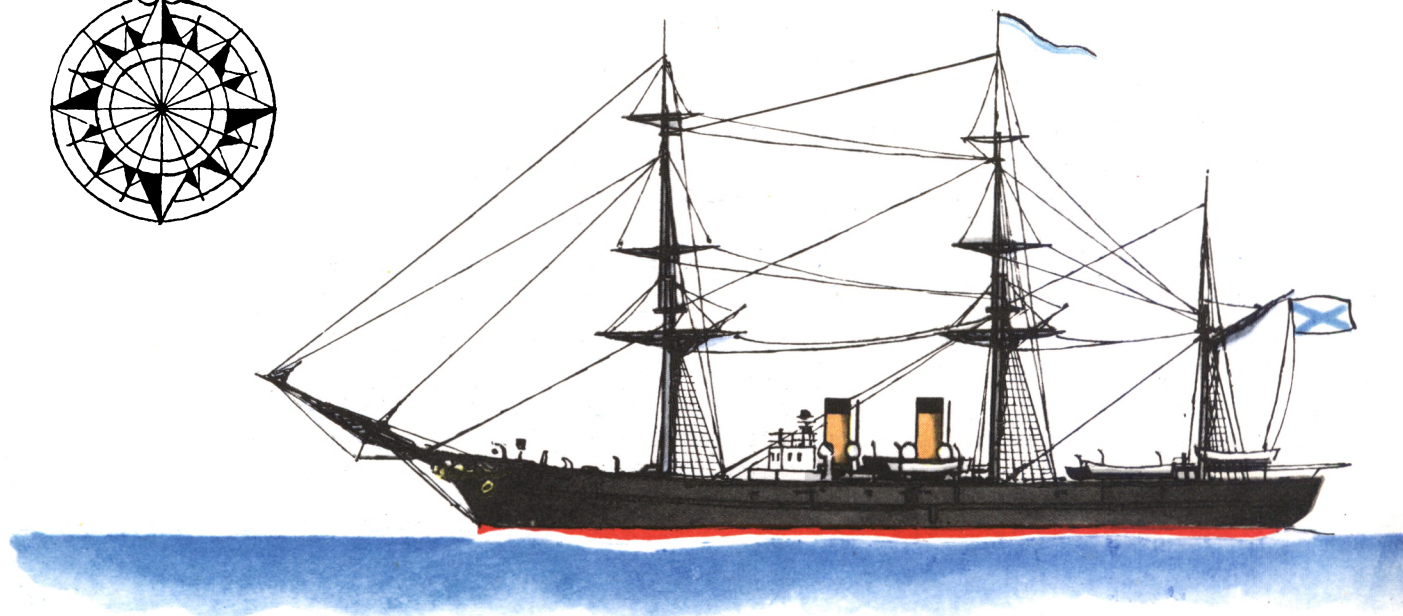
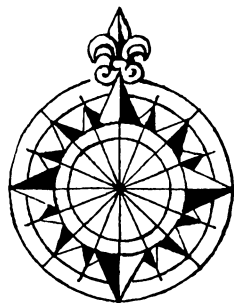
— Я бы всем помогал. . .

— А помощники никому не нужны. Для них и места на корабле нет. Каждый сам делает своё дело и уж знает его назубок.

Серёжа уныло молчал. Ну, спрячется он получше, так что его не найдут, а потом? Все будут думать: «Вот ещё дармоед навязался!»

Старпом деликатно отвернулся и сделал вид, будто не замечает, что глаза у его собеседника предательски намокли.

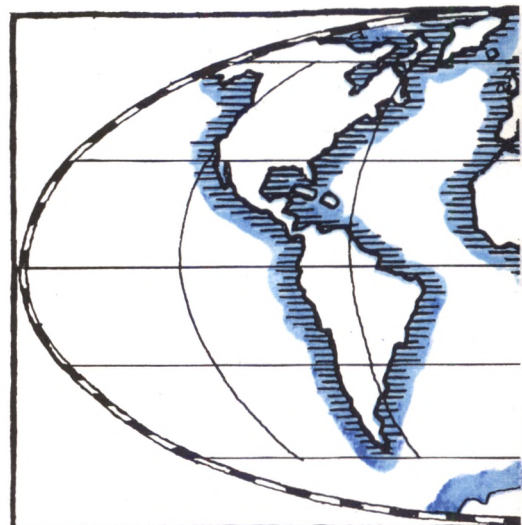
ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ГИДРОГРАФИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ ВИНТОВОЙ КОРВЕТ «ВИТЯЗЬ»

— Вот что, — задумчиво сказал он, — мне кажется, ты ещё не решил, какие маршруты тебе кажутся самыми интересными. Верно?

Серёжа кивнул, не поднимая глаз.

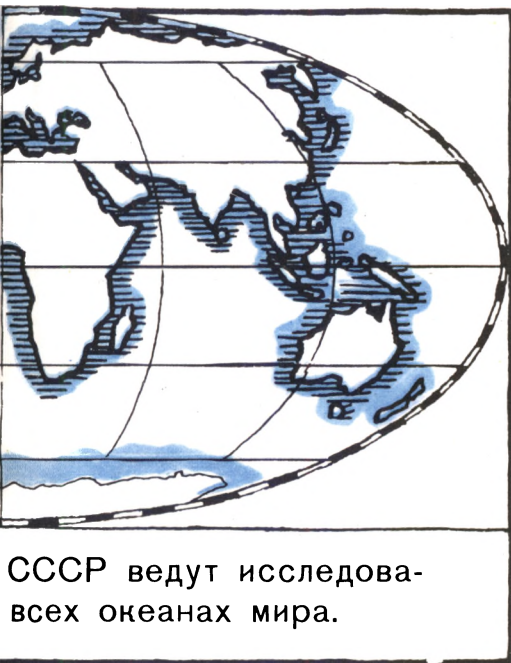
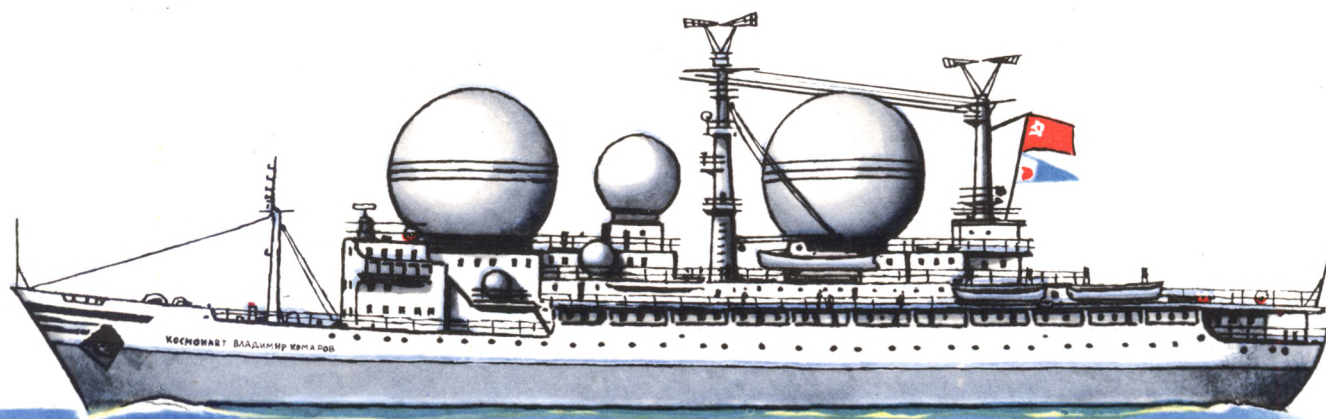
— Тогда сделаем так. Я тебе расскажу, куда ходят наши корабли и что делают. А ты уж потом обдумаешь — к чему надо готовиться. Начнём с «Витязя». Есть в Тихом океане глубокая впадина, называется она Курило-Камчатской. Десять лет ходил «Витязь» её изучать. У него четырнадцатикилометровый трос, поэтому он может доставлять трал, драгу и всякие другие приспособления-исследователи подводного мира на самую большую глубину. Недавно трал зацепил совсем ещё не известную рыбу на глубине почти восемь километров. Она присосками цепляется за грунт и сидит. А сколько подводных хребтов и впадин открыл «Витязь»! Из восемнадцати впадин Тихого океана он изучил двенадцать. Одна теперь называется его именем.

Корабли научного флота
тельскую работу во

САМЫЙ БОЛЬШОЙ СОВЕТСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОРАБЛЬ

«КОСМОНАВТ ВЛАДИМИР КОМАРОВ»

СССР ведут исследова-
всех океанах мира.

— А парусников уже ни одного не осталось?

— Осталось. Вот, например, немагнитная шхуна «Заря», которая производит магнитные наблюдения в Атлантическом, Тихом и Индийском океанах. Потом «Седов» и «Крузенштерн» — самые большие в мире парусники; «Седов» вместе с «Ломоносовым» изучали Гольфстрим. К Гольфстриму наши корабли ходят каждый год...

— Зачем?

— Видишь ли, тёплое течение Гольфстрим называют «отцом бурь» и «королём гроз», потому что оно сильно влияет на погоду и трудно предсказать, как оно себя поведёт. Вообще Атлантический океан нужно тщательно изучать. Ведь он второй по величине на земном шаре, от него зависят климат и погода по всей Европе и в большей части Азии.

— А так, как капитан Немо, ещё никто у нас не плавает? Не военные подлодки, а чтоб изучать?

— Ну как же не плавают? Уже больше десяти

лет на подводной лодке «Северянка» наши учёные наблюдают жизнь разных глубин. У «Северянки» в носовом отсеке устроены три иллюминатора, а перед иллюминаторами установлены кино- и фотоаппараты для подводной съёмки. «Северянка» может измерять скорость течения, узнавать, сколько кислорода растворено в воде. А пробы воды и образцы грунта она достаёт с любой глубины. Есть подводные аппараты и поновее — «Тинро-один» и «Тинро-два». Они берут в плавание пять учебных наблюдателей.

— А я читал про подводные дома у французов. У нас тоже такие есть?

— Есть и у нас. Вот, например, «Садко-два» — очень даже удобный дом. Два шара соединены трапом. В нижнем шаре — вход, который называется «жидкой дверью». Акванавты входят через него и по трапу поднимаются в верхний шар. Там устроена настоящая лаборатория для работы и удобные места для отдыха. А в нижнем шаре — душ, умывальник, вешалка, вообще всякие подсобные помещения.

— А ещё...

— Подожди, Серёжа. На сегодня хватит. Приходи лучше завтра. Боюсь, как бы у тебя всё в голове не перепуталось.

КУХНЯ ПОГОДЫ

— Сегодня мы отправимся с тобой на Север, — предложил старпом и поставил перед Серёжей картинку, на которой зеленоватые льды плотно обступали небольшой корабль, — я долго плавал на Севере и очень его люблю.

— На самом-самом Севере?

— Случалось бывать и на «самом-самом». Ледовитый океан очень большой. В его состав входят шесть арктических морей: Белое, Баренцево, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское. А в центральной части глубина достигает шести километров. Арктику называют «кухней погоды». Зимой свирепые ветры дуют там с суши на море, летом — с моря на сушу. Советские учёные всё время изучают Арктику, составляют магнитные карты для лётчиков и моряков...

Несколько лет тому назад советская атомная подводная лодка прошла под арктическими льдами до девяностого градуса северной широты и на самом полюсе, в том месте, откуда любре направление — южное, пробил лёд и всплыла...

— Вы были там? — захлебнулся Серёжа.

— Я сам не был. Друг мой тогда ходил, он мне и рассказывал.

— Что же оказалось на полюсе?

— Да ничего особенного. Синеватый сумрак и тишина. Недалеко от полюса, на льдине, водрузили Государственный флаг Советского Союза, подождали, пока арктический ветер расправил его складки, погрузились опять в воду и пошли домой... А знаешь, сколько атомная подлодка может находиться под водой?

— Наверное, целую неделю?

— Неделю? Нет, брат. Вот, в канун Двадцать третьего съезда наши атомные подводные ракетноносцы совершили кругосветное путешествие, так они больше сорока пяти суток шли — ни разу не всплывали на поверхность. А когда проходили под экватором, на большой глубине, сам царь морей Нептун прибыл на борт, чтобы «крестить» новичков и выдать им дипломы. При этом даже играл настоящий джаз, хоть и подводный...

— Сколько же всего научных кораблей?

— Много. Я их специально не считал, но, пожалуй, за тридцать уже перевалило,

и это только самые большие. А помельче — и не сосчитать. Как видишь, выбор у тебя большой. Но...

— Но... «надо хорошо учиться», — засмеялся Серёжа.

— Надо. Тут уж ничем другим не поможешь. Надо кончить школу, потом институт — такой, какой сам выберешь, а потом... Знаешь, про крест Скотта?

— Нет...

— В южной части Антарктиды на горе стоит крест. Его поставили в память английского исследователя Роберта Скотта, который погиб, возвращаясь с Южного полюса. А на кресте написано: «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

Вот я и предлагаю тебе: избери эти слова своим девизом! Наш корабль будет твоим шефом, и ты станешь перед нами отчитываться. Идёт?

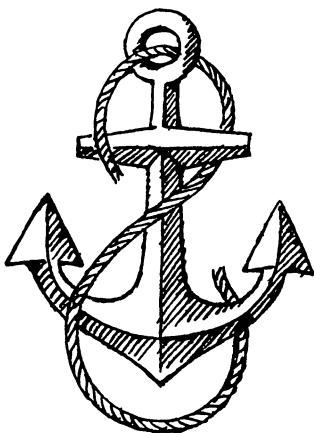
ДО СВИДАНИЯ!

Провожать корабль пришло множество народу. Родные и друзья надолго прощались с уходящими в плавание, желали им удачи и счастья. Стоял на пирсе и Серёжа. Он не надеялся увидеть своего друга — ведь старпому тоже нужно было проститься с близкими. Однако тот не забыл о подшефном «зайце», и на плечо Серёжи опустилась крепкая рука.

— Ну, — сказал знакомый голос, — до свидания, Серёга! Я верю, ты сделаешь всё, чтобы стать одним из тех, кто с честью хранит и достойно продолжает вековые традиции нашей отечественной науки!

Большой корабль медленно и торжественно уходил от берега. Всё шире становилась полоса воды между ним и пирсом, где кричали и махали провожающие. Махал рукой и Серёжа, а в памяти его звучали слова старпома:

«Бороться и искать, найти и не сдаваться!»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и перевернута последняя страница увлекательной повести о подвигах, о боевой и научной славе русских и советских военных моряков. Вы как бы стали свидетелями многих памятных событий летописи героических дел наших отцов, дедов и прадедов.

Конечно, в этой книге собраны далеко не все выдающиеся эпизоды из жизни нашего славного Военно-Морского Флота.

Да автор и не ставил перед собой задачу последовательно, год за годом, проследить всю его историю с древнейших времён и до наших дней.

Многие сотни томов архивных документов, труды историков, воспоминания моряков-ветеранов, романы и повести, картины художников-маринистов и даже отчёты археологических экспедиций хранят память о боях и походах русских моряков.

Пройдут годы. И может быть, эта книга пробудит в вас интерес к более глубокому изучению военно-морской истории нашей Родины. Вы узнаете имена выдающихся русских моряков-гидрографов Пахтусова, Прончищева, Челюскина и братьев Лаптевых, трудами, а подчас и ценой жизни которых ещё в середине XVIII века были составлены карты и описания северного побережья России от Архангельска до берегов Камчатки.

Сейчас вас не удивляет, что по Северному морскому пути вдоль берегов советской Сибири идут нескончаемые караваны советских и иностранных судов. В их трюмах и на палубах лес и пушнина, тракторы и удобрения, станки для таёжных новостроек и турбины для крупнейших в мире электростанций, возводимых на великих сибирских реках. А ведь это русские мореходы вместе со своими последователями — морскими офицерами Седовым, Русановым, Вилькицким и советскими героями-полярниками 20—30-х годов позволили сделать Северный Ледовитый океан нормально действующей водной магистралью.

В годы войны с немецко-фашистскими захватчиками этим путём был переведён с Тихого океана в состав Северного флота отряд боевых кораблей. Много важнейших грузов было доставлено на фронт с Дальнего Востока!

Узнаете вы также и о том, что адмирал Ушаков, который много раз бил турецких пашей на Чёрном море, разгромил и наполеоновский флот, а русские моряки под его командованием штурмом взяли сильнейшую крепость Корфу и освободили жителей греческих островов от французских захватчиков. Не давал спуска туркам и последователь Ушакова адмирал Сенявин. Не простили им обоим заслуженной боевой славы завистливые царские придворные. Их постигла одинаковая участь: оба они, попав в немилость у царя, были уволены в отставку и умерли в бедности.

Выдающимся русским флотоводцем был и Степан Осипович Макаров. Просто поразительно, какое обилие разносторонних знаний и талантов соединял в себе этот человек: он впервые успешно применил торпеды и возглавил трёхлетнее кругосветное плавание на корвете «Витязь». Он написал научный труд «Витязь» и Тихий океан», добился создания первого в мире мощного арктического ледокола «Ермак» и совершил на нём плавание в Северном Ледовитом океане. Он внёс множество ценных предложений по усовершенствованию корабельных паровых котлов, машин и артиллерии. Всегда заботился Макаров и об улучшении питания и бытовых условий матросов. Им введены на кораблях новые приёмы и способы заделки пробоин и откачки воды, разработаны основы наступательной тактики боя военно-морских флотов.

Во время русско-японской войны Макаров героически погиб на своём флагманском корабле-броненосце «Петропавловск».

Узнаете вы и о том, что даже тогда, когда бездарные царские «флотоводцы», вроде Старка и Рождественского, проигрывали морские сражения, русские моряки героически сражались против превосходящих сил противника. Наш народ никогда не забудет о подвигах экипажа миноносца «Стерегущий» под Порт-Артуром, броненосца «Адмирал Ушаков» в Цусимском бою и о сотнях и тысячах других матросов и офицеров, которые до конца выполнили свой воинский долг и не спустили флага перед лицом сильнейшего врага.

Среди матросов русского военного флота были очень сильны революционные настроения. Вы уже прочли о «непобеждённой территории революции» — броненосце «Потёмкин». А были ещё и восстание на крейсере «Очаков» под руководством лейтенанта Шмидта, и восстание балтийских моряков на крейсере «Память Азова». Вспыхивали матросские восстания в Кронштадте и на кораблях Сибирской флотилии во Владивостоке.

Не случайно Владимир Ильич Ленин назвал революционных матросов одной из главных сил, на которую может твёрдо рассчитывать партия большевиков при свержении буржуазного Временного правительства!

По призыву Ленина полвека назад топили матросы революции корабли английских интервентов на Балтике и на Северной Двине. Они громили белогвардейские флотилии на Волге и Каме, изгнали американцев из Архангельска и Мурманска, доблестно сражались на всех сухопутных фронтах гражданской войны.

А когда разразилась Великая Отечественная война, советские военные моряки достойно продолжали и приумножали славные боевые традиции русского флота.

Большую роль сыграл советский флот и в обороне городов-героев: Ленинграда, Севастополя и Одессы. Много фашистских кораблей и судов отправили на дно наши подводники и катерники, лётчики морской авиации.

Сторожевой корабль «Туман» и ледокольный пароход «Сибиряков» повторили в полярных водах подвиг «Варяга». Ежегодно в день их трагической гибели в воды океана сбрасываются над их морской могилой памятные венки. Так Родина чтит память своих героев.

Под Москвой и Волгоградом, на крайнем севере советско-германского фронта и на юге, под Новороссийском, наводила на врага ужас «чёрная смерть» — матросские бригады морской пехоты в бескозырках и флотских бушлатах.

Ленинградцы помнят, как много сделали для осаждённого города моряки Ладжской военной флотилии, скольких детей Ленинграда они спасли от гибели: ведь только один военный транспорт «Вилсанди» летом 1942 года перевёз через Ладогу 16 000 маленьких ленинградцев, потерявших своих родителей...

Военно-Морской Флот СССР был верным помощником Советской Армии на всех этапах Великой Отечественной войны. Его подразделения дошли по реке Шпрее до центра Берлина, освободили датский остров Борнхольм от германских фашистов, корейские порты от японских захватчиков и закончили войну в Порт-Артуре, на Курильских островах и на Южном Сахалине.

Но это история. А что же представляет собой наш флот сейчас? Где плавает, какие задачи решает?

...Северный полюс. Сквозь морозную дымку едва пробиваются лучи неяркого солнца. Посвистывает в торосах позёмка. И вдруг привычный покой полярной пустыни нарушен: трещит ледяной покров, и из глубин океана медленно всплывает подводный атомоход. Открыт рубочный люк, с палубы на лёд сходят моряки. Над полярным простором взвизывает флаг нашей Родины. А штурман с удовольствием вписывает в навигационный журнал координаты подводного корабля: «Широта 90 градусов 00 минут Северная».

Это не страница фантастического романа. Это — один из эпизодов «биографии» атомной подводной лодки «Ленинский комсомол» Краснознаменного Северного флота.

А теперь перенесёмся на экватор. Безбрежную гладь Индийского океана пересекают советские военные корабли. Это отряд кораблей в составе крейсера «Дмитрий Пожарский», ракетного корабля «Гордый» и противолодочного корабля «Стерегающий» направляется с дружеским визитом в республиканскую Индию.

Выйдя из Владивостока 14 марта 1968 года, наши корабли более четырёх месяцев бороздили воды тропических морей и океанов.

Пройдя 25 000 миль, они посетили индийские порты Мадрас и Бомбей, столицу Сомали Могадишо, побывали в иракских портах Умм-Касре и Басре, в столице Пакистана Карачи, затем направились в Иран. Посетив порт Бендер-Аббас, корабли зашли в Аден (Народная Республика Южного Йемена), погостили в цейлонском порту Коломбо и уже в июле месяце возвратились в родной Владивосток. Проследите по карте путь кораблей отряда, и вы увидите, что и в наши дни жива романтика дальних океанских плаваний. Весь поход был насыщен упорной боевой учёбой. И хотя тропики не раз подносили морякам сюрпризы в виде шквальных ливней и пятидесятиградусной жары, наши люди и корабли выдержали с честью все испытания.

Как лучших друзей встречали моряков отряда жители многих стран Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Восемь объёмистых томов отзывов хранят тёплые слова симпатии и любви к советским людям. Вот одна из таких записей:

«Советские моряки оставили у жителей города Карачи самое хорошее впечатление. Самый приятный визит. Всего наилучшего тем, кто плавает на этих кораблях. Они так же хороши, как и ваш народ. Да здравствует великий Военно-Морской Флот Советского Союза!»

Всем памятна израильская агрессия против арабских стран Ближнего Востока летом 1967 года. В эти тревожные дни присутствие в Средиземном море кораблей под бело-голубыми флагами с красной звездой и знаками серпа и молота во многом способствовало обузданию зарвавшихся агрессоров.

И сейчас корабли нашей Средиземноморской эскадры бдительно следят за всеми маневрами американского 6-го флота и его союзников по агрессивному военному Северо-Атлантическому блоку. Они готовы дать решительный отпор любой империалистической провокации.

В настоящее время Военно-Морской Флот СССР имеет всё необходимое для надёжной защиты морских рубежей нашей Родины. Наши корабли способны нести боевую вахту в самых отдалённых районах Мирового океана. В составе нашего флота есть и атомные подводные лодки с ракетным и торпедным вооружением, и быстроходные надводные корабли-ракетоносцы, скоростная ракетносная авиация дальнего действия и отважная морская пехота — наследница боевой славы героев Ленинграда, Севастополя и Одессы.

Не так давно группа советских атомных подводных лодок под командованием контр-адмирала А. И. Сорокина совершила первое в мире групповое кругосветное подводное плавание. Полтора месяца продолжался этот поход, 25 000 миль — путь, равный длине экватора, — прошли подводные корабли, ни разу не всплыв на поверхность.

А вот другая группа советских кораблей. В середине её выделяется могучий боевой корабль с просторной открытой палубой, под которой высится массивная надстройка, увенчанная антеннами радиолокационных станций. С деловитым гулом садятся на палубу и взлетают вертолёты с красными звёздами на фюзеляже, несущие патрульную службу над водами океана. Это противолодочный крейсер с мощным ракетным вооружением. С помощью своих вертолётов, гидроакустических и радиолокационных станций он способен обнаружить любого подводного, надводного и воздушного противника и нанести по нему, если потребуется, неотвратимый удар.

Недаром сокрушается американский военно-морской журнал, признавая, что «существующий Военно-Морской Флот Советского Союза сильнее любого своего предшественника» и что «... сильно возросшая деятельность обеспечивает его завидными возможностями осваивания открытых морей и возможностями подготовки закалённых моряков».

А вот и закалённые моряки: вчерашние школьники, несущие вахту у турбин и атомных реакторов, у штурманских приборов и ракетных установок — молодые матросы, опытные старшины, офицеры с инженерным образованием и большим практическим опытом.

Может быть, прочитав эту книгу, и вы «заболеете» мечтой о флоте, о корабельных палубах и дальних морских походах.

До встречи на морях, ребята!

В. Ю. УСОВ
инженер-капитан I ранга

СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ

Абордаж — вид морского боя гребных и парусных флотов, при котором корабли сцеплялись друг с другом для рукопашной схватки.

Бак — носовая часть верхней палубы корабля.

Брандер — судно, наполненное взрывчатым или горючим веществом, предназначавшееся для взрыва или поджога неприятельских судов.

Галера — старинное гребно-парусное судно.

Гардемарин — учащийся старшего класса морского кадетского корпуса.

Генерал-адмирал — высший чин в военно-морском флоте дореволюционной России.

Георгиевский кормовой флаг — знак высшего отличия за боевые подвиги корабля в русском военном флоте.

Гидрограф — моряк, учёный, изучающий океаны, моря, озёра, реки с целью обеспечения мореплавания и судоходства.

Гидрология — наука о физических и химических процессах, происходящих в морях и океанах.

Единорог — старинное артиллерийское орудие.

Кабельтов — морская мера длины, равная 185 м ($1/10$ морской мили).

Канонерские лодки — небольшие надводные корабли с артиллерийским вооружением, предназначенные главным образом для действий в прибрежных районах, на озёрах и реках.

Канонир — матрос-артиллерист.

Карбас — небольшое рыболовецкое судно, встречающееся на Белом и Баренцевом морях.

Кильватер — струя, остающаяся за кормой идущего корабля. **Строй кильватера** — когда корабли идут один за другим в кильватерной струе.

Кингстон — клапан, через который внутрь корабля подаётся забортная вода (для охлаждения механизмов, тушения пожаров и других целей).

Клотик — небольшой деревянный или металлический кружок, покрывающий вершину мачты.

Корвет — трёхмачтовое военное судно, с 20—30 пушками, расположенными на верхней палубе. В современных зарубежных флотах корветами называют небольшие корабли, предназначенные для обороны транспортных судов от атак подводных лодок.

Крюйт-камера — пороховой погреб на кораблях парусного флота.

Лавировать — продвигаться под парусами к определённой цели переменными курсами при встречном ветре.

Лиман — мелководный залив, иногда отделённый от моря узкой песчаной косой.

Линейный корабль — самый крупный парусный корабль с артиллерией, расположен-

ной по бортам в линию на двух-трёх палубах (до 120 пушек). В XX веке — наиболее мощный боевой корабль с артиллерийским вооружением из 8—12 орудий калибром 280—457 мм и до 150 орудий меньших калибров.

М а р с — площадка на мачте.

М о р с к о й к а д е т с к и й к о р п у с — военно-морское училище в дореволюционной России.

Н а в и г а ц и я — мореплавание, а также наука о кораблевождении.

П е р е в о л о к а — в данном случае — деревянный помост на узком перешейке полуострова для перетаскивания галер.

Р а н г о у т — круглые деревянные или металлические (трубчатые) конструкции, служащие для постановки и растягивания парусов (мачты, реи, стеньги и т. д.), подъёма сигнальных флагов.

Р е й — горизонтальное бревно, подвешенное за середину к мачте. Служит для привязывания парусов.

С т а п е л ь — место постройки корпуса судна.

С т е н ь г а — продолжение мачты вверх. (К мачте крепится стеньга, к ней — брам-стеньга, а ещё выше — бом-брам-стеньга.)

Т а к е л а ж — все снасти на судне, служащие для крепления рангоута (стоячий такелаж) и управления рангоутом и парусами (бегучий такелаж).

Т е р р и т о р и а л ь н ы е в о д ы — прибрежная часть моря, которая принадлежит данному государству и на которую распространяются его законы и права.

Ф а р в а т е р — проход между подводными опасностями (мелями, рифами), минными заграждениями, а также определённый путь для плавания судов.

Ф о р т — укрепление с мощным вооружением, способное к самостоятельной круговой обороне.

Ф р е г а т — в парусном военном флоте — трёхмачтовый, наиболее быстроходный военный корабль, второй по величине после линейного корабля. Число пушек на фрегатах доходило до 60, располагались они на двух палубах — верхней и батарейной. В современных зарубежных военно-морских флотах фрегатами называют быстроходные надводные корабли, предназначенные для действий против подводных лодок и авиации.

Ш л ю п — небольшой (меньше корвета) парусный военный корабль, вооружённый 15—20 пушками.

Ш п а н г о у т ы — поперечные рёбра корпуса судна, к которым крепится наружная обшивка.

Ш х е р б о т — небольшое гребно-парусное судно, специально предназначенное для действий в шхерах.

Ш х е р ы — прибрежный район моря с большим количеством мелких островов.

Э с к а д р е н н ы й б р о н е н о с е ц — так назывался в парусном флоте линейный корабль с 1892 по 1907 год. Эскадренные броненосцы имели от 2 до 6 пушек крупного калибра (240—305 мм) и до 30 пушек меньших калибров.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Озерецкая Елена Леонидовна
ДОБЛЕСТЬ РУССКОГО
ФЛОТА

Ответственный редактор
Н. К. Не у й м и н а.

Художественный редактор
В. В. К у п р и я н о в.

Технический редактор
Э. П. К о р е н ю к.

Корректоры
К. Д. Н е м к о в с к а я
и Л. К. М а л я в к о.

Сдано в набор 8/VIII 1969 г. Подписано
в печать 29/V 1972 г. Формат 60×90¹/₈.
Бум. № 1. Печ. л. 14. Усл. печ. л. 14.
Уч.-изд. л. 11,46. Тираж 100 000 экз. Ле-
нинградское отделение ордена Трудового
Красного Знамени издательства «Детская
литература» Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР. Ленинград, 192187,
наб. Кутузова, 6. Зак. № 677. Фабрика
«Детская книга» № 2 Росглавполиграфпро-
ма Комитета по печати при Совете Мини-
стров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7.
Цена 1 р. 69 к.

